

Колосъ

10
ОКТАБРЬ
1968

Костёр

10
ОКТАБРЬ
1968

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Мы старших братьев и сестер
зовем сегодня на костер —
гори, костер крылатый,
в честь юбилейной даты!

Придут сегодня к нам сюда
ученый и герой труда,
с погранзаставы парни,
писатель и полярник.

Мы песню про костер споем,
мы полюбуемся огнем,
решать мы станем с ними:
кем быть нам? И какими?

Мы вспомним всадников лихих
и стройки гул в лесах глухих,
и путь военный, длинный,
и эшелон целинный...

И каждый так захочет жить.
дружить и другом дорожить,
отважным быть, веселым,
достойным комсомола!

50 ЛЕТ

ВЛКСМ

«Наш паровоз, вперед лети! В коммуне остановка!» — пели первые комсомольцы на заре советской власти. Рельсы для этого паровоза они укладывали собственными руками. И узкоколейка, которую строили корчагинцы, и проложенный через пустыню в годы первой пятилетки Турксиб были частью единого пути в будущее.

Продолжателями славных традиций стали сегодняшние комсомольцы. Вот будни студенческого транспортного отряда наших дней. словно воскресли самые яркие страницы летописи Ленинского союза молодежи. Плечом к плечу стоят молодые строители.

Эстафета героических дел продолжается!

О славном полувековом пути комсомола рассказывает подборка архивных документов и фотографий. Их вы найдете на страницах 12, 24, 42, 43, 46.

ЗОЯ

Из поэмы

Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра нечасты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
эта девочка в ватных штанах и треухе.
«Значит, я ничего не боюсь и смогу
сделать все, что приказано...»

Завтра не близко.
Догорает костер, разожженный в снегу,
и последний дымок его стелется низко.
«Погоди еще чуточку, не потухай.
Мне с тобой веселей. Я согрелась немного.
Над Петрищевом — три огнёвых петуха.
Там, наверное, шум, суета и тревога.
Это я подожду!»

Это я! Это я!
Все исполню, верна боевому приказу.
И сильнее противника вся моя,
и сама я невидима вражьему глазу.
Засмеяться?

Запеть?
Погоди, погоди!..
Вот когда я с ребятами встречусь, когда я...»
Сердце весело прыгает в жаркой груди,
и счастливей колотится кровь молодая.
Ах, какая большая стоит тишина!
Приглушенные елочки к шороху чутки.
«Как досадно, что я еще крыл лишена.
Я бы к маме слетала хоть на две минутки.
Мама, мама,

какой я была до сих пор?
Может быть, недостаточно мягкой и нежной?
Я другую вернусь...

Догорает костер.
Я одна остаюсь в этой полночи снежной.
Я вернусь,

я найду себе верных подруг,
стану сразу доверчивей и откровенней...»
Тишина, тишина нарастает вокруг.
Ты сидишь, обхвативши руками колени.
Ты одна.

Ах, какая стоит тишина!
Но не верь ей, прислушайся к ней, дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,

вся война,
до переднего края.

Ты услышишь все то, что не слышно врагу.
...Под защитным крылом этой ночи вороньей
заскрипели полозья на крепком снегу,
тащат трудную тягу разумные кони.
Мимо сосенок четких и лунных берез
через линию фронта, огонь и блокаду,
нагруженный продуктами красный обоз
осторожно и верно ползет к Ленинграду.

Люди, может быть, месяц в пути, и назад
не вернет их ни страх, ни железная сила.
Это наша тоска по тебе, Ленинград,
наша русская боль из фашистского тыла.
Чем мы можем тебе хоть немного помочь?
Мы пошлем тебе хлеба, и мяса, и сала.
Он стоит,

погруженный в осадную ночь,
этот город,

которого ты не видала.

Он стоит под обстрелом чужих батарей.
Рассказать тебе, как он на холоде дышит?
Про его матерей,

потерявших детей,

на груди согревавших чужих ребятишек.
Люди поняли цену того, что зовут
немудреным таинственным именем жизни,
и они исступленно ее берегут,

потому что, — а вдруг? — пригодится отчизне.
Это проще — усталое тело сложить,
никогда и не выйдя к переднему краю.

Слава тем, кто решил до победы дожить!
Понимаешь ли, Зоя?

— Я все понимаю.

Понимаю. Я завтра проникну к врагу,
и меня не заметят,

не схватят,

не свяжут.

Ленинград, Ленинград!

Я тебе помогу.

Прикажи мне!

Я сделаю все, что прикажут...

И как будто в ответ тебе, будто бы в лад
застучавшему сердцу

услышь канонаду.

На высоких басах начинает Кронштадт,
и Малахов курган отвечает Кронштадту.

Проплывают больших облаков паруса
через тысячи верст человеческого горя.

Артиллерии русской гремят голоса
от Балтийского моря до Черного моря.

Севастополь.

Но как рассказать мне о нем?

На светящемся гребне девятого вала
он причалил к земле боевым кораблем,
этот город,

которого ты не видала.

Сходят на берег люди.

Вздыхает вода.

Что такое геройство?

Я так и не знаю.

Севастополь...

Давай помолчим.

Но тогда,

понимаешь, он был еще жив.

— Понимаю.

Понимаю.

Рисунок К. Савкевич

Я завтра пойду и зажгу
и конюшни, и склады согласно приказу.
Севастополь, я завтра тебе помогу!
Я ловка и невидима вражьему глазу.
Ты невидима вражьему глазу?

А вдруг?

Как тогда?

Что тогда?

Ты готова на это?

Тишина, тишина нарастает вокруг.
Подымается девочка вместо ответа.
Далеко-далеко умирает боец...
Задыхается мать, исступленно рыдая,
страшной глыбой заваленный, стонет отец,
и сирот обнимает вдова молодая.
Тихо так, что ты все это слышишь в ту ночь,
потрясенного мира взволнованный житель:
— Дорогие мои, я хочу вам помочь!
Я готова.

Я выдержу все.

Прикажите!

А кругом тишина, тишина, тишина.

И мороз

не дрожит,

не слабеет,

не тает...

И судьба твоя завтрашним днем решена.

И дыханья

и голоса

мне не хватает.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

Поэма о Зое, о ее судьбе, о ее подвиге начинается для меня неизбежно заснеженным январским вечером в военной Москве, когда мы впервые прочли в «Правде» очерк военного журналиста Петра Лидова, озаглавленный девичьим именем «Таня». Тут же была напечатана фотография — мертвая девушка с петлей на шее, лежащая на снегу. Через несколько дней «Правда» сообщила о том, что партизанка Таня оказалась московской школьницей Зоей Космодемьянской и что ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

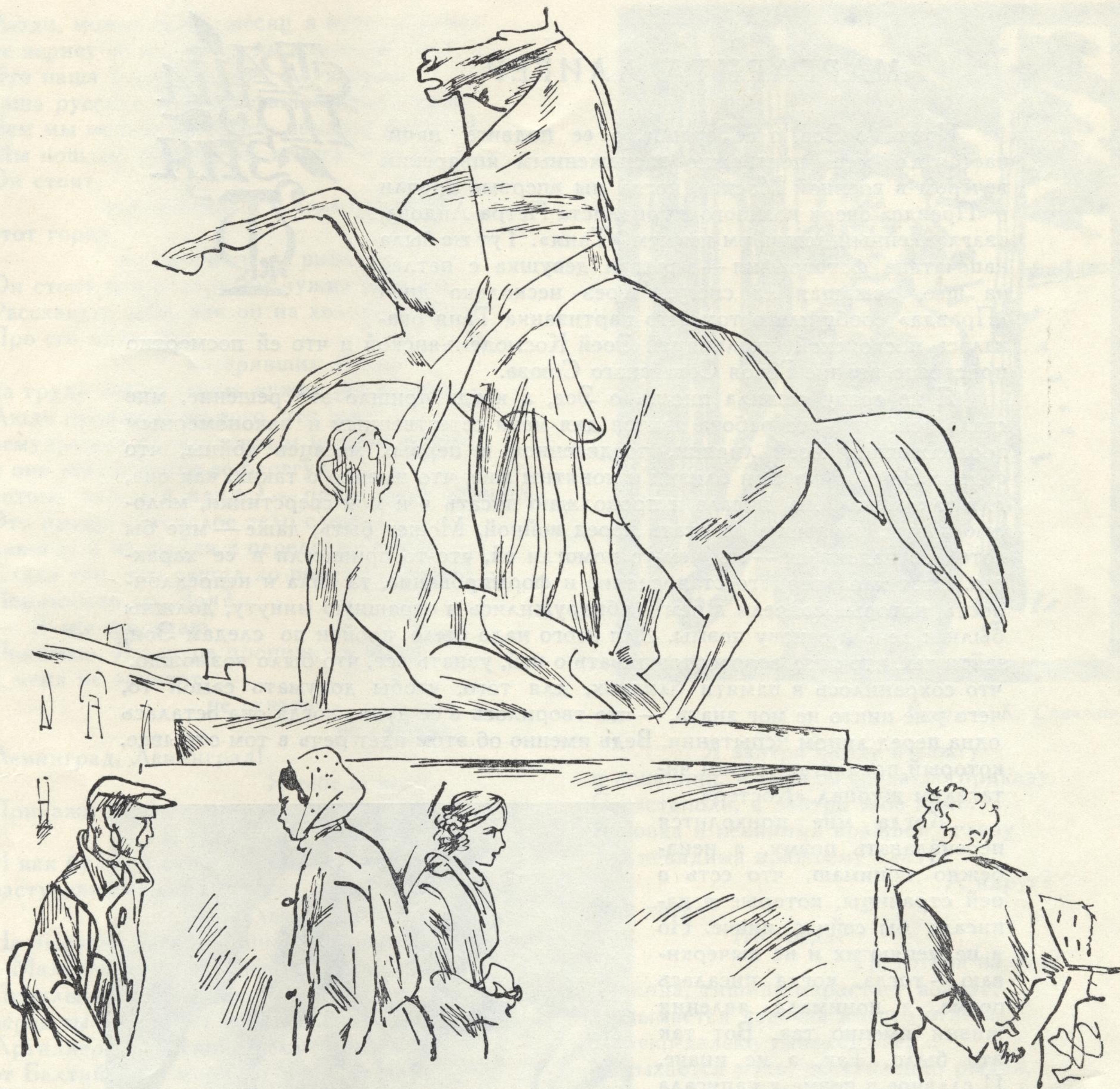
Я не сразу решила писать о Зое, а когда пришло это решение, мне стало ясно, что эта работа явится для меня естественным и закономерным продолжением моей лирики, предвоенной и первых месяцев войны, что судьба Зои, образ Зои близки и понятны мне, что именно о таких, как она, для таких, как она, писала и продолжаю писать я и мои сверстники, молодые поэты, начавшие работать перед войной. Может быть, даже — мне бы хотелось надеяться — мы чем-то помогли ей, что-то привнесли в ее характер. Этот характер, его становление и формирование, та сила и непреклонность, которые созрели в нем и обнаружались в страшную минуту, должны были и лечь в основу поэмы. Для этого надо было пройти по следам Зои, найти тех, кто знал ее, расспрашивать о ней, узнать все, что было возможно, что сохранилось в памяти близких, для того, чтобы додумать самой то, чего уже никто не мог знать, — что творилось в ее душе, когда она осталась одна перед лицом испытания. Ведь именно об этом идет речь в том отрывке, который предлагает своим читателям журнал «Костер».

...Когда мне приходится переиздавать поэму, я неизбежно понимаю, что есть в ней страницы, которые я написала бы сейчас иначе. Но я не меняю их и не вычеркиваю — тогда, когда писалась поэма, я понимала явления жизни именно так. Вот так это было. Так, а не иначе. И главное в поэме я написала бы и сегодня так же, как двадцать пять лет тому назад. Ибо это главное — сила и величие наше перед лицом фашизма. И для меня дорог

интерес к «Зое» у нынешних молодых людей еще и потому, что мне трудно провести в поэме грань между душевным миром ее героини и тех, кто был молод тогда, воевал вместе с ней и за те же высоты. Может быть, поэма в какой-то мере расскажет новым ее читателям о том, чем мы жили и почему мы были такими. Может быть, она ответит на иные их недоумения и приблизит их к грозному, по-своему неповторимому, героическому времени нашей юности.

М. Алигер

ПОСЛЕ БЛОКАДЫ ЧЕРЕЗ ГОД

РАССКАЗ

Сергей Давыдов

Рисунки Ю. Шабанова

— Казанский следуца!

— Следуца, — улыбнулся висящий на подножке трамвая мужчина в дорогом довоенном пальто, из-под которого выглядывал выгоревший белый ворот гимнастерки. — Откуда будешь, мать? Тихвинская?

— С Лодейного Поля мы, — высунувшись из окна по пояс, ответила кондукторша и тут же закричала: — А платить кто будет, а?!

— А сколько платить? Пятнадцать копеек? Ишь ты — как до войны! Дожили все-таки!

— Боженьки, а на колбасе-то что делается! Всех на остановке в милицию сдам!

Ей ответили дружным смехом.

Неудобно, конечно, ехать по Невскому на колбасе, но в вагон не пробыешься. Витька однажды пробовал, больше желания нет.

— Эй, подвиньтесь, ну подвиньтесь, вам го-

Ворят! — кричал какой-то военный, догоняя трамвай, путаясь в полах длинной шинели, брякая подковами сапог.

— Пустим капитана?

— А куда?

— Всем надо ехать, подвинемся.

— Черт, прямо на мозоль прыгнул!

— Спасибо, хлопцы. Опаздываю. Фу, еле догнал.

Трамвай дополз до Казанского, и Витьку с колбасы сдернули. Началась давка, казалось, вот-вот вагон перевернется. Наверное, как-нибудь Витька зацепился бы, но у собора продавали эскимо.

Эскимо простое, белое, по пятерке. За ним длинная очередь. Впереди Витьки старушка в очках разговаривала сама с собой:

— Надо взять десять штук. Вскипячу в маленькой синей кастрюльке. Поставлю на керосинку и вскипячу.

— Кипятить-то и не надо, — сказали из очереди. — Только подогреть и пить.

— Простите, — вздрогнула старушка. — Что вы сказали? После десятого марта я плохо слышу. Десятого нас завалило в бомбоубежище.

Эскимо отдавало металлическим привкусом сахара, но Витька с удовольствием грыз льдистый бесцветный столбик. Все-таки какая-то еда. А есть Витька хотел не меньше, чем в блокаду. Он начал вдруг расти. Четыре года носил то, в чем еще до войны в шестой класс ходил, и вдруг все стало трещать. Пиджак ничего, а брюки совсем коротки, пришлось надевать отцовское галифе.

На ногах у Витьки тяжелые кирзовые сапоги с подрезанными голенищами. Тоже отцовские. Витьку наряд не смущает. Весь Ленинград так ходит, — не то военное, не то гражданское.

Шумно на Невском и тесно. Толкают, только успевай поворачиваться. Тесно, но весело. Надоело безлюдье. Витька в блокаду боялся, что останется город пустым и трамваи никогда не тронутся с места, и тишина будет вечная...

— Гончаров, подожди, слышь, Гончар!

Широко улыбаясь, размахивая руками, на встречу спешил Лукин. Чудак этот Лукин! Они вместе учились в ремесленном. Лукин откуда-то с Урала, широкоплечий, белозубый, восторженный. После занятий он ездит на Невский, а потом всех догоняет расспросами. Больше всего его изумляет мост с бронзовыми лошадьми. Лошадей он разглядывает подолгу, раскрыв рот, покачивая кудрявой головой. Кудри у него светлые, а глаза голубые. За эти глаза и кудри Витька недолюбливает его, называет про себя «бабой». И уж слишком

Лукин возится со своими тряпками, гладится, чистится. Брюки у него какие-то немнущиеся. Говорит, из бостона. Подумаешь, директор ремесленного и то в галифе ходит, а этот вырядился. И Невский проспект ему, видите ли, нравится, а родная Витькина Гавань — нет. Шпаны, мол, слишком много, пивные на каждом углу: ходить страшно. А Витьке не страшно. В блокаду по ночам ходил заборы на дрова ломать — не боялся.

— Гончар, ты не знаешь, зачем эти...

— Лошади? — усмехнулся Витька.

— Колонны у церкви. Зачем так много, а?

— Какая же это церковь. Не видишь, собор!

— Ну, — удивился Лукин, — собор? А окна на той стороне, смотри...

— Ну, окна.

— Красота, верно? Куда же ты, стой! Скажи, а зачем эти...

— Лошади?

— Львы. Там, на Неве я видел.

— Отстань.

— Неужели не знаешь? А еще ленинградец!..

Не объяснять же ему, что Витька больше всего на свете любит Гавань. Любит ее старенькие — один этаж деревянный, другой кирпичный — домики. Любит залив и Петровский ковш, Василеостровский, или попросту «Васин», сад, дворец Кирова, Голодай... Не говорить же ему, что в Эрмитаже Витька был лишь раз до войны вместе со своим классом и для него Ленинград — это его Гаванская улица и пляж на косе... Не говорить же ему этого. Никто этого не может понять. Тем более Лукин!

В столовой ремесленного училища бил в ноздри постный запах капусты, гремели бачки, звякали ложки. Ремесленники сидели на длинных скамьях, плотно притиснутые друг к другу, и жадно уплетали щи. После практики в прокатном цехе каждый смог бы оплести целый бачок.

Витька и не заметил, как проглотил свои щи. В животе была такая же легкость, как и до ужина. Неплохо бы прикупить пайку хлеба. Он поглядел в конец стола, где сидели низкорослые близнецы Старухины, похожие друг на друга, как две алюминиевые тарелки. Близнецы частенько продавали хлеб. В общестии у них стоял сундучок с железными уголками. В сундучке — деревенские припасы. Старухины ни с кем не делились, но зато продавали хлеб и на этом большое спасибо.

Витька перехватил взгляд одного из братьев и нарисовал в воздухе горбушку. Старухин важно сдвинул брови, немного подумал, поджал тонкие губы, кивнул — ладно, мол.

— Витька, а где Лукин? — спросили сбоку.

Витька поискал белые кудри Лукина. Действительно, где? Неужели поехал в город без ужина? Не может такого быть! Вон и пайка его на месте.

Сегодня в прокатке Лукин отличился. Разделся по пояс, нацепил фартук на голую грудь и давай шуровать в печи раскаленные добела болванки. Разошелся, не остановит. Покрикивает. Сизакова, бывшего с ним в паре, загнал: тот едва поспевал подправлять болванки на рольганг.

— Эй ты, русалка! — завопил упарившийся Сизаков. — С ума стронулся, что ли! А ну, потише шуруй, говорю!

Какое там! Лукин в азарт вошел!

— Давай, давай, напарничек, не подкачаем! Пятилетка в четыре года, ур-ра! Даром, что ли, хлеб едим. Давай, давай!

Желваки на скулах у Сизака так и заходили. Робу ему тоже пришлось скинуть. Заплясала на груди наколка — фиолетовая кобра, спящая на страшном кинжале. Темные ручьи побежали по кобре.

— Я тебе покажу «давай, давай»! — орал Сизак. — Ну, дожدهшься ты у меня!

Но сколько ни ворчал Сизаков, ему пришлось не отставать. Огненные болванки одна за другой валялись из печи.

Наконец бригадир дал колокол — заступать другой бригаде. Сизаков плюнул, перекинул робу через плечо и пошел в душевую.

Лукин, белозубо улыбаясь, пошел за ним.

— Вот это да! — возбужденно крикнул он. — Давай всегда так, а?! Ты, правда, выдохся чуток, но привыкнешь. Верно?

Витька заметил, как у Сизака бешено сверкнули глаза. Он даже весь передернулся.

— Слышь, а зачем у тебя эта змея? — как ни в чем не бывало спросил Лукин. — Я бы себе гада ни за что не дал выколоть!

Сизаков в ярости поднял кулак, но не ударил, а только посверлил черным пальцем висок Лукина.

Теперь Сизак сидел рядом с Витькой. Лицо его было хмуро и презрительно. Он тоже покончил с ужином и, видно, подумывал насчет дополнительной пайки. Толстое золотое кольцо желтело на его руке. Кольцо это появилось недавно. Сизак хвастал, что выиграл его в карты.

Витька знал Сизака и до войны. Они учились в одной школе, а в войну дружили. Но сейчас Сизак стал другим. Спутался со шпаной, ходит по пивным, в карты режется, по вечерам на Большом задирает прохожих. Как-то в Васином саду Витька попробовал с ним поговорить — только в глаз получил. Долго потом синяк не проходил. Сдачи дать не

пришлось — шпана окружила, насилиу выбрался.

— Сизак, где Лукин?

— Вались ты от меня!

Сизак помахал близнецам и показал два пальца.

— Я уже пайку у них забил, — сказал Витька.

Не обращая на него внимания, Сизаков поднялся и вразвалку пошел к Старухиным. Сгреб обе пайки, швырнул на стол тридцатку и вернулся на место.

— Пользуешься, Сизак. На шпану надеешься!

— Хотя бы! Поговори еще у меня.

После ужина можно домой, но Витька отправился в общежитие. Интересно, что с Лукиным. Иногородние жили в старом доме, неподалеку от знаменитого Горного института. Здание еле перенесло войну. Осколки изрешетили фасад, внутри сыро и холодно, холоднее, чем на улице.

Дощатый пол в длинном темном коридоре подгнил, и в доме стоял тяжелый запах. По коридору много дверей — за дверью комната, а в комнате живет по десятку ремесленников.

Лукин сидел на кровати, прижав колени к подбородку.

— Ты что, рехнулся? Комендант увидит. В брюках под одеялом!

— Брюки-то сперли, — сказал один из Старухиных, а который, сам черт не смог бы разобрать.

— Так, — усмехнулся Витька. — Дофорсил, малый!

«Ничего, походишь и в робе. Многие в ней ходят — и живы. Ишь, физиономия вся опухла от слез, — думал Витька. — Узнал, что земля вертится!»

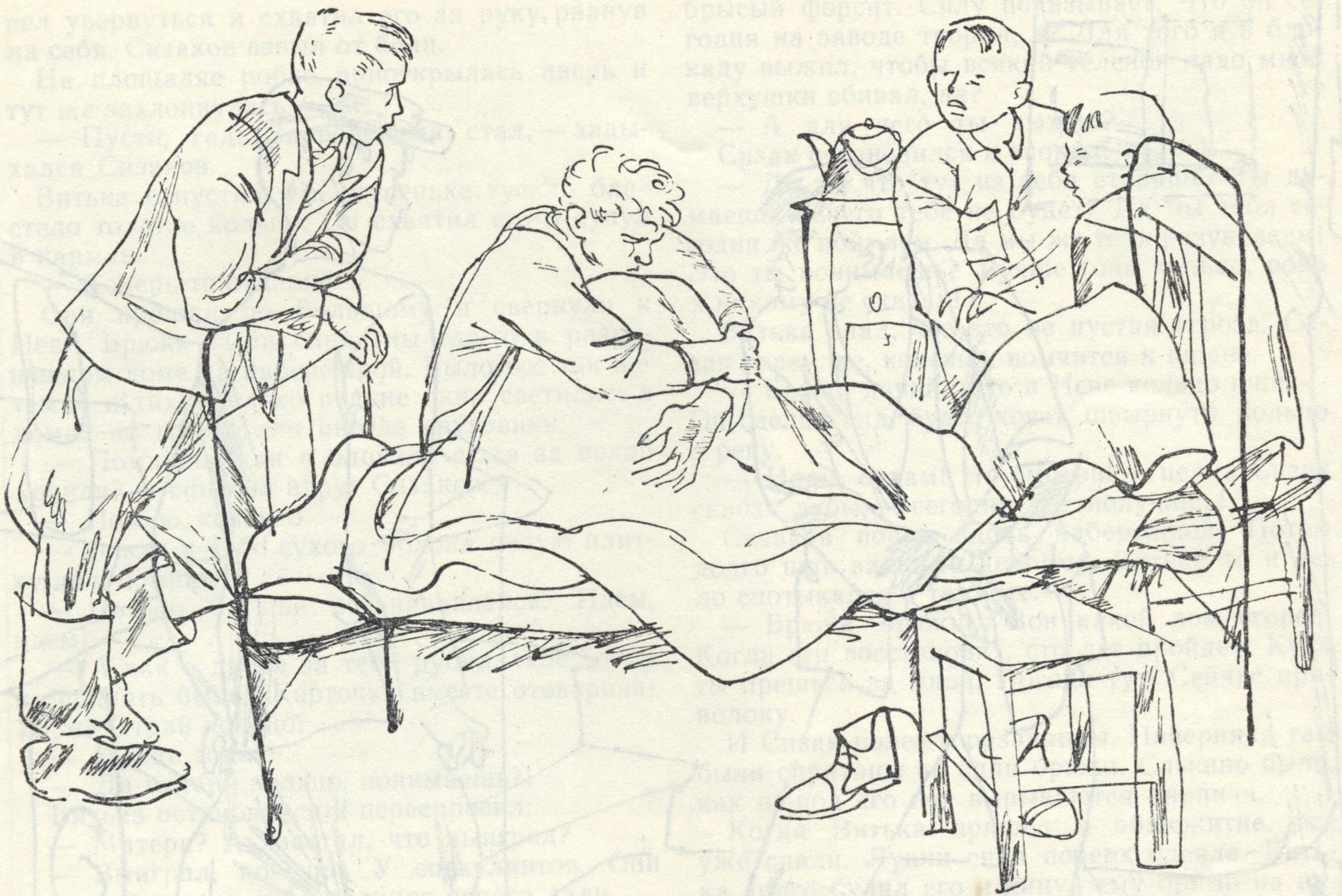
— Они тыщу, как не больше, стоят, — сокрушался Старухин. — Эх, да разве здесь не украдут? Мы вон на сундучок-то два замка прихитрили — и то опасаемся, а он такие брюки под матрацем держит. Да чего их было покупать?! Сам гол, как сокол. Ведь из деревни даже соли не привез!

Лукин вдруг со злостью отбросил одеяло и вскочил на кровати. Жалкие матрацные пружины только пискнули.

— Неври! Не хуже тебя собрали! — заорал он Старухину. — И сундук был, и сало было, еще лучше твоего. Последнее мне отдали. А я все на эти брюки, да еще денег сколько приплатил!

— Ну вот, ну вот... — закачал головой Старухин. — Башка-то плоская.

— Не мог я в Ленинград, на Неву, голозодым ехать, это ты понимаешь? — орал Лукин,

прыгая по кровати. — Не мог! В лохмотьях сюда попрусь, да?

— Быть бы сыту, — невозмутимо тянул свое Старухин. — Из брюха никто не украдет. А Нева что, вода мутная, и всё, что за диво?

В темноте раздавались шлепки мелких волн, легкие, частые и звонкие. От темной груды камней, лежащих на самом берегу залива, шел резкий острый запах нефти. Откуда-то с воды прилетали голоса рыбаков, но лодок не было видно. И непрерывно шумела труба ГЭС, словно какое-то чудовище набрало в себя воздуха и теперь, недовольное, выдыхало сипло и мощно.

Витька стоял у самой воды и грыз сухарь. Сухарь ему сунул в шинель отец.

Изредка проходили пары. Сверкали матросские бляхи, слышался смех.

Все звуки были понятны Витьке, может быть, поэтому он не боялся ходить так поздно. Здесь он собирал кленовые листья в блокаду, чтобы мать испекла из них лепешки, здесь, на берегу, находил дрова.

Сухарь был пересушен и приятно горчил.

Отламывая маленькие кусочки, он давал им таять во рту.

Витька караулил Сизакова. И был почти уверен, что он взял брюки. Уже погасли редкие фонари в переулках, а Сизаков не появлялся. Но он должен пройти здесь, другой дороги к дому не было.

Витька совсем уже продрог, когда вдруг увидел пару, быстро двигавшуюся ему навстречу.

— Эй, дай закурить!

Сизаков с какой-то девчонкой.

— А, Витёк! Курево, говорю, есть? «Звездочка»? Годится.

Девчонка была на голову меньше Сизакова и все время отворачивалась, пряча лицо. Но Витька все же узнал. Живет на кольце трамвая. Малявка!

— Мы потопали. Мерси!

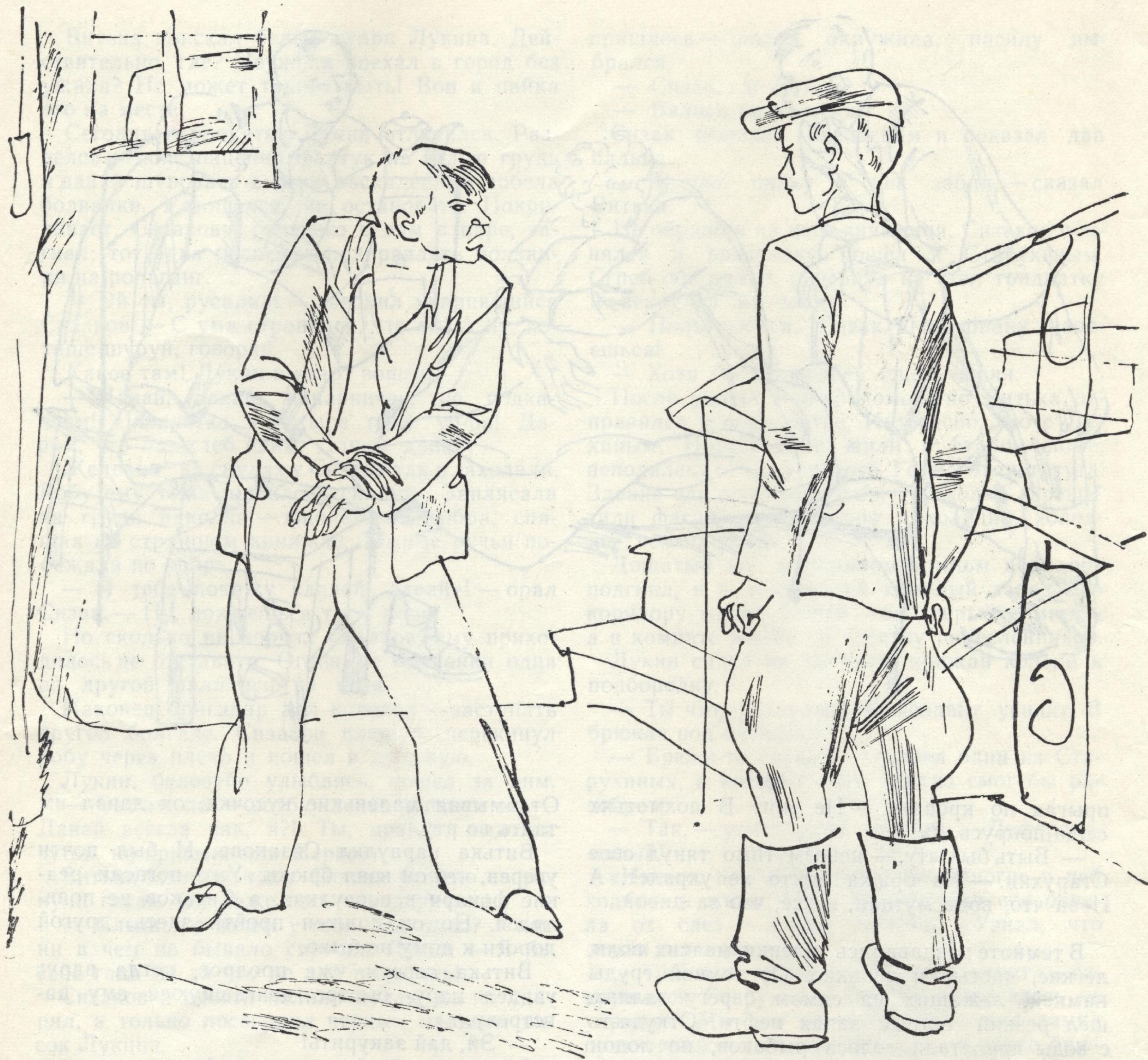
— Обожди, Сашка, потолкуем.

— Утром на теории делать нечего, там и потолкуем, — отмахнулся тот.

Витька покачал головой.

— Ну что тебе? Говорят — утром.

— Брюки гони...

Сизаков поднял голову и в упор посмотрел на Витьку.

— Томка, пройдишь пойдешь, я сейчас, — процедил он.

— Он не скоро, — смело сказал Витька.

Девчонка послушно затрусилась прочь.

— Пойдем, что ли? — спросил Сизаков.

— Куда?

— В парадную.

— Ах так, — сказал Витька. — Ну пошли на черный ход.

...Витька сидел на ступеньке, разглядывая

порванную штанину. Выше на площадке ныл Сизаков.

— Ух, гад! Из-за деревенщины, из-за скобаря какого-то!

— Не вой, Сашка. Брюки гони, домой не пушу.

— Ты!

— Я.

— Может, еще полезешь?

— Не отдашь?

— А-а! — крикнул Сизаков и бросился вниз, пытаясь ударить ногой. Но Витька ус-

гел увернуться и схватил его за руку, рванув на себя. Сизаков взвыл от боли.

На площадке робко приоткрылась дверь и тут же захлопнулась.

— Пусти, гад! Здоровенный стал, — задыхался Сизаков.

Витька отпустил. На ступеньке тускло блестя толстое кольцо. Он схватил его и сунул в карман.

— Теперь-то отдашь!

Они прошли по Большому и свернули к Неве. Брюки были спрятаны где-то в разрушенном доме на набережной. Было все так же темно и тихо, только редкие окна светились в домах да гроыхали иногда грузовики.

— Помнишь, как в блокаду сюда за водой ходили? — спросил вдруг Сизаков.

— Помню, конечно

— А как я тебе сухого молока целую плитку дал, помнишь?

— Помню. Ты не останавливайся. Идем, идем!

— А как я дрова за тебя рубил, тебе топор не поднять было? Карточки вместе отоваривали, а? Отдай кольцо!

— Брюки гони.

— Да матери кольцо, понимаешь?!

Витька остановился и переспросил:

— Матери? А хвастал, что выиграл?

— Выиграл, конечно. У спекулянтов. Они матери тогда за него полкило серого дали.

Витька вспомнил, как его мать в сорок втором зимой однажды, придя с завода, сказала: «Надя Сизакова умерла. А мы с ней в больнице когда-то вместе лежали».

— На, возьми. Нет, стой, стой! А что тут за буквы внутри?

— Ну инициалы маткины, — Сизак попытался выхватить кольцо.

— Куда! И гад ты! Маткины! Да тут и буквы-то не русские. На что взять решил, а? Ну и человек.

— Отдам брюки, кольцо отдашь? Не отдашь — поймаем все равно.

— На кой мне оно черт. Гони брюки!

— Пошли, отдам... Нужны мне они, — на ходу говорил Сизак. — Обидно. Всякий бело-

брысый форсит. Силу показывает. Что он сегодня на заводе творил, а? Для того я в блокаду выжил, чтобы всякий теленок надо мной верхушки сбивал, да?

— А для чего ты выжил?

Сизак остановился и заорал:

— Да ты что тут из себя ставишь? Ты думаешь, ничего тебе не будет? Да мы тебя сегодня же поймаем. Да мы же тебя разукрасим! Это ты понимаешь? Лучше гони кольцо, пока я никому не сказал!

Витька знал, что это не пустая угроза. Сизак сразу же, конечно, помчится к шпане.

— Брюки давай, а то в Неве кольцо ищи. — Он сделал вид, будто хочет швырнуть кольцо в реку.

— Идем, отдам! Но смотри! — цедил Сизак сквозь зубы, — сегодня же получишь!

Сизаков повел вдоль набережной. Потом долго шли задними дворами. Витька то и дело спотыкался в темноте.

— Брюки, брюки!.. Вон какой дом сгорел. Когда его восстановят, сто лет пройдет! Куда ты прешься за мной. Погоди тут. Сейчас приволоку.

И Сизак полез в развалины. Наверняка там были спрятаны не одни брюки. Слышно было, как из-под его ног вырываются кирпичи.

Когда Витька пришел в общежитие, все уже спали. Лукин спал поверх одеяла. Витька долго будил его и кинул ему прямо на подушку сверток с брюками.

— Держи! И помни: в Гавани ничего не пропадает, — он наклонился, сморщился, потрогал свою рваную штанину. — Тебе понятно?

— Слушай, — вскочил Лукин с постели. — Покажи мне завтра свою Гавань, а?

— Иди ты к черту, — ответил Витька. — Нет у нас в Гавани бронзовых лошадей!

На улице Витьку слегка зазнобило. Может, от холода. Или от страха? Идти надо было мимо Васиного сада. Где-нибудь там, у темной ограды или возле пивной притаилась шпана. Караулит.

Витька постоял в нерешительности. И на минуту пожалел, что все так получилось. Но надо было идти домой.

КОМСОМОЛЕЦ — НА КОНЯ!

В наиболее тяжелый, наиболее гнетущий период гражданской войны, в тот момент, когда казалось, что звон кремлевских колоколов скоро будет аккомпанировать вхождению деникинских полков в нашу столицу, в этот момент союз молодежи объявил поголовную мобилизацию комсомольцев на фронт. Мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели тогда на героев, которых давал комсомол. Достаточно было взглянуть на наших комсомольцев, чтобы приобрести новые силы, новую уверенность в дальнейшей борьбе.

С. М. КИРОВ

Молодые буденовцы

КОМСОМОЛЕЦ — НА ТРАКТОР!

Молодые воины, еще недавно громившие врага на фронтах, пересаживались с тачанок на трактора, чтобы трудом своим преобразить землю, сделать ее такой, какой она виделась Ильичу. Вот что писала газета «Комсомольская правда» 7 июня 1925 года:

«Комсомолец, запомни эти цифры:

1. Наличное количество тракторов в СССР — 6000.
2. Заявок от крестьянства на тракторы — 20 000.
3. В ближайшие годы наличность тракторов будет доведена до 50 000.
4. На каждую 1000 тракторов требуется более 2000 работников тракторного дела (в одну смену).
5. Сейчас есть только 2—3 тракторные школы, которые готовят десятки трактористов, а нам нужны тысячи.

Комсомолец на тракторе будет взрыхлять и перепаживать не только поля СССР, но и привычки, весь старый уклад сельской жизни».

Плакат художника В. Сварога (1930 г.)

Комиссар по рожаткам

Я газетчик. Наша газета — маленькая, районная. Если сложить стопой все экземпляры за одно число, то будет эта стопа всего-навсего с первоклассника.

Наш район — северный. Он дает лес, лен, молоко, мясо. К нам заходит тайга, в районном парке растут кедры.

Четверть населения — школьники.

Однажды случай забросил меня в самый дальний угол района. Я побывал в двух школах. Обе стоят на реке, возле обеих иногда прогуливаются лоси. И в той и в другой школе увидишь красные галстуки, большой портрет Ленина на стене.

А живут ребята по-разному.

Мальчик для порки

Сначала я был в школе выше по течению. Разгворился с одним мальчуганом. Все шло хорошо, пока он рассказывал про охоту. Зверья и дичи кругом много, — когда на первом в жизни охотничьем привале мальчуган стал рубить деревце, из-под деревца выскочил заяц.

Но вот я спросил, есть ли у мальчугана пионерское поручение. Он сразу сник и нехотя ответил:

— Я член совета дружины по дисциплине.

Надо сказать, я посмотрел на этого пионера с большим уважением. Ведь если он справится со своим поручением, то не нужен ни директор, ни завуч, ни классные руководители. Какой, в самом деле, полезный мальчик.

Но тут у меня мелькнуло подозрение. Я спросил:

— Часто тебя ругают?

Он покорно отозвался:

— Каждый раз.

Оказалось, на каждом заседании совета дружины обязательно достается и этому мальчику, и той девочке, которая отвечает за успеваемость.

Вспомнился мне роман Марка Твена «Принц и нищий». Там рассказывается, что в старину при английском королевском дворе была такая долж-

ность — мальчик для порки. Если принц не знал урока, пороли его сверстника.

— За что тебя пороли в последний раз?

— За шапки, — объяснил он мрачно. — Ребята шапок не снимают в помещении. Что я, виноват, что они не слушаются?

Шапки делой!

Когда я попал в школу ниже по течению, то первым делом поинтересовался:

— Кто у вас в совете дружины отвечает за дисциплину?

— А у нас нет совета дружины, — ответили ребята. — У нас совет комиссаров.

— Ну, хорошо, а в совете комиссаров кто отвечает?

— А зачем за нее отвечать?

Я не поддался и задал еще вопрос:

— У вас шапки снимают, когда входят в школу?

Почему-то вокруг заулыбались. Кто-то негромко сказал:

— Попробуй не сними. Сразу бедный будешь.

Мне рассказали, что совет комиссаров постановил: кто не снимет шапки, с того шапку срывать и бить оземь. Сразу началась охота за шапками. Это ведь очень занятно, — тот, с кого сорвут шапку, пугается,

потом гневается, потом конфузится. Спектакль! И сказать ничего нельзя, все только смеются.

— Шапки-то испортили?

Нет, не испортили. Каждая

шапка ударилась раз-другой, не больше. Кому охота быть посмешищем?

Веселый заговор, в который вступила вся школа. И этот заговор был не единственным.

Живая тишина

Совет комиссаров должен был собраться в три часа. Я нарочно опоздал на полчаса: пока соберутся, пока разговоятся. Но комиссаров уже не застал. В раздевалке увидел двух девочек с золотыми комиссарскими звездами на рукавах.

— Уже кончилось, — сообщили девочки. — У нас быстро кончается.

— Что постановили?

— Завтра будет день тишины. Все хотят, много записок в ящике.

Ящик я видел. Он висит на стене в школьном коридоре.

В него можно опустить записку комиссарам.

Назавтра я пришел в школу на первой перемене. У дверей, как водится, стояли дежурные. На груди у них — маленький картонный квадратик, на котором написано одно слово: «Тишина».

Бывает мертвая тишина. В школе стояла тишина живая. Ходили, говорили. Но ходили неслышно, говорили шепотом.

Если кто-нибудь забывался, повышал голос, его брали в молчаливое кольцо. Положение нарушителя было самое глупое, все молчали, и он мол-

чал. Краснел и молчал. Подержав немного, беднягу отпускали.

Я спросил шепотом одного пятиклассника:

— Нравится тебе это дело?

Он шепотом ответил:

— Голова совсем не устает.

Я прошептал девочке-комиссару:

— Завтра тоже будет день тишины?

Она помотала головой.

— Нет, не будет. Надоест ведь так-то. Это мы для отдыха.

Нигде я не видел дежурного учителя. Живой тишиной расправлялись сами заговорщики.

Пулемётная команда

Трудно быть малышом.

Комиссару - первокласснику трудно сидеть на совете комиссаров. Пролетит муха, он засмотрится на нее и пропустит мимо ушей что-нибудь важное.

На уроке все-таки помогает учительница: строжит, заставляет учиться. А дома учительницы нет, нужно самому себя заставить. Попробуй-ка.

Помог малышам учиться пулемет «максим».

Он стоял в пионерской комнате. Настоящий станковый пулемет, только дуло распилено. Стрелять он не мог, но в военных играх участвовал исправно.

Малышей записали в пулеметные команды. В каждой команде мальчики и девочки нескольких соседних домов. Та команда, которая весь день

училась лучше других и примерно себя вела, с торжеством выкатывала «максим» за школьные ворота. В семь часов вечера малыши должны притащить пулемет в дом любого из комиссаров. Но до семи-то часов какая игра!

Хорошо, что «максим» — вещь очень прочная. Как ни вращай его хоботом, как ни щелкай прицельной рамкой — ничего не попортишь.

Малыши затаскивали пулемет на крышу сарая, закапывали в снег, брали пулеметчика штурмом, оглушительно тархтели. И бегали проверять друг друга: не подвел бы кто, не заленился бы учить уроки.

В третьем классе — арифметика. Со всех парт тянут руки, глядят умоляющими глазами пулеметные команды. Стараются.

Комиссар по рогаткам

На школьном собрании мне больше всего понравилось выступление чрезвычайного комиссара по рогаткам.

Он вышел на середину со своим помощником. Оба тащили плетеную корзину, доверху набитую рогатками. Большими, маленькими, с серой, красной, черной резиной.

Корзину поставили на пол, и комиссар сделал отчет о проделанной работе. Он сказал:

— Вот.

Потом снял с рукава серебряную звезду и отдал председателю совета комиссаров. Все захлопали.

Мой сосед наскоро объяснил: чрезвычайного комиссара избирают, когда есть неожиданное неотложное дело. По своему делу он имеет полную власть в школе. А потом опять становится рядовым. Быть чрезвычайным комиссаром можно только однажды.

— А не жаль тебе, что ты уже не комиссар? Поносил бы еще на рукаве звезду? — спросил я бывшего комиссара.

Он посмотрел даже как будто испуганно:

— Мы же все рогатки собрали!

Нет, этот парень не цеплялся за свое комиссарство. За звездочку. И когда-нибудь ему можно будет доверить большую звезду.

День в году

За директорским столом сидел семиклассник с двумя золотыми звездами на рукаве — председатель совета комиссаров. Он работал всю перемену, а потом убежал на урок.

— Школа, — отвечал он в трубку. — Здравствуйте, Виталий Иванович (это звонил председатель колхоза). Я за директора, у нас сегодня самостоятельный день. Спасибо. Какой заказ? Это можно, сделаем дня за три. Можно и за два. А у нас как раз новый станок.

А он как раз сверлильный. Ладно, пошлю ребят.

Потом распорядился:

— Двоих — за пирожками в столовую. Живо!

— Берите киноаппарат, только сена побольше в сани положите. И только на одну ферму. А то до ночи прокатаетесь.

В пятом классе пунцовый от волнения пятиклассник вел урок географии. Он то и дело заглядывал в план урока. Он объяснил климат тундры, вызвал к доске соседку по парте

и поставил ей тройку. Она в самом деле отвечала на тройку, — оценки ребята определяют безошибочно.

И я узнал, что такой самостоятельный день бывает раз в году. Учителей в этот день не видно и не слышно. А подготовки к этому необыкновенному дню бывает столько, что сама эта подготовка поправляет многие школьные недостатки.

Этот день школа не отдаст ни за какие каникулы.

Спокойно, спим!

Подошли старшие девочки и предложили:

— Вам не нужно сфотографироваться?

И вот меня привели в угловую светлую комнатку. Взяли сколько-то копеек и выдали форменную квитанцию районного комбината бытового обслуживания. Все было по-настоящему: белые марлевые экраны-подсветки, жаркие осветительные батареи ламп, щелканье аппарата.

Фотографии выдаются через неделю. Но я должен был уезжать, и в виде исключения мне выдали карточки в тот же вечер. Шесть отличных фотографий на одном листке. Каждая с уголком в правом нижнем углу.

— Пленку, бумагу, химикалии получаем от комбината, —

деловито объяснял заведующий ателье, рыжий паренек с насмешливыми зеленоватыми глазами, — половина выручки идет комбинату, половина школе.

Он объяснял, а я прикидывал в уме: колхозникам не нужно ехать к районному фотографу и терять на это рабочий день, они просто заходят в школу — это раз. Ребята заняты полезным делом, которое пригодится в жизни — это два. Заработок школе — это три.

И припомнились знакомые слова: «Чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

К этому призывал Ленин делегатов Третьего съезда комсомола.

* * *

Две школы. В обеих ребята хотят расти ленинцами.

Только в школе выше по течению ребят воспитывают учителя. А в школе ниже по течению ребята во многом воспитывают себя сами. Учитель не всю жизнь будет рядом.

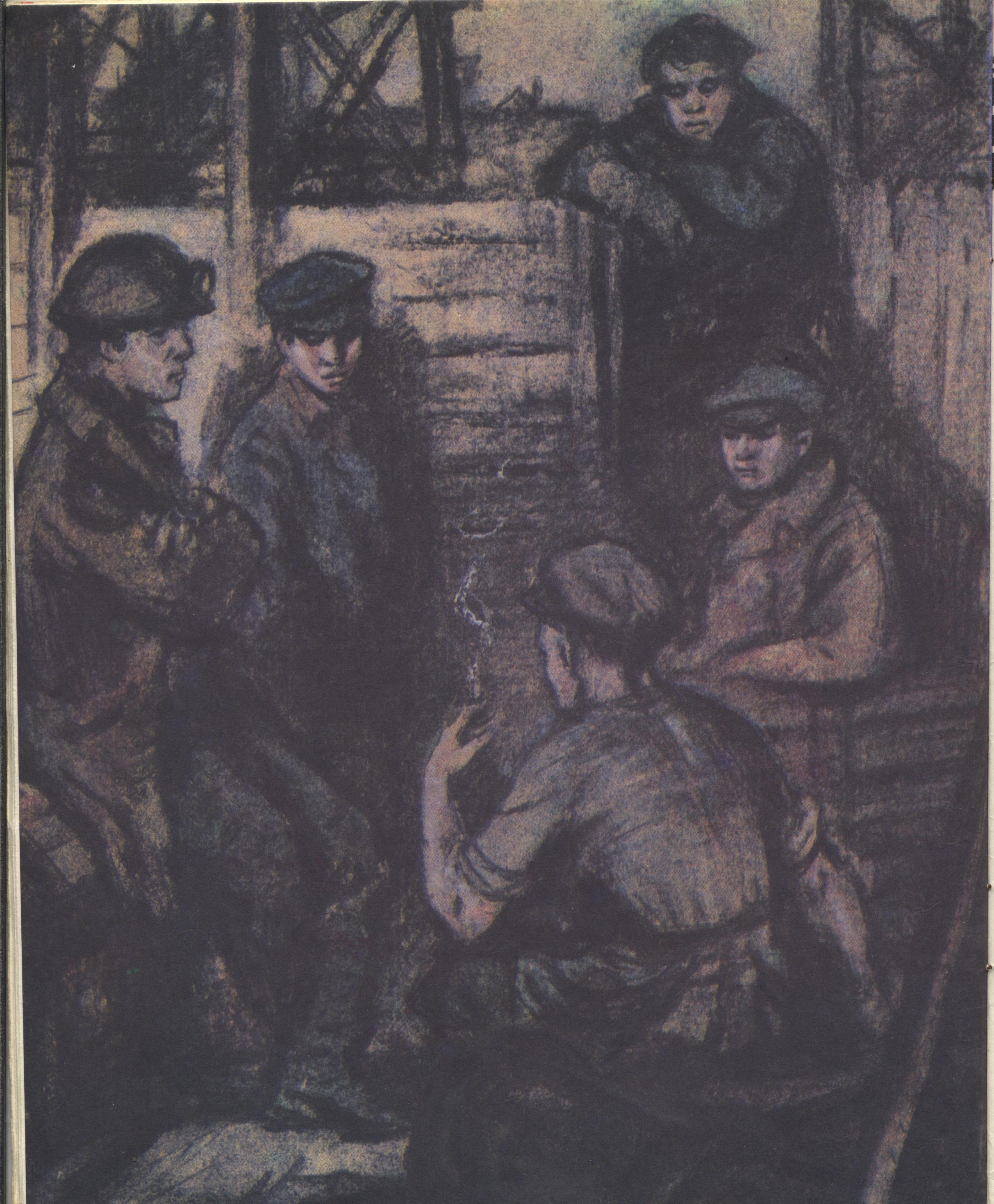
Как-то я шел по берегу реки и подумал, что нужно бы совершить чудо: потекла бы река вспять, и послали бы нижние ребята верхним волшебную палочку своего веселого житья.

Подумал, вырезал из нашей районной газеты заметки о двух школах и послал через леса и реки в журнал «Костер».

Михаил Мохов. Архангельск

Рисунки Ю. Данилова

ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ

В. Левашов

Рисунки М. Таранова

Членам штаба новорожденной подпольной организации приходилось ежедневно, хотя бы на короткое время, собираться всем вместе.

Это было связано с большим риском: опасно дважды встречаться в

одном и том же доме, опасно возвращаться домой после девяти вечера.

Но тут молодогвардейцам помог... девятнадцатилетний Георгий Стеценко, сын бургомистра.

VIII

Стеценко тянулся к нашей компании не потому, что разделял наши убеждения. Если уж говорить о его взглядах на происходящее, то они, мягко выражаясь, вызвали удивление. На прямой вопрос, что он думает об обстановке, сын бургомистра откровенно заявил:

— Мне жилось хорошо при советской власти, да и сейчас не плохо.

Ввязываться в споры с таким человеком было не только бесполезно, но и опасно.

Тогда, в оккупированном Краснодаре, Стеценко, конечно, знал, что мы по-другому рассуждаем о фашистской оккупации, о долге советского человека. Но сыну бургомистра очень нравилась девушка из нашей компании — Августа Сафонова.

Вот почему он был непременно участником наших молодежных вечеров, когда мы собирались у кого-нибудь на квартире.

Однажды Стеценко решил сделать ответное приглашение. Всем нашим он сказал, что ждет нас у себя к шести часам вечера.

Мы серьезно обсуждали, идти или не ходить на квартиру к бургомистру, прекрасно понимая побудительные мотивы этой затеи. А потом дружно решили: надо идти.

Вечер состоялся. Он ничем не отличался от других подобных вечеров. Сидели, шутили, смеялись, танцевали под патефон.

Иван Земнухов, обращаясь к своему бывшему однокласснику, спросил:

— Уже девятый час. Пора, наверное, заканчивать?

— Да нет. Потанцуем еще. Отец разрешил.

Мы стали расходиться лишь полтора часа спустя после наступления комендантского часа. Ребята, естественно, пошли провожать девушек, которые жили в разных концах города. А потом сами стали возвращаться по домам. И каждый хотя бы один раз был остановлен полицейским патрулем.

— Мы были в гостях у Георгия Стеценко. Его отец разрешил нам задержаться после девяти, — в один голос отвечали полицейским все наши ребята.

Никто из гостей в ту ночь не был доставлен в полицию. Всех задержанных тут же отпустили. А мы из этого сделали для себя определенные выводы. Когда в дальнейшем кому-нибудь из наших подпольщиков случалось возвращаться домой позже установленного часа, отговорка при встрече с полицией: «А я был на вечере у сына бургомистра» — служила своеобразным пропуском.

Ряды «Молодой гвардии» крепили. В организацию влилась большая подпольная группа из поселка Первомайки — ею руководила Ульяна Громова.

Молодогвардейцы искали возможности связаться с подпольщиками-коммунистами.

И, вроде бы, такая возможность представилась: удалось получить согласие на встречу Лютикова с Иваном Земнуховым.

Но Земнухов напрасно ждал больше трех часов в условленном месте: Лютиков передумал. Контакты между «Молодой гвардией» и ее партийным руководством должны были возникнуть по-иному...

Продолжение. Начало см. в «Костре» № 9, 1968 г.

Никто из гостей в ту ночь не был доставлен в полицию

IX

Гестаповцы, удостоверившись, что здание клуба имени Горького в полной сохранности, решили организовать там работу. Прежде всего нужно было подобрать подходящую кандидатуру на должность директора. Гестаповцам требовался местный житель, способный выполнять их волю на этом посту. За советом немцы обратились к инженеру Лютикову, видя в нем пособника оккупантов и полагая, что ему легче найти себе подобного.

Вначале Лютиков вежливо отказался от такой «честь», ссылаясь на то, что не знает, кто подходил бы к данной роли. Но чуть позже, посоветовавшись с товарищами, решил, что не стоит упускать возможности провести на пост директора клуба своего человека.

Молодой коммунист Евгений Мошков — вот кто был намечен партийным подпольным

руководством на должность директора клуба имени Горького.

Тщательно проинструктированный Лютиковым, Евгений Мошков по вызову явился в здание дирекциона.

Всем своим видом и поведением он произвел, очевидно, благоприятное впечатление, ибо немцы под конец стали даже уговаривать его дать согласие работать директором клуба. И даже несколько «разорились», предложив Евгению Мошкову важный «козырь». Гестаповцы обещали всем, кто будет работать в клубе, гарантию от вербовки в Германию. Только после этого обещания Евгений «дал себя уговорить».

Первое задание своего руководства Евгений Мошков выполнил. Теперь нужно было выполнять второе — установить связь с руково-

дителями подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия».

Он не мог, не имел права проявить активность для установления контактов с членами штаба комсомольского подполья. Он должен был терпеливо ждать.

На данном этапе активная роль отводилась Володе Осьмухину.

По заданию Лютикова Володя Осьмухин побывал у всех членов штаба. С каждым он разговаривал отдельно. И с каждым разговор

вел о Евгении Мошкове. Правда, о нем говорилось как бы между прочим. Да и визит Володи Осьмухина к каждому члену штаба тоже носил как бы случайный характер. Но смысл всех этих действий Осьмухина сводился к следующему: убедить членов штаба «Молодой гвардии» в необходимости обратиться к коммунисту Евгению Мошкову для установления с ним связи как с представителем партизанского движения или партийного подполья.

X

— Чего пришли?

— На работу устраиваться.

— На работу устраиваться? Рано еще. Вот разберусь, что к чему, потом посмотрим.

— Нас интересует другая работа.

— Какая еще другая? Не хотите, наверное, в Германию ехать? Пронюхали, что на клубных работников будет бронь?

— Ничего мы не пронюхали... — пытался возразить Виктор Третьякевич, но Мошков сделал вид, что не слышал, и направился в противоположную сторону зрительного зала. Мы за ним.

Он поднялся на сцену, прошел за нее, потом пошел по комнатам, вслух рассуждая, где удобнее заниматься танцорам, где хористам, а где струнному оркестру. Больше часа водил он нас по служебным помещениям, рассказывая о планах клубной работы. А потом провёл в свой кабинет, усадил всех на стулья и начал с вопроса:

— Так какую работу вы ищете?

— Таковую, чтобы наши быстрее возвращались, — ответил Олег.

— А кто вы такие?

— Мы комсомольцы.

— Ну и что же?

— А ты коммунист. Вот мы и пришли к тебе.

Лицо Мошкова постепенно утрачивало выражение непроницаемости. Изменился и тон, которым он продолжал с нами беседу. На губах появилась улыбка. Это была улыбка человека, который прекрасно знал, кто к нему явился и с какой целью пожаловал.

— Ну, ладно, рассказывайте, что вы там натворили.

Евгений Мошков внимательно нас выслушал, а затем стал задавать вопросы. Его интересовало, сколько человек в организации, как формируются группы, какова связь между штабом и группами, знают ли друг друга подпольщики разных групп. Все, о чем он нас спрашивал, имело самое прямое отношение к безопасности созданной организации. Не слишком ли много известно каждому из подпольщиков? Это же опасно. А вдруг провал?

Первые же слова Евгения заставили нас почувствовать себя неловко, а отдельные вопросы просто вынуждали краснеть.

Разговор с Евгением Мошковым завершился так:

— Если хотите, чтобы серьезные люди имели с вами связь, немедленно наведите порядок. Даю вам неделю. Потом приходите — будем разговаривать. Если это вам не подходит — считайте, что никакого разговора между нами не было. Я не знаю вас, а вы меня.

XI

В многолюдных местах города появились афиши на русском языке, в которых сообщалось о предстоящем «наборе» рабочей силы для отправки в Германию. В них расписывались райские условия жизни для тех, кто туда поедет.

Нужно было удержать наших людей от поездки.

На заседании штаба обсуждался этот вопрос. Мы решили обратиться с призывом к населению. Подготовили текст листовки. Он гласил:

«Не верьте щедрым обещаниям немцев. Обманым путем вас хотят увезти на каторжные работы в фашистскую Германию и превратить в послушных рабов. Вас заставят работать на военных заводах и производить оружие для фашистов. Этим оружием немецко-фашистские захватчики будут убивать наших братьев и сестер, отцов и матерей, будут разрушать наши города и села, захватывать все новые и новые территории. Не поддавайтесь ни угрозам, ни уговорам оккупационных властей. Всеми путями уклоняйтесь от поездки

в Германию. Вступайте в партизанские отряды. Этим вы приблизите час победы над врагом. Смерть немецким оккупантам!»

Каждый участник подпольной комсомольской организации должен был написать пятнадцать-двадцать листовок и распространить их на том участке, который за ним постоянно закреплен. Эту работу выполняли все молодогвардейцы без исключения.

Сергей Тюленин написал в два раза больше листовок, чем обычно. И распространил их не только на своем участке: одну, например, приклеил на рекламном щите у входа в биржу труда, другие под видом молитвы сумел распространить среди верующих в церкви. Пачку листовок, якобы для обертки, Тюленин подсунил старушке, которая на базаре продавала пирожки. Покупатель, съев пирожок, невольно обращал внимание на лист бумаги, в который завернута покупка. А сверху круп-

Иван Земнухов был оформлен администратором, Виктор Третьякевич — руководителем струнного оркестра. Большинство мест в хоровом, танцевальном, драматическом коллективах и струнном оркестре были заняты молодогвардейцами.

Евгений Мошков оказался довольно строгим директором. Не прошло и недели со дня оформления наших ребят на работу, а в клубе уже регулярно проводились репетиции.

Мошков торопился не зря. Нужно было готовить большой концерт. Этого требовали оккупанты.

Над репертуаром голову никто не ломал. Просто составили программу из русских и украинских народных песен и танцев. А если немцы предъявят претензии, то Евгений Мошков уже придумал, что им ответить.

Гестаповцы не заставили себя долго ждать. Вскоре они появились в клубе.

Никто не знал, что их будет здесь интересоваться, на всякий случай Евгений Мошков приготовился провести немцев по всем помещениям. Но тут же вспомнил, что в комнате, где проходили репетиции струнного оркестра, на столе лежит изуродованный портрет Гитлера.

Портрет Гитлера Евгению Мошкову в свое время дали, чтобы он был вывешен на видном месте в зрительном зале. Но Мошков небрежно бросил портрет на стол в комнате струнного оркестра и весело спросил:

— Ну как, будем вешать Гитлера?

Когда Евгений ушел, мы принялись разукрашивать изображение фюрера. Гитлеру под-

ными буквами там было написано: «Прочти и передай товарищу!»

Наступил день отправки первой партии советских людей в Германию. С утра каждого подпольщика занимала мысль — сколько наших людей прибудет на сборный пункт. Мы, конечно, не рассчитывали на полный срыв вербовки, но предполагали, что большинство последует за нами. Так оно и случилось. Только это большинство оказалось внушительнее, чем можно было думать. Вместо сотен к бирже явились лишь десятки краснодонцев.

Приняла партизанскую клятву и вступила в «Молодую гвардию» группа Сергея Тюленина (среди ребят этой группы был и самый младший молодогвардеец, Радик Юркин). Клуб имени Горького постепенно превращался в самое безопасное место встреч...

XII

рисовали бараньи рога, нарисовали пышные усы, козлиную бороду. Уродец получился славный. А затем показали Мошкову. Он начал нас ругать, потом рассмеялся.

Теперь, когда появились гестаповцы, Евгений Мошков соображал, как бы миновать эту комнату с портретом, если немцы задумают произвести осмотр помещений. Но волнения Мошкова были напрасными. Дальше директорского кабинета немцы не пошли. Их интересовала программа концерта. Они молча рассматривали исписанные листы, морщились и, ничего не сказав, с недовольным видом покинули клуб.

Назавтра Мошков был вызван в дирекцион.

— Господин Мошков, что будут исполнять ваши люди в клубе?

— Вчера я показывал вам программу концерта.

— Повторите еще.

— Пьесе «Назар Стодоля», русские и украинские народные песни и танцы.

— И это все?

— Это все.

— Почему ничего нет о Германии, о германской армии?

— Рано еще. Люди не будут исполнять то, о чем вы говорите.

— Увольте этих людей и наберите других.

— Ничего не изменится. Все они одинаковые.

— Вы не собираетесь выполнять нашу установку?

— Собираюсь, но не сейчас. Позже мы придем к тому, что вы от нас требуете.

— Мы знаем, что ты училась на курсах шпионок в Ворошиловграде

— Ах, вот как? Хорошо. Будем надеяться на ваш опыт. Вы свободны.

Стала молодогвардейской группа Анатолия Ковалева.

Ковалеву и его товарищам поручили... стать полицейскими: «Моло-

дой гвардии» выгодно было иметь своих людей в стане врага.

Правда, прослужили они в полиции недолго, но кое-что сделать успели: собранные ими сведения пригодились штабу.

Вступила в «Молодую гвардию», узнав о ее существовании, и Люба Шевцова.

XIII

Однажды днем Люба пришла в клуб имени Горького и самым обычным тоном заявила:

— Меня вызывают в полицию.

— Как в полицию? Ты шутишь?

— Нет, не шучу.

— Зачем?

— Пока не знаю, но догадываюсь. Кто-то, наверное, донес в полицию, что я училась на курсах радистов.

— А кто об этом знает?

— О курсах радистов никто не знает. Но Вырикова знала, что меня райком комсомола направил в Ворошиловград на учебу. Возможно, она и донесла.

— Кто такая Вырикова?

— Она была секретарем комсомольской организации, когда меня направляли на курсы радистов. Наверное, кое о чем догадывалась.

— Как ты думаешь поступить?

— Пойду в полицию. Если будут спрашивать об учебе в Ворошиловграде, скажу, что училась на курсах санинструкторов. Все равно у них нет никаких доказательств.

И Люба ушла с таким видом, будто ей предстояла прогулка по городу. Мы на всякий случай приняли меры предосторожности среди своих ребят, сообщили о случившемся Евгению Мошкову. А сами ждали ее возвращения из полиции.

Ждать пришлось долго. Мы уже основательно забеспокоились. И очень обрадовались, когда увидели бодро шагавшую в направлении клуба Любу Шевцову.

— Все в порядке, — весело сообщила она, а потом рассказала подробно все, что произошло в полиции.

Люба пришла точно к назначенному времени, но вызова прождала больше часа. Вероятно, испытывали выдержку. Допрашивал какой-то полицейский, фамилию которого ей не назвали. Стараясь казаться важным, он спрашивал:

— Мы знаем, что ты училась на курсах шпионок в Ворошиловграде. Давай рассказывай, зачем тебя сюда прислали?

В ответ Люба расхохоталась. Полицейский, ошарашенный такой реакцией, смотрел на нее изумленными глазами.

— В Ворошиловграде я училась на курсах санинструкторов, — ответила Люба, успокоившись от смеха.

— Ты говоришь неправду. У нас есть точные данные, — настаивал полицейский.

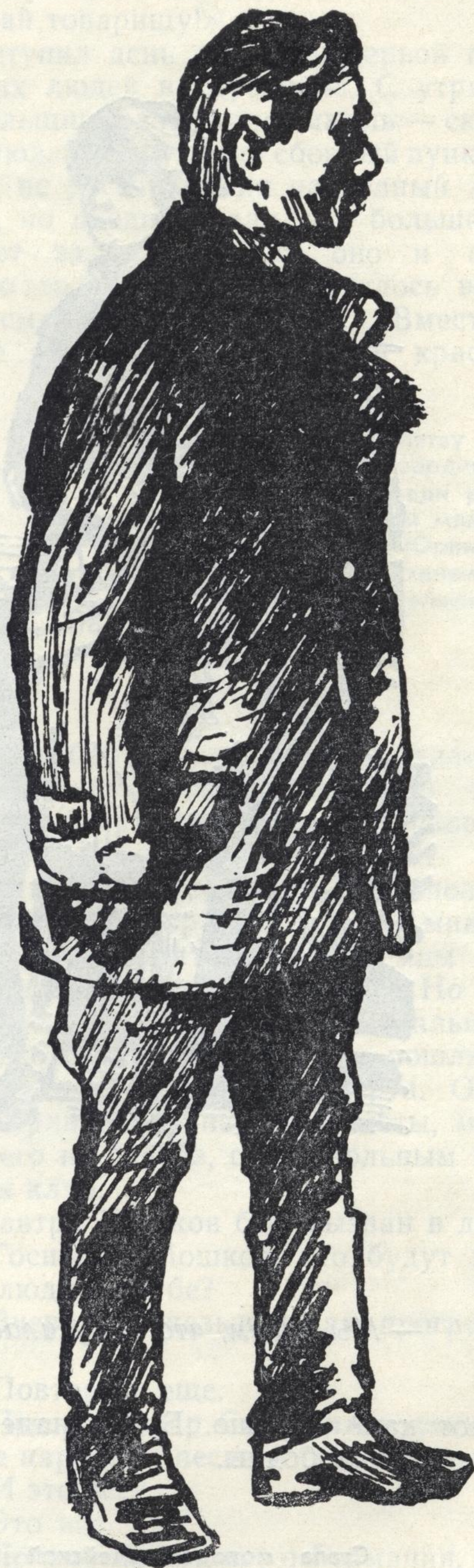
— Никаких данных у вас нет и быть не может. Поменьше сплетни слушайте.

Полицейский и сам начинал сомневаться в правдивости той информации, которой располагал. Больше для формы, чем по убеждению, он какое-то время еще настаивал, чтобы Люба «призналась». А потом, ничего не добившись, ее отпустил.

Уголь, коксующийся уголь Донбасса очень был нужен фашистским оккупантам. Он требовался им для железнодорожных перевозок, для восстанавливаемых коксовых заводов и доменных печей.

На территории Донбасса фашисты создали так называемое «Восточное

общество по эксплуатации угольных и металлургических предприятий». В систему этого общества входил и Краснодонский дирекцион № 10, разместившийся в здании школы имени Горького. Главная его задача — восстановление шахт на территории Краснодонского района и организация добычи угля.

— Через час, — сказал Швейде, — назначается выезд...

Но Краснодон угля не давал. Диверсии молодогвардейцев — лишь частица того, что делалось на шахтах по срыву добычи угля. В масштабе всего района этой работой руководили Филипп Петрович Лютиков и его первый помощник по партийно-

му подполью Николай Петрович Бараков.

Пользуясь своим служебным положением, Николай Петрович устраивал на работу коммунистов, комсомольцев, в том числе и участников «Молодой гвардии».

XIV

В обыденной жизни Юра Виценовский — скромный, даже застенчивый парень. Бывая на наших вечерах, он не всегда решался пригласить девушку на танец. Чаше приглашали его.

Совсем иным был Юра в подпольных делах. Немцы пытались восстановить шахту № 1 «Сорокино», которая менее других была разрушена. По заданию штаба Юра Виценовский устроился туда слесарем. Он поступил работать на эту шахту с единственной целью — шахта не должна давать уголь фашистам. И Юра выполнил это задание.

Пока шли восстановительные работы, он все изучал, ко всему присматривался. И, наконец, присмотрелся. Перед самым пуском шахты Юра подпил стальной трос подъемной машины. Как только машина заработала, трос оборвался и клеть с вагонетками рухнула на большую глубину. До освобождения Краснодона эту шахту так и не восстановили.

Все шахты были затоплены. Чтобы начать под землей хоть какие-нибудь восстановительные работы, нужно было прежде всего откачать воду. Ее откачивали. Но откачивали так, что вода не убывала.

Слишком медленно ремонтировали подъемные машины. Ремонтные работы производились только тогда, когда на шахте присутствовал кто-нибудь из сотрудников дирекциона. В остальное время рабочие курили, разговаривали, занимались чем угодно, только не ремонтом шахтного оборудования.

Однажды начальник дирекциона немец Швейде потребовал от Баракова, чтобы тот лично показал, как идут восстановительные работы на шахтах. Через час, сказал он, назначается выезд. Машина будет ждать у входа в дирекцион.

Николай Петрович забеспокоился. Ведь ремонт оборудования почти не подвигался. Это нетрудно заметить. Стоит только побывать

на шахтах. А если начальник дирекциона появится там внезапно и своими глазами увидит, что никто из рабочих ничего не делает, то начальнику механических мастерских недобровать.

Как предупредить людей на шахтах? Один час — слишком маленький срок. За это время, если послать кого-нибудь из своих, можно успеть предупредить рабочих только одной или двух близко расположенных шахт. Но ведь никто не мог знать, с какой из них вздумает начать осмотр Швейде. Выход только один: задержать выезд на два-три часа и за это время предупредить рабочих всех шахт. Но как это сделать?

В гараже дирекциона работал Сергей Левашов. Он устроился туда вскоре после прихода в оккупированный Краснодар. Сергей быстро освоился с новыми обязанностями. Уже не одну

военную автомашину он вывел из строя. Делал это осторожно и продуманно, чтобы не навлечь никаких подозрений. Сергей все подстраивал так, чтобы отремонтированные автомашины ломались не в гараже и даже не в Краснодоне. Они выходили из строя за десятки километров от города.

Николай Петрович Бараков как один из руководителей партийного подполья знал о Сергее Левашове и его деятельности в гараже дирекциона. В тот критический момент он о нем и вспомнил. Ведь легковая автомашина, на которой Швейде и Н. П. Бараков должны ехать по шахтам, находилась еще в гараже дирекциона. Вот если бы ее задержать там подольше!

Дать такое задание Сергею Левашову от своего имени Бараков не мог. Сергей да и все остальные подпольщики «Молодой гвардии»

В ПОХОД ЗА КУЛЬТУРУ!

Вот какую листовку могли прочитать молодые ленинградцы в 1928 году:
«ВСЕМ КОМСОМОЛЬЦАМ, ЮНЫМ ПИОНЕРАМ И ВСЕЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ!
МЫ НАЧИНАЕМ месячник культурного похода.

МЫ ОБЪЯВЛЯЕМ борьбу пьянству, хулиганству, табакокурению, разгильдяйству, прогулам на производстве, неряшеству, грязи, невежеству; борьбу всюду — на производстве, в клубе, на улице.

МЫ ЗА КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ!

За разумное времяпрепровождение в клубе, кино, библиотеке, за радио и чтение газет.

За чистоту дома, на производстве.

За чистоту зубов и чистоту одежды.

За воспитанное обращение к девушке, товарищу.

За добросовестное отношение к своему станку и вообще к производству.

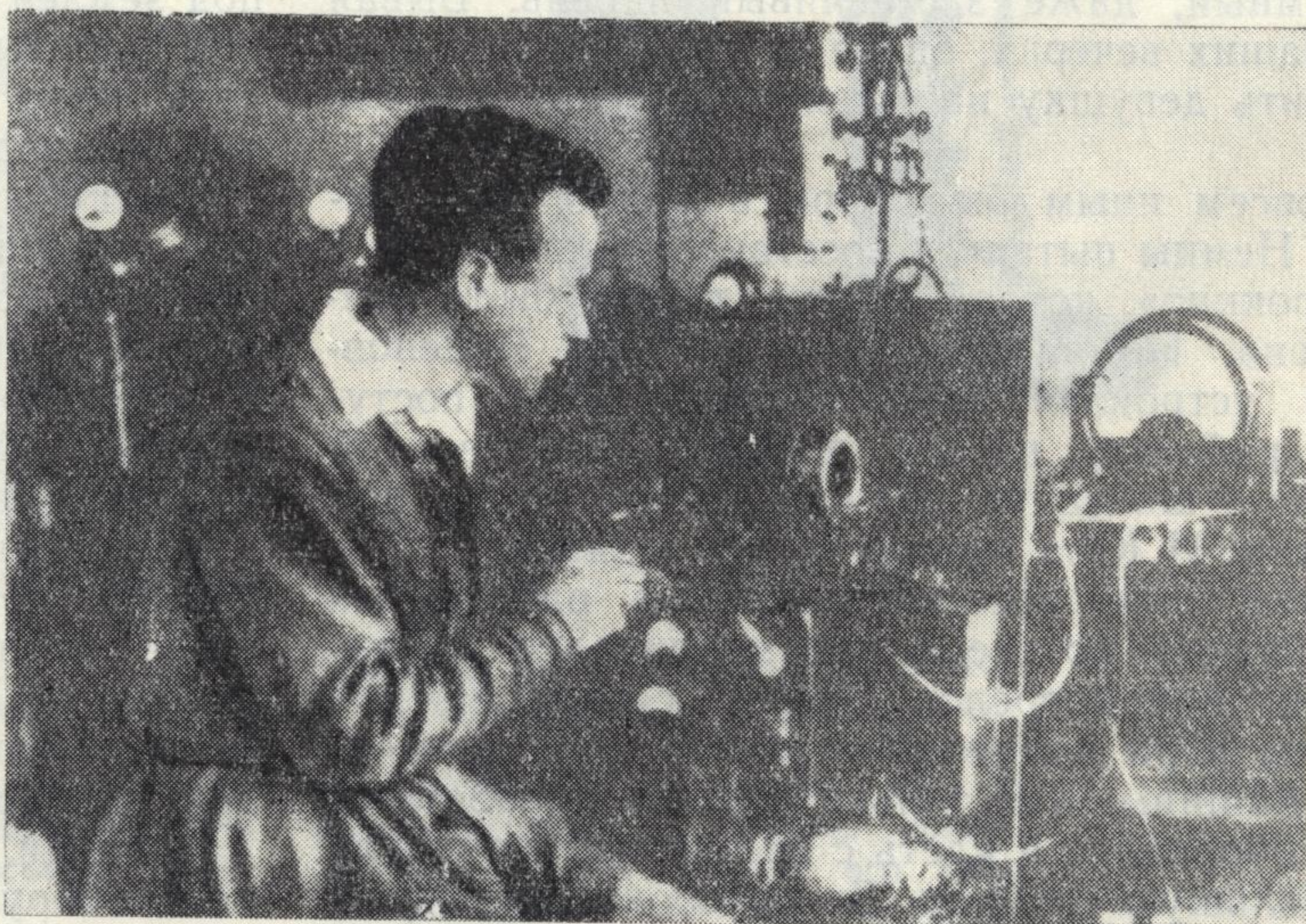
За разумное расходование заработной платы.

За гигиену здоровья.

ВСЮ МОЛОДУЮ ТВОРЧЕСКУЮ ИНИЦИАТИВУ НА БОРЬБУ ЗА СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРУ!»

Эта фотография была впервые опубликована в 1933 году в книге «ВЛКСМ в борьбе за стройку и освоение». Тогда комсомольцу Илье Усыскину было всего 23 года, но он уже имел ряд крупных научных трудов. Усыскин работал сотрудником Государственного физико-технического института им. Иоффе и сконструировал камеру для наблюдения космических лучей в стратосфере.

На снимке: молодой ученый за испытанием камеры. А через год Илья Усыскин погиб как герой, штурмуя стратосферу...

не знали тогда, кто из коммунистов-подпольщиков нами руководит. В эти дела был посвящен только Володя Осьмухин. Его услугами в тот момент и воспользовался Николай Петрович.

Не легко пришлось Сергею в тот момент. Команда дошла до него за несколько минут до выезда автомашины, которая к тому времени была заправлена и осмотрена. А тут еще сомнения в достоверности приказа. Володя Осьмухин не сказал, от кого распоряжение исходит. Да и передал он его не так, как обычно: запыхавшись, подбежал к Сергею, шепнул на ухо нужную фразу и, ничего не объясняя, исчез.

Но времени для выяснений не было. И Сергей шел на крайние меры. Он подложил скобу под скат заднего колеса. Как только машина тронулась с места, образовался прокол. Пока меняли скат, Сергей приготовил новую неисправность — разъединил контакт зажигания. В общем, различными неисправностями Сергей Левашов держал в гараже автомашину столько, сколько требовал приказ.

В тот же день, еще до наступления вечера, Сергей примчался ко мне домой, сообщил о случившемся и спросил, правильно ли он поступил, исполнив неизвестно чью команду. Но я и сам тогда толком не знал, что это за распоряжение и от кого оно исходило. Все выяснилось значительно позже.

XV

Деятельность комсомольского подполья приобретала все более боевой характер. Приход в «Молодую гвардию» Ивана Туркенича с его фронтовым опытом был весьма кстати. Для вооруженных вылазок нужен был опытный, боевой командир. Этими качествами в полной мере обладал Иван Туркенич.

Еще до войны Иван учился в артиллерийском военном училище в Севастополе. В связи с войной он был выпущен досрочно и вскоре после этого уже командовал минометной батареей на фронте. В августе сорок второго в боях на Дону Туркенич попал в плен.

В концлагере Иван быстро сориентировался в обстановке. Он сразу понял, что чем больше задержится за колючей проволокой, тем меньше будет иметь шансов выйти оттуда живым. Но дело было не только в том, чтобы сохранить себе жизнь. Ивана Туркенича мучило вынужденное бездействие.

В первые же дни пребывания в фашистском концлагере Туркенич организовал своих товарищей и вместе с ними совершил побег.

С приходом в «Молодую гвардию» Иван

Задержка с автомашиной выручила. Когда Швейде и Бараков приехали на первую шахту, там уже всюду суетились рабочие. Конечно, невозможно было скрыть того факта, что ремонт оборудования почти не подвигался. Но в данный момент важно было показать, что люди не бездельничают. Это уже было спасением. А что касается медленных темпов работ, то Николай Петрович нашел этому объяснение.

Прежде всего Н. П. Бараков в присутствии начальника дирекциона стал «ругать» рабочих и мастеров за медлительность. А затем, уже на обратном пути, стал доказывать Швейде ненадежность ремонтируемого оборудования и необходимость поставок новых подъемных машин из Германии.

Главную свою задачу партийное подполье решило успешно. Диверсиями, саботажем, дезорганизацией восстановительных работ оно сорвало все попытки оккупантов наладить промышленную добычу угля на шахтах Краснодарского района.

В ночь на 7 ноября молодогвардейцы вывесили на улицах Краснодона алые флаги и разбросали листовки. Об этом вы знаете из романа Фадеева и из кинофильма. Поэтому переходим сразу к тому, что случилось после ноябрьских дней.

стремился использовать свою военную выучку, полученную в училище и на фронте.

Вскоре после Октябрьских праздников мы готовились предпринять первое вооруженное нападение на оккупантов. Конечно, не в городе, а за его пределами. Мы не должны были убивать фашистов в городе, ибо за это кровью расплачивалось местное население.

На железнодорожном мосту, под которым проходила автомобильная дорога, мы решили устроить засаду.

Вечером, как только стемнело, все десять участников операции собрались в стенах сожженного группой Тюленина трехэтажного здания городской бани. Место удобное, окраина города. Отсюда прямой путь в степь.

Сергей Тюленин несколько раз проникал в узкое отверстие сохранившегося бетонного подвала и извлекал оттуда оружие и боеприпасы. Первым он вытащил ручной пулемет и передал его Борису Главану. Анатолию Лопухову Сергей вручил автомат, Жоре Арутюнянцу карабин, Сергею Левашову и Анатолию Ковалеву — карабины и по одной

противотанковой гранате. В это же время Виктор Третьякевич подходил к каждому из нас, проверял исправность оружия, предупреждал об осторожности обращения с ним в пути.

— За мной! — тихо скомандовал Туркенич и первым выпрыгнул в проем окна. Мы по одному последовали за ним.

Темная осенняя ночь. Ни луны, ни звезд. Не видно и огней в окнах. Все черно. Шли, ориентируясь по знакомым дорогам и тропинкам.

Двигались далеко не кратчайшим путем, чтобы к месту засады подойти не со стороны города, а с противоположной, будто бы со стороны леса. Пусть потом враги думают, что приходили партизаны.

каменные опоры моста. Взобрались на насыпь и залегли на шпалах между ржавыми рельсами. Но нашей целью было не нападение на эшелон с войсками и техникой. Железная дорога на этом участке во время оккупации не действовала. Нас интересовали немецкие автомашины, которые проходили под мостом.

Около часа молча лежали в напряженном ожидании. Продрогли. Наконец замелькал огонек, второй, третий... Это шла на восток целая автоколонна. Свет фар едва пробивался сквозь узкие щели светомаскировочных колпаков. Мы насчитали больше десятка машин, когда они проходили под мостом. Но сами продолжали лежать. Ведь наша цель — одиночная автомашина.

Наконец мы у цели. С трудом различаем опоры моста

Спустились в глубокий овраг, густо поросший кустарником. Долго шли по нему, в крошечной тьме цепляясь одеждой за колючие ветви.

— Куда вас понесло? — раздался сзади приглушенный голос Тюленина. — Таким путем мы и к утру до моста не доберемся!

Все остановились. К Сергею подошел Олег Кошевой:

— Когда поведешь свою группу, тогда и выбирай себе маршрут. А сейчас Туркенич командует.

Дальше двигаться было еще труднее. Но никто уже не проронил ни слова.

Наконец мы у цели. С трудом различаем

Снова томительное ожидание на сырой, холодной насыпи.

— А что, если в кузове окажется взрывчатка? Ни моста, ни нас не соберешь, — начал испытывать наши нервы Анатолий Лопухов.

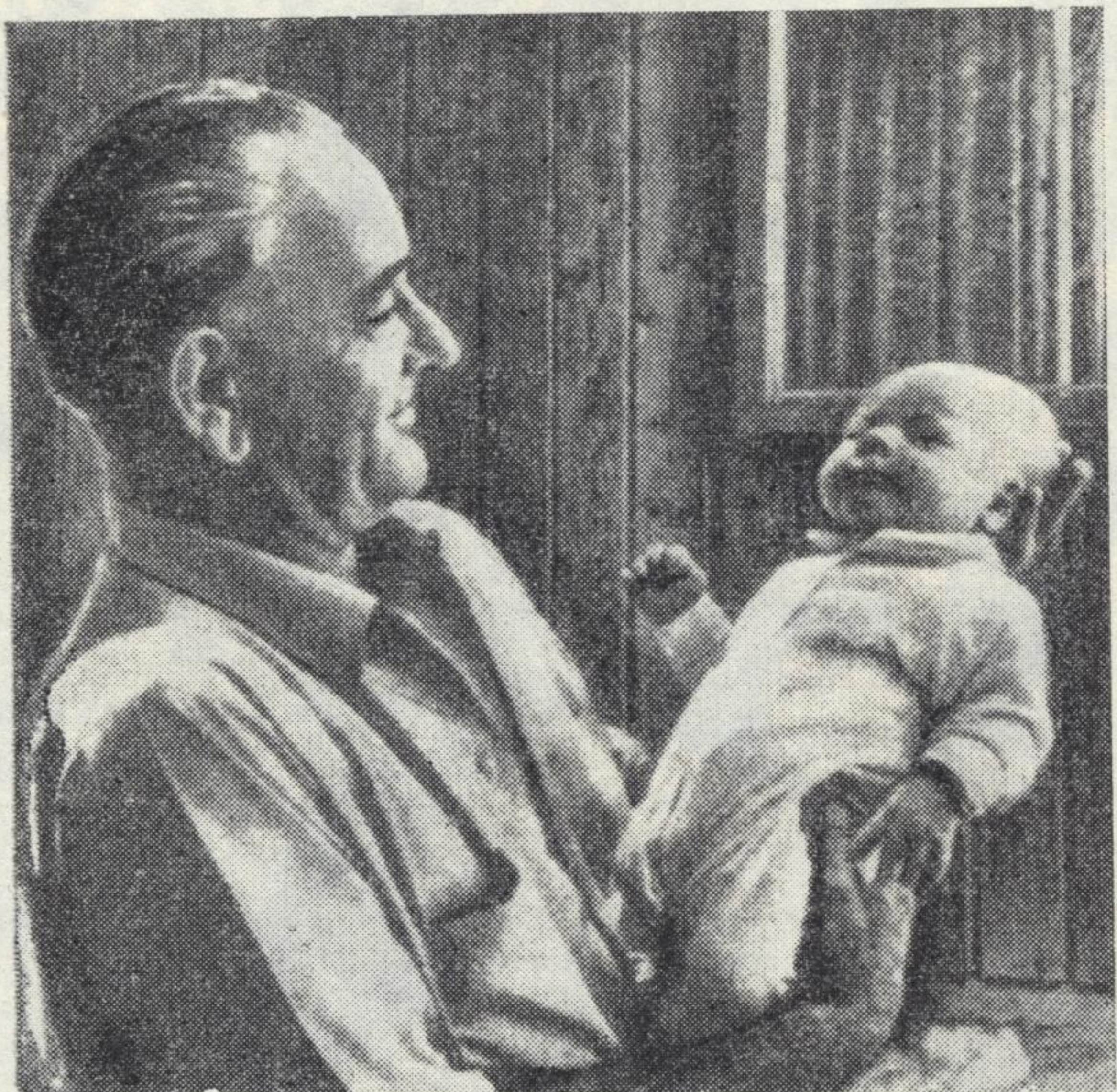
— Лопухова нужно послать вперед по дороге. Пусть на повороте проверяет, какой груз везет машина, если уж такой осторожный, — отреагировал Виктор Третьякевич.

— Машина! Кажется, одна! — подал голос Кошевой.

Олег не ошибся. Быстро шла, приближаясь к месту засады, одиночная машина.

— Приготовиться! — скомандовал Туркенич.

Окончание следует

Президент и дети

С некоторых пор Линдон Джонсон, позируя перед фотообъективом, обязательно берет на руки своего маленького внука. Похоже на то, что этот нежный дедушка хотел бы войти в историю как самый чадолюбивый президент Америки. Фото из западногерманского журнала «Цайтунд бильд».

А этот крестьянин из южновьетнамской деревни Бинх-дай больше никогда не сможет взять своего внука на руки. Родители мальчика были убиты во время артиллерийского обстрела, которому американцы подвергли деревню, прежде чем на нее напасть. Дед арестован «за сочувствие партизанам». Самого ребенка, как свидетельствует фото западногерманской газеты «Штутгартер цайтунг», американцы посадили в картонку из-под продуктов и оставили на дороге умирать с голоду.

Западногерманский журнал «Штерн» поместил фото жительницы города Филадельфии Розмари Кистлер с сыном. Фотообъектив зафиксировал ее в момент получения известия о гибели мужа — солдата морской пехоты. В настоящее время еженедельные потери войск США в Южном Вьетнаме достигают 500 человек убитыми. Это значит, что каждую неделю сотни юных американцев теряют своих отцов.

Французская газета «Трибюн де насьон» пишет: «Президент Джонсон не перестает говорить о своем стремлении к миру, но в действительности делает все для дальнейшего расширения войны».

Западногерманская газета «Штутгартер цайтунг», поместившая этот снимок, снабдила его следующей лаконичной подписью: «Мальчику было 12, и он стоял под дулами солдатских винтовок». Место действия на этот раз уже не Вьетнам, а небольшой американский город Ньюарк. Летом 1967 года местные власти бросили войска и полицию против городской бедноты, требовавшей улучшения своих жизненных условий. В ход было пущено оружие. Среди убитых насчитывалось немало детей.

Действия властей Ньюарка получили одобрение президента Джонсона.

«Президент Джонсон — лучший друг детей», — утверждают придворные летописцы Белого дома.

Но дети Америки придерживаются другого мнения.

«Линдон Джонсон, сколько ребят вы убили сегодня!» — спрашивают они. Именно эта фраза написана на плакате. Фотография плаката помещена на страницах итальянского журнала «Вие нуове».

Дело, разумеется, не в самом Джонсоне. Были в истории Америки президенты лучше, были и хуже. Но все они, в конечном счете, поступали и поступают так, как выгодно их хозяевам — богачам.

Чашка кофе

Из рассказов об А. Гайдаре

Рисунки В. Орлова

Ю. Принцев

Лето стояло пыльное и тревожное. В садах пожухла трава, и листья на деревьях свертывались улитками, прячась от солнца. Когда задувал восточный ветер, казалось, будто по булыжной мостовой катят пустую бочку изпод керосина. Люди жадно вслушивались и глядели в небо, надеясь увидеть отблески молний. Но это был не гром, а дальние оружейные раскаты.

Наступала армия Колчака.

Слухи об этом быстро расползались по городу, а вместе с ними появились на улицах подозрительные люди в полувоенной форме, штатских костюмах, крестьянских поддевах и даже монашеских рясах. Их видели то на базарной площади, то на монастырском подворье. Они часами просиживали в задних комнатах купеческих особняков, не обходили своим вниманием рабочие бараки, заглядывали в солдатские казармы. Чаше всего они появлялись в окрестных селах в дни, когда проходила мобилизация на колчаковский фронт. Но попробуй запрети людям свободно расхаживать по городу или выехать в соседнюю деревню, если документы у них в порядке, в спекуляции и грабеже не замешаны, оружия при личном обыске не обнаружено.

По сведениям чекистов они были связаны с белогвардейскими заговорщиками. Решено было установить наблюдение за всеми подозрительными местами в городе. Особенно за недавно открывшимся кафе «Мавритания». Днем это было вполне добропорядочное заведение. Белели накрахмаленные скатерти, сверкали кофейники, вкусно пахло сдобным тестом и кофе. Сюда приходили целыми семьями, ели мороженое, пили пузырящуюся воду из разноцветных сифонов. С наступлением темноты «Мавритания» преображалась. Табачный дым поднимался к потолку, из кухни несло чадом и гарью, гремел на эстраде разбитый рояль. В зале не умолкал гул голосов,

звон посуды, крики пьяных. Люди ходили от столика к столику, присаживались, пили, ссорились и тут же целовались. Можно было подумать, что вечерние посетители «Мавритании» знакомы друг с другом годы. Чем ближе время шло к закрытию, тем больше становилось сходство между этими людьми, и когда они, наконец, расходились, казалось, что из дверей ресторана вываливается один огромный, мятый, опухший человек.

А утром зал опять блестел чистотой, свежими скатертями, вкусно пахло сдобой и кофе.

Вот это заведение и должен был посетить Аркадий. И обязательно вечером!

В чека были получены сведения о том, что в ресторане назначена встреча главарей заговора. Имелись и фотографии. Но чекистов в городе знали, появление их в «Мавритании» незамеченным не пройдет, заговорщики будут предупреждены и операция сорвется. Тогда-то чекист Чувирин и предложил товарищам послать в ресторан Аркадия, чтобы он опознал нужных людей и дал знать о состоявшейся встрече.

— Мальца никто не заподозрит! — убеждал Чувирин. — А я за него ручаюсь. Парнишка отчаянный и с головой!

Вот почему в один из вечеров Аркадий и Семка очутились в шумном зале «Мавритании». По совету того же Чувирина Аркадий прихватил дружка: «Одному неловко, да и в глаза будешь бросаться, а так зашли, мол, два шалолая жизнь прожигать». Конечно, Семка ни в какие подробности посвящен не был.

Они уселись за столик в углу и, отодвинув в сторону грязные тарелки, принялись разглядывать зал. По тому, как менялось выражение Семкиного лица, можно было легко догадаться, о чем он думает. Вот глаза его испуганно расширились: это он представил себе,

что на него смотрят родители. Семка даже съежился и втянул голову в плечи. Но вот он откинулся на стуле, надменно прищурился, забарабанил пальцами по столу. Теперь на него смотрели одноклассники. Семка, наверно, дошел бы до того, что представил себя тан-

Прихватив грязную посуду, официант ленивой шаркающей походкой направился в буфетную.

Семка немного приободрился и с интересом огляделся вокруг. Окутанный табачным дымом зал сначала показался ему какой-то огромной машиной, кото-

рая, лязгая металлом и звеня стеклом, выполняет однообразную механическую работу: наливает, пьет, ест... наливает, пьет, ест... Потом туман рассеялся, и Семка наткнулся на чей-то ощупывающий взгляд.

Неподалеку сидел угрюмый черноволосый человек. Он пристально смотрел в их сторону, и один глаз его был странно прищурен. Семке стало не по себе, он опять по-черепаши вобрал голову в плечи и, чувствуя цепкий взгляд незнакомца, толкнул ногой Аркадия:

— Чего он на нас уставился?

— Кто? — обернулся к нему Аркадий, зорко поглядывающий на дверь за буфетной стойкой.

— За нами сидит... Черный... Подмигивает все время!

Аркадий взглянул через голову Семки и рассмеялся:

— Он не подмигивает! У него глаз шрамом стянут. Ох, и трус ты, Семка!

— Я трус? — Семка даже вскочил от негодования. — Хочешь, к нему подойду?

— Нет уж, ты сиди! — не на шутку встревожился Аркадий. — А то, знаешь...

— Нечего мне знать! — петушился Семка. — Подойду и скажу: «Здрасьте!»

— А он тебе: «До свидания!» — усмехнулся Аркадий. — Не выдумывай, Семка! Пошутил я про труса.

— То-то! — удовлетворился объяснением Семка и, пытаясь доказать свою храбрость,

цующим среди ресторанного зала с красавицей, но мечты прервал будничным голос официанта:

— Чего изволите, молодые люди?

Семка опять съежился, испуганно взглянул на Аркадия.

— Кофе и пирожные, — распорядился Аркадий.

— Сколько пирожных прикажете? Вазу?

— Две штуки, — не поддался на провокацию Аркадий.

крикнул проходившему мимо официанту: — Эй, скоро там кофе?!

Официант обернулся. Это был совсем не тот, что подходил к их столику. Смерил Семку глазами и усмехнулся:

— Варится.

Официант уже давно ушел, а Семка все раздумывал, как ему вести себя дальше. Можно было, конечно, потребовать объяснения, но, с другой стороны, кофе действительно может еще вариться.

Из мрачного раздумья Семку вывел появившийся на столе поднос. На нем стояли: кофейник, чашки, тарелки с пирожными.

— Прошу-с! — официант ловко разлил кофе по чашкам, и пока Семка решал, благодарить его или нет, бесшумно исчез, словно растворился в дымном воздухе ресторана зала.

— Давай, Семка, — пододвинул ему тарелку с пирожными Аркадий. — Нажимай!

Семка был не просто мыслитель. Он был мыслитель-сладкоежка. Чтобы решить задачу про путешественника, который, выйдя из пункта «А», встретится с другим путешественником в пункте «Б», Семка должен был съесть десяток карамелек. Иначе путешественники никогда не встретятся! Поэтому долго упрашивать его не пришлось.

За пирожное он принялся со знанием дела, не замечая, что Аркадий почти не притрагивается к своему, продолжая незаметно наблюдать за дверью в заднюю комнату. Но туда никто не входил, и Аркадий решил, что сидит здесь напрасно. Он уже хотел было всерьез взяться за пирожное, как в зале появилось трое людей и, не останавливаясь, один за другим прошли за стойку.

Толстый буфетчик не повернулся в их сторону, только слегка посторонился, давая дорогу. Аркадий дождался, пока они скроются в задней комнате. Потом отодвинул чашку и небрежно сказал:

— Ты посиди... Я сейчас вернусь.

— Угу... — промычал Семка.

Когда Семка, наконец, справился с кремовой трубочкой и, блаженно жмурясь, откинулся на стуле, он вдруг обнаружил, что сидит за столом один. Семка недоуменно посмотрел по сторонам и опять встретился с прищуренным глазом незнакомца. Тот просто впился в Семку, требуя ответа. Но Семка был так изумлен исчезновением друга, такое наивное неведение читалось в его чистом взоре, что глаз незнакомца дрогнул и подернулся мелкими лучиками успокоенной усмешки.

Семка не замечал ничего, углубленный в свои мысли. Они были беспорядочны и сле-

довало собрать их в стройную логическую цепь размышлений.

Если Аркадий ушел совсем, то кто будет платить за пирожные и кофе?

Это пахнет скандалом.

Но если бы он ушел совсем, то съел бы свое пирожное и выпил кофе.

Это факт.

Но если он не вернется, то пирожное останется несъеденным, а скандал все равно будет.

Значит, надо его съесть!

Семка удовлетворенно вздохнул и потянулся за пирожным. Тарелка оказалась пустой! Семка хотел охнуть, но не смог: рот его был забит сладким кремом. Пока выстраивалась логическая цепь, он незаметно съел оставшееся пирожное. Семка вздохнул. В стройной цепи его умозаключений наметилась зияющая брешь: ведь если бы он не съел второго пирожного, платить бы пришлось за одно.

Скандал назревал. Семка сидел, не поднимая головы, и с ужасом ожидал, что вот сейчас к столу подойдет официант и тогда начнется такое!.. Вот и его шаги, он подходит к столу, двигает стулом, чтобы обратить на себя внимание. Семка в отчаянии поднял голову. Перед ним сидел Аркадий и как ни в чем не бывало прихлебывал остывший кофе.

— Ты чего? — простодушно спросил он у ошеломленного Семки.

— Ни... ничего... — пробормотал Семка.

— Значит, показалось... — благодушеествовал Аркадий, но глаза его смеялись.

— Слу... слушай... — все еще зыкаясь, начал Семка. — Я тут увлекся одной мыслью и, понимаешь...

Досказать Семке не удалось. В дверях появилась группа вооруженных людей. Один из них, в кожаной тужурке, поднял руку и, перекрывая ресторанный гул, зычно крикнул:

— Прошу приготовить документы!

Несколько человек пошли по залу, а остальные быстро направились за стойку и скрылись за дверью, ведущей в заднюю комнату. Через несколько минут они вышли оттуда, ведя под пистолетами трех никому не известных в городе мужчин.

Семка вопросительно взглянул на Аркадия и не узнал друга. От прежнего благодущия не осталось и следа: глаза блестели, между бровей легла незнакомая складка. Поймав взгляд Семки, он доверчиво улыбнулся, кивнул стоявшему у стены официанту:

— Получите!

И, бросив на стол горсть мелочи, направился к выходу. Семка поплелся за ним...

На улице было тихо, светила луна, пахло

яблоками. Аркадий и Семка молча дошли до угла. Здесь Семке надо было сворачивать. Он остановился и нерешительно спросил:

— Ты куда уходил?

— Ну и на здоровье! — хлопнул его по плечу Аркадий. — Я сладкого не люблю. Беги, Семка, поздно уже!

Семка нерешительно повернулся и медленно двинулся по темной улице в сторону своего дома.

Аркадий постоял, вдохнул полной грудью воздух и, весело насвистывая, пошел вдоль длинного глухого забора, за которым шумел разросшийся старый сад. За его спиной слышались чьи-то быстрые шаги. Решив, что это возвращается Семка, Аркадий обернулся и увидел надвигающуюся тень человека.

Вышедшая из-за тучи луна на мгновение осветила остро прищуренный глаз и поднятую руку с ножом. Почувствовав, как лезвие пронзило сукно куртки и скользнуло по ребрам, Аркадий отпрянул к забору и упал...

Он слышал, как глухо стучали по булыжной мостовой шаги убегающего человека. Когда они стихли, он поднялся и, зажимая ладонью рану, побежал к дому.

Два дня Аркадий не приходил в училище. На третий день явился бледный, пахнущий йодом и бинтами. На расспросы не отвечал, но глаза его светились

гордостью. Семка смотрел на друга с молчаливым укором, но ни о чем не спрашивал.

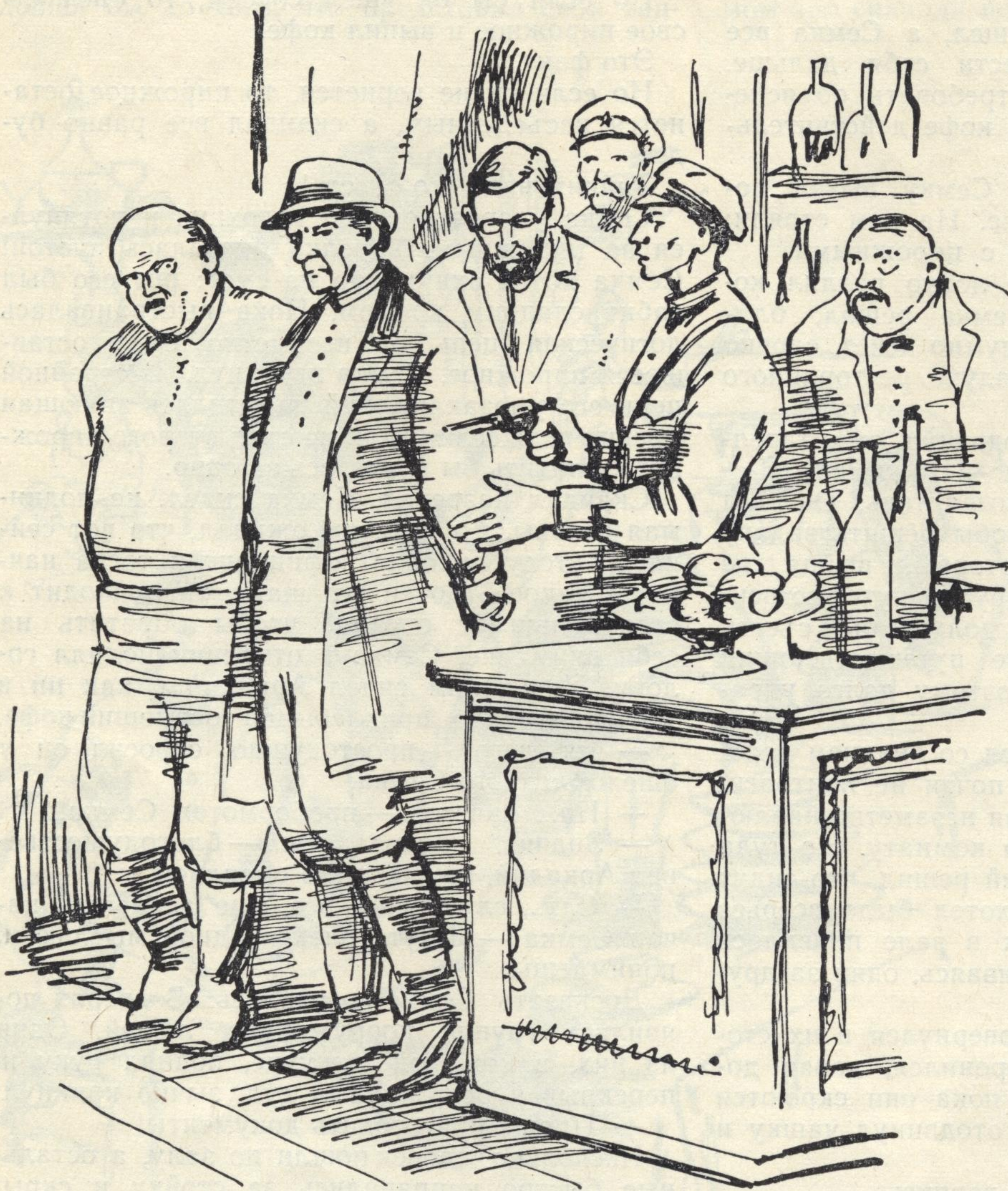
Наконец, Аркадий сжалился над другом и на одном из уроков пододвинул к нему раскрытую тетрадь. Ту самую, в твердом коленкоровом переплете, обитую медными угольничками. И Семка прочел:

— Домой? — допытывался Семка.

— А куда же еще? — рассмеялся Аркадий.

— Я так и подумал... — неуверенно сказал Семка и виновато добавил. — А я твоё пирожное съел.

«Меня ранили ножом в грудь на перекрестке».

ЛЕТАЮЩИЕ КОЧЕВНИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.
ГДЕ АВТОРЫ, СМЕНЯЯ ДРУГ ДРУГА,
ПРИДУМЫВАЮТ ГЛАВУ ЗА ГЛОВОЙ

А. Шейкин

За окнами качались сосны, касаясь ветвями стен. Тишина и полная отрешенность от сумасшедшего темпа жизни современного города царили в клинике института высшей нервной деятельности.

Прошла уже неделя с тех пор, как в одной из палат появился странный пациент. Врачи, да еще врачи-психиатры — народ привычный, но и они оставляли работу, чтобы взглянуть на мешковатую фигуру, безучастно бредущую вслед за санитаром. Именно фигуру, потому что лица человека разглядеть было невозможно, оно все сплошь заросло густыми блестящими волосами. Однако не это явилось главной причиной его пребывания в клинике.

Этот больной, по фамилии Марков, был внешне безучастен к окружающему миру, хотя первая же цереброграмма показала непрерывную и бурную деятельность головного мозга. Вначале Марков еще хоть как-то отвечал на вопросы, история его болезни заполнялась рассказом о пережитом им приключении. История получалась крайне несвязной, разорванной, а вскоре больной вообще замолчал.

Случай был чрезвычайно загадочный! Все усилия врачей разбивались о нечувствительность пациента к любому внешнему раздражителю. А ведь от этого человека ученые с таким нетерпением ожидали подробностей о посещении нашей страны неведомым летающим кораблем...

На расширенном консилиуме было решено: необычным больным специально займется доктор Горелов.

— Алвист!.. Доктор Алвист!.. — Антуан мчался, опережая собственный голос. Белый халат, накинутый на него проворной медицинской сестрой, развеивался за плечами. Секретарша профессора кинулась ему наперерез, но успела поймать лишь вихрь слетевших со стола бумаг. Дверь в кабинет шефа хлопнула.

— Вот! — Антуан кинул на стол перед Алвистом газету. — На странице четырнадцатой... Я отметил... Читайте, читайте!

Алвист развернул газету. Статья, отмеченная ногтем, не имела броского заголовка и настолько терялась среди остального материала, что было ясно: эта скромность преднамеренна. Статья посвящалась новому способу расшифровки излучений головного мозга, примененному в Ленинградском отделении института высшей нервной деятельности. Подробностей автор не приводил. Новое достижение советской науки он обрисовал сдержанно, зато в конце запускал «черный шар»: «Отныне ничто не может укрыться от глаз коммуни-

А. Томили

ГЛАВА 6

Кабы нам писать не продолжение, а начало, — мы бы еще и не такое напридумывали

Рисунки А. Сколзубова

стической Чекá. Полный видеоконтроль над мыслями — вот что означает новое 'изобретение Советов».

Профессор оторвался от газеты:

— Очередная репортерская утка. Почему она вас так взволновала, мой друг?

Антуан уже успел отдышаться и, раскурив сигарету, глубоко затянулся и выпустил облако голубого дыма.

— В том-то и дело, уважаемый доктор, что это не утка! Два года назад я был в аспирантуре у ленинградского этнографа профессора Почиталина. Там же, в Ленинграде, я познакомился с некоторыми работами института высшей нервной деятельности. Уже тогда группа доктора Горелова была занята работой над тем, что в этой статье называется «videоконтроль». И, насколько я мог судить, они успешно продвигались вперед... Конечно, метод разрабатывался сугубо для психических заболеваний. Для тех случаев, когда узнать причины расстройства — главное, а больной сам не в состоянии ни вспомнить, ни ответить на вопросы врача...

Алвист смотрел на молодого француза сквозь очки, сдвинув брови. Он уже понял ход мыслей собеседника и теперь быстро прикидывал в уме, какие преимущества получил бы он сам и его институт от сотрудничества с русскими... «Да, перспективы заманчивы, — думал Алвист, — но могу ли я пригласить русских в Бразилию? Это прежде всего политика...» Он не хотел рисковать своим положением.

— Если подвергнуть серого исследованиям с помощью русского метода... — говорил Антуан. — Вы представляете? Мы смогли бы узнать, какая информация скрыта в его мозгу! Разве вы, доктор, не хотели бы поработать вместе с русскими, применить их метод к нашему дикарю?

Алвист взял сигару. Он тоже волновался, но старался не показывать этого.

— Но ведь это русские, коммунисты... Возможно ли приглашать специалистов из России? Или, по-вашему, я должен поехать туда сам и повезти серого с собой? Боюсь, что после такого вояжа не придется мне возвращаться в Бразилию. Вы же знакомы с нашей политикой и влиянием на нее американцев...

— Вы боитесь! — закричал Антуан. — И тем самым отдаете науку в руки таких, как Брусveen! В своей фазенде, похожей на дот или бункер, он — а не вы! — завладеет секретами разума этих существ — серых и пестрых. И, можете быть уверены, использует их не на благо цивилизации...

— Вы говорите — Брусveen? — профессор оживился. — Я не знал, что он в Бразилии. Год назад мы встречались в Стокгольме на конгрессе биологов...

— Ошибаетесь, — перебил его Антуан. — Мсье

Продолжение. См. «Костер» №№ 7—9, 1968 г.

Брусveen говорит, что уже более двадцати лет он не покидал своей фазенды.

— Ну-ну, мой друг, я, конечно, стар, но еще не выжил из ума. Да вот... — Алвист легко поднялся из-за стола и подошел к большой групповой фотографии, висевшей на стене. — Вот, извольте: третий слева — ваш покорный слуга, а рядом — доктор Харальд Брусveen. Снимок сделан в прошлом году на приеме у короля... Кроме того, должен вам сказать, что фазенда, похожая на дот или бункер, вовсе не в характере Харальда. Он два года провел в фашистском концлагере и не выносит ни казематов, ни затворничества...

Рядом — старуха, повязанная платком. И сразу другая картина: та же изба, но пустая, с развороченной печкой, из которой торчит нелепый черный ствол...

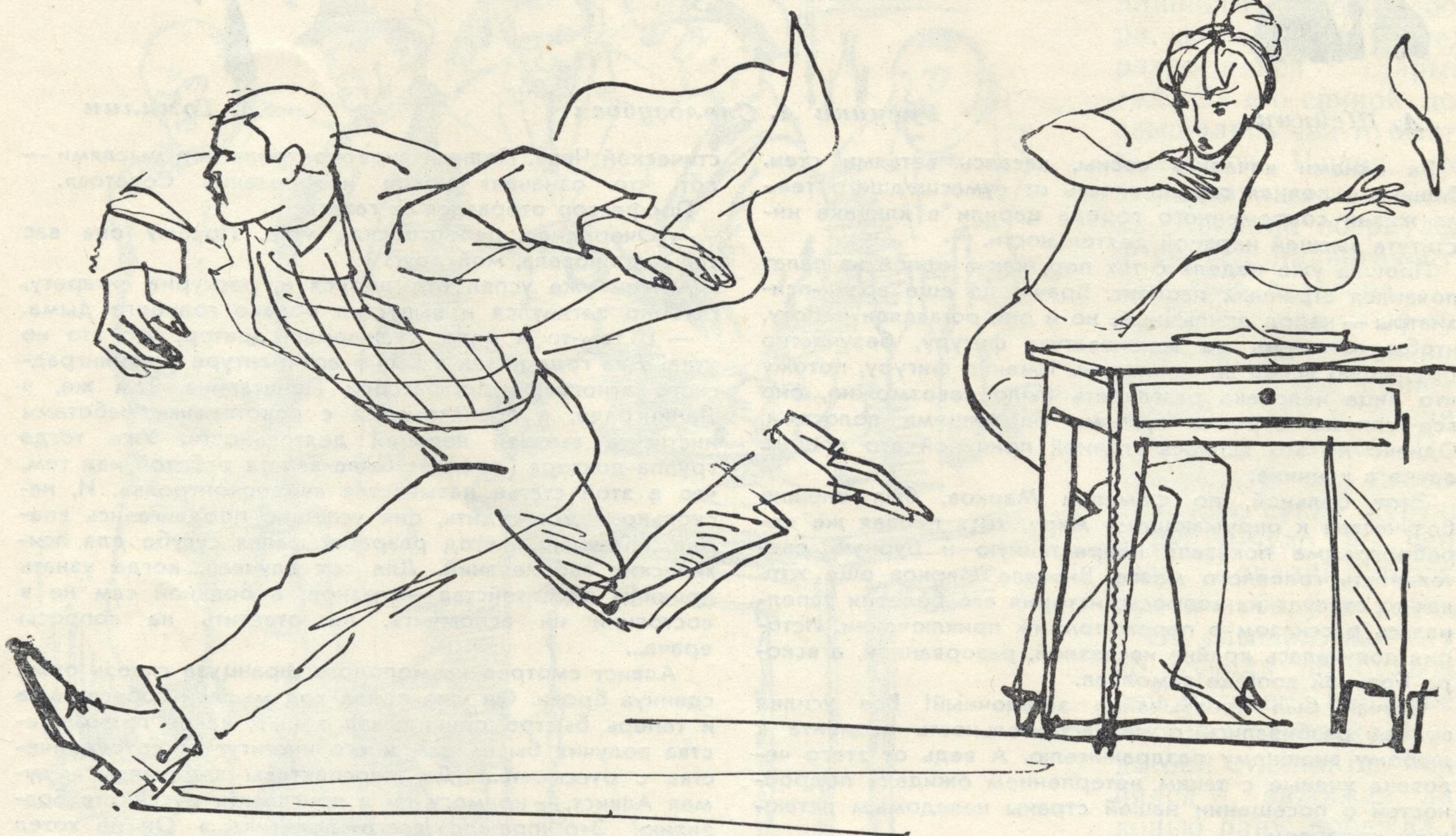
— Стоп!

Гаснут экраны, темнеют глазки индикаторов. Серия исследований закончена. Еще одна серия...

В ординаторской за длинным столом собираются люди в белых халатах. Только теперь, когда спало напряжение, можно увидеть, как они устали. У многих под глазами круги.

Входит Горелов — руководитель лаборатории.

— Ну что шестая серия?

Антуан пристально смотрел на фотографию. «Вспомнил, вспомнил...»

— Простите, доктор... — Антуан стал стремительно прощаться. — Еще раз извините за вторжение... Но, кажется, теперь я знаю, что мне делать...

Секретарша Алвиста не пыталась задержать сумасшедшего француза, когда он снова со скоростью гоночного автомобиля пролетал через приемную. Она легла грудью на свои бумаги и спасла на столе порядок. Это вполне удовлетворило ее в данной ситуации.

Опять падал снег и на белом его покрове четко вырисовывались следы маленьких босых ног. Потом появилась жуткая размалеванная морда. Взмах копья... Изображение на экране прибора расплывается и мутнеет.

— Электроды в зону «Б», пожалуйста.

Голос человека в белом халате спокоен. Ни суеты, ни спешки. Все идет, как намечено. Электроды — тончайшие иглы из физиологически нейтрального сплава — в мозгу больного. Мозг живет...

На сероватом стекле вновь появляется изображение. Можно разглядеть край лавки, покрытой овчинным тулупом. У стола под лампой — бородатый чело-

Отвечают вразнобой:

— То же самое... Между шестнадцатым и семнадцатым кадрами — провал. Хотя интенсивность излучения — максимальная...

— Тогда подведем итоги. В мозгу больного обнаружены постоянные очаги возбуждения. Мысль его вертится вокруг одних и тех же событий. Отсутствие логики в изображении и частые провалы заставляют предполагать, что причина расстройства где-то совсем рядом с этими провалами памяти. Что-то мучает больного, он всеми силами пытается проникнуть в эти провалы, связать воедино...

Кто-то прерывает его:

— Простите, может быть — провалы связаны с временными потерями сознания? Помните: взмах копьем — и провал...

— Вот именно! А если так, информация о происшедшем могла сохраниться в подкорковом слое, в непроявленном виде...

Общий вздох проносится по ординаторской. Кто-то скептически улыбается. Кто-то свистит. Горелов снова повышает голос:

— И мы обязаны извлечь ее! Восстановив логиче-

скую связь событий, мы тем самым снимем напряжение с мозга, вернем его к нормальному состоянию...

— Это выходит за пределы наших возможностей...

— Нет, не выходит! Предлагаю подключить мозг другого человека. В данном случае — мой.

С минуту в комнате стоит тишина. Потом она взрывается. Люди говорят все сразу, перебивают друг друга. Некоторые кричат:

— Это невозможно!

— Теоретически не доказано...

Голос Горелова покрывает все:

— Спокойно, товарищи! В конце концов, к этому эксперименту мы идем уже два года. Он становится необходим. Вопрос о психологической совместимости мною рассмотрен. Прошу всех приступить к подготовке седьмой серии.

И сразу все становятся на места. У каждого — свой участок, своя задача. Горелов входит в операционную. Ассистенты надевают ему на голову сложный шлем с многочисленными излучателями и присосками, проверяют пульс. Горелов спокоен. Так, наверно, бывает спокоен тренированный космонавт. Тоже прыжок в неизвестное... Через несколько минут здоровый мозг этого человека станет как бы продолжением больного. Они словно сольются воедино, и при этом на здоровом лежит задача проанализировать мысли больного.

И вот уже снова загораются красные лампы на панелях приборов. Сиренево мерцают экраны. Снова знакомые кадры: дикарская рожа и взмах копья...

— Стоп! Электроды — в подкорковый слой...

Глаза Горелова закрыты. И все присутствующие понимают, сколько воли, сколько выдержки нужно иметь, чтобы вот так, сознательно подчинять свой мозг внешнему воздействию, воспринимать все то, что хранится в чужой памяти, сохранять одновременно способность трезво мыслить, наблюдать за событиями как бы со стороны...

Ассистенты следят за движениями губ Горелова. На магнитную ленту записывается шепот человека, рассказывающего о том, какие мысли скрыты в мозгу другого:

— Страх перед неожиданным... Я ведь его чуть не застрелил, думал — медведь... Удар по темени, резкая боль... Теряю сознание... Больше ничего не вижу, не слышу... Провал, провал... Так, так, лучше... Что-то начинаю воспринимать... Подсознательно, что ли... Выстрел... Слышу выстрел... И крик, нечеловеческий, жуткий... Кто-то бежит... Бежит тяжело, топает по валежнику... Ближе, ближе. И сразу становится легче... Знакомые руки, голос, я его знаю, это Пал Палыч. Его руки поднимают меня, несут куда-то... Потом оставляют... В кого же это он стрелял? Неужели в пестрого?..

Две недели спустя Марков уже приобрел прежний облик...

Антуан Берже легко уточнил фамилию человека, с которым вместе пересекал на самолете Атлантику и так невежливо обошелся во время едва не состоявшейся катастрофы. Авиационная компания подтвердила, что пассажир «каравеллы» Харальд Брусвеен тем же рейсом прибыл в Рио-де-Жанейро.

«Брусвеен, Брусвеен... — думал Антуан, — да, конечно, это его лицо было на фотографии в кабинете Алвиста. И когда в самолете я его толкнул, он возмутился и назвал себя... Боже, какой я идиот! Почему не вспомнил об этом раньше? Не вспомнил тогда, когда мирно пил кофе за столом у второго Брусвеена на его бронированной вилле...»

Не без труда Антуан Берже добился приема у губернатора штата Амазонас. Ему пришлось подождать, так как супруга губернатора была в отъезде и он по этой причине обедал не дома, а в клубе.

С первого взгляда губернатор дон Мануэль ди Жезус произвел хорошее впечатление. Он встретил посетителя у двери кабинета, крепко пожал руку, подвел к креслу возле письменного стола, предложил сигары и кофе.

Антуан начал рассказывать сначала о событиях в лаборатории профессора Алвиста.

— То, что вы слышите, не плод моей фантазии, — говорил он. — По мнению профессора Алвиста, летающая гамбарра, как ее называют местные жители, прибыла к нам из отдаленных миров. В наших руках — одно из живых существ, прилетевших на этой гамбарре. Вы понимаете, какое значение имеет разгадка тайны гамбарры для всей нашей цивилизации... К сожалению, безответственные лица делают попытки самостоятельно овладеть летающей гамбаррой. Знаком ли вам ботаник, живущий в гилее под фамилией Брусвеен?

«Если губернатор знаком с Брусвееном, он, конечно, знает о гамбарре и ее экипаже», — подумал Антуан. Губернатор усмехнулся.

— То, что вы рассказали, чрезвычайно интересно, но, я полагаю, сеньор Берже просил аудиенции не для того, чтобы интересоваться моими знакомыми. Что вы хотели мне предложить?

Антуан стал рассказывать о том, что видел в фазенде, построенной в джунглях гилей, о встрече с настоящим Брусвееном в «каравелле» и о том, что рассказал о Брусвеене профессор Алвист.

— Я прошу ваше превосходительство провести расследование...

— Я обдумаю все, что вы сообщили, — проговорил губернатор. — Могу заверить: будут приняты необходимые меры...

В голосе его звучало нетерпение.

«Хочет, чтобы я поскорее ушел? Но почему?..» — Слегка поклонившись, Антуан вышел из кабинета.

В приемной он почти столкнулся с молодым человеком в черном костюме. Вот когда был шанс получить дополнительную информацию... Антуан бесцеремонно схватил молодого человека за пуговицу пиджака. Тот попытался вырваться:

— Простите, меня вызывает дон Мануэль...

— Минуточку... — Антуан стремился как-то завязать разговор. — Скажите, пожалуйста, какие цветы любит дон Мануэль? Я хочу... э-э... прислать ему корзину цветов!

— У дона Мануэля собственная цветочная плантация! — ответил молодой человек, удивленный таким вопросом. — Он не принимает в подарок цветы!

— Ну да, конечно... — пробормотал Антуан. — Я хотел сказать: цветы для мадам ди Жезус!

— Мадам сейчас нет в Манаусе. Она гостит у родителей в имении на Рейне...

Мрачные догадки ошеломили Антуана. Он понял, что больше нельзя терять времени...

Джип оставили возле поляны в зарослях.

Софи еще раз попыталась уговорить брата не рисковать. Она пообещала даже немедленно возвратиться в Париж! Но для Антуана теперь это значения не имело. Любой ценой он должен был узнать, не остался ли кто-нибудь в плену у мнимого Брусвеена после отлета гамбарры. Мариано поддержал его: «Может быть, и Машадо здесь?»

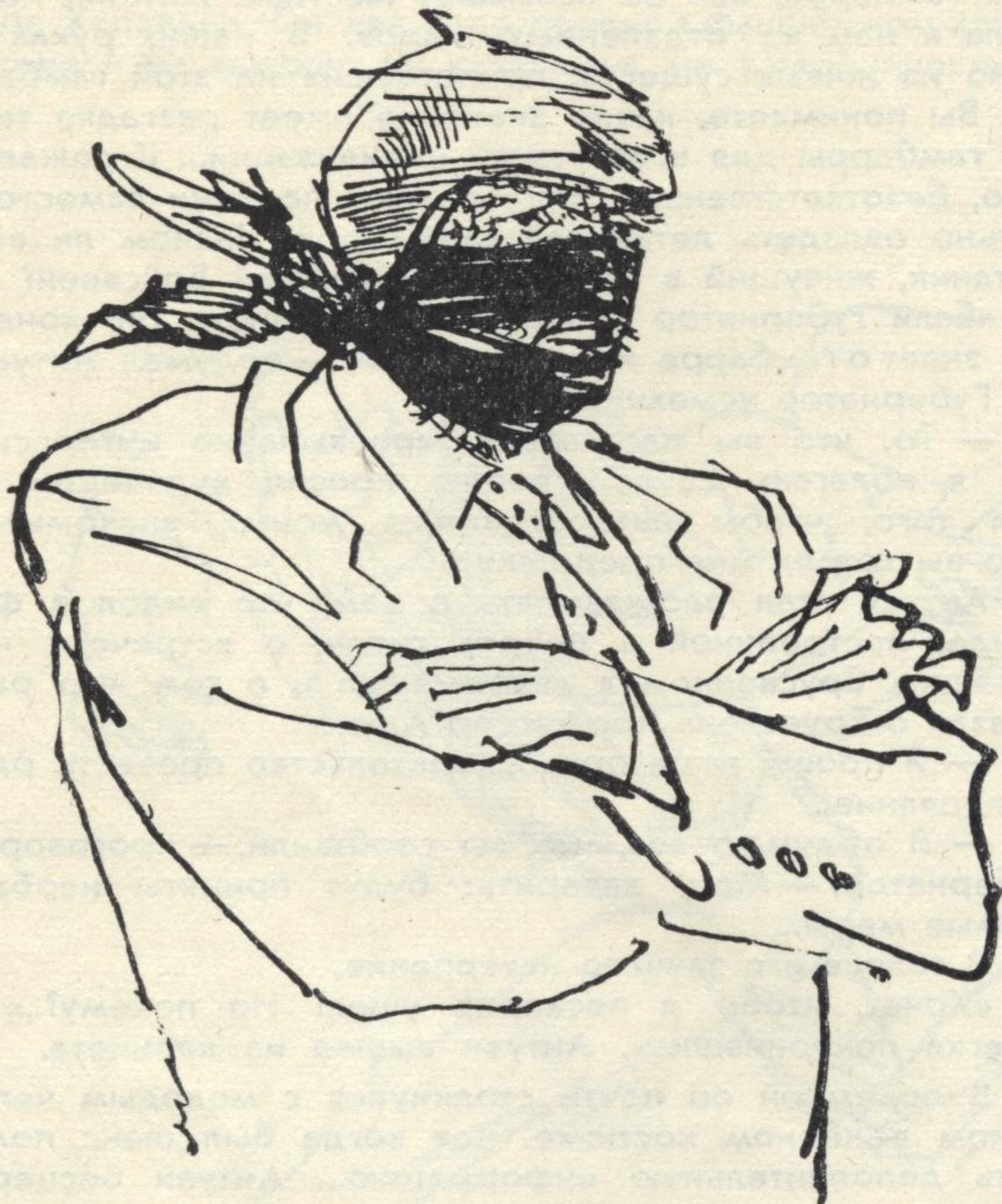
«Если этот мнимый ботаник откажется разговаривать со мной, я пригрожу разоблачением», — подумал Антуан. Что будет при этом с ним самим, он просто не принимал в расчет.

Однако, в фазенду его впустили без каких-либо распросов. Узкая белая дверь в ограде раскрылась, и почти тотчас раздался хриплый и жалостный голос:

— Господин доктор! Пожалуйста, господин доктор...

Антуан взглянул на говорившего и оторопел: здоровенный детина в шортах и рубашке грязно-зеленого цвета стоял, повернувшись к нему затылком и причитал, коверкая португальские слова. Густая грива ровной волной закрывала его затылок и шею.

— Пожалуйста, господин доктор, — повторил детина, обеими руками раздвигая волосы: то, что Антуан принял за густо заросший затылок, было лицом!

— Волосы, господин доктор, — продолжал детина, — лезут из меня, как зубная паста из тюбика. Жрать хочется за десятерых, господин доктор! И за что такое наказание?

Антуан не стал дальше слушать и быстро зашагал к зданиям в центре двора. «Они приняли меня за доктора, — думал он, — что ж, тем лучше». Возле гаража он увидел несколько легковых машин. Задержал взгляд на «линкольне» с пуленепробиваемыми стеклами. Удастся ли в случае необходимости завести его мотор? Оставлен ли в машине ключ от зажигания?..

Глухой голос Брусвеена раздался за его спиной:

— Герр доктор?

Антуан медленно повернулся. Хозяин фазенды стоял перед ним в коричневом костюме, голова его была закутана черным шарфом, на лоб и на уши надвинут берет. Оставлена только узкая щелка для глаз.

— Здравствуйте, сеньор Брусвеен, — насмешливо сказал Антуан.

И в тот же момент почувствовал, как сзади его крепко схватили за локти.

Антуана не били. Ему надели наручники, скрутили ноги обрывком какого-то жесткого провода и швырнули в пустой сарай.

В крыше сарая зияла гигантская дыра. Сквозь дыру палило солнце.

Антуан понял: пощады не будет. Теперь ему было ясно, что он попал в логово недобитых немецких нацистов...

Выполнит ли Софи наказ: вернуться во Францию и только потом обращаться к газетам и радио?

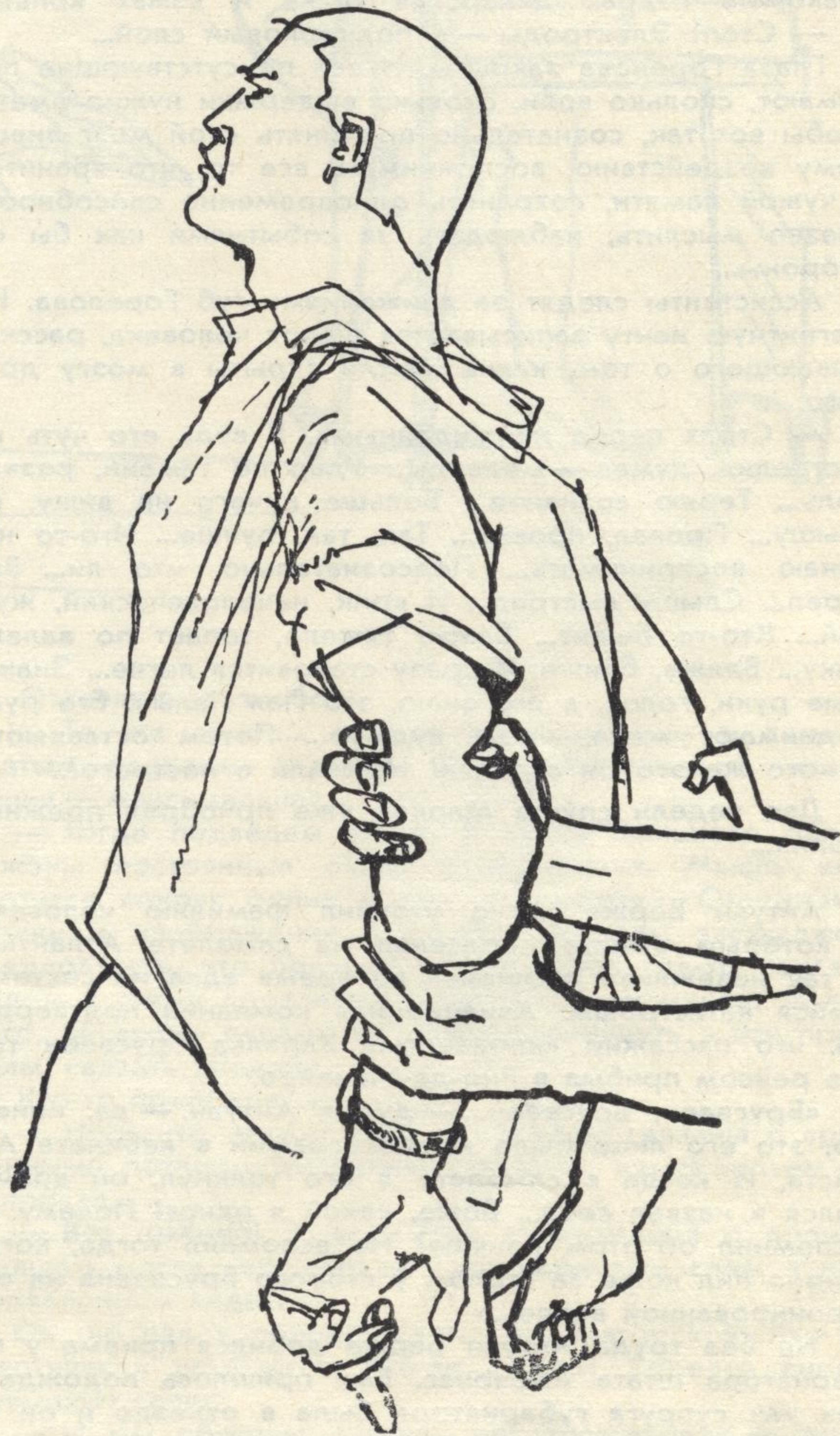
Мариано утверждает, что в Бразилии есть справедливость. Но Софи — иностранка. Что она сумеет сделать в чужой стране?

Он уползал от солнца, но оно снова и снова достигало его.

А с вечерней темнотой, он это чувствовал, неминуемо придет смерть. И уже никогда не узнает он тайны летающей гамбарры...

Как похож этот сарай на ангар... А что если гамбарра — бесшумный самолет, построенный здесь, на фазенде? А экипаж гамбарры — результат «научных экспериментов» фазендейро? Вспомнились рассказы о нацистских экспериментах над людьми во время войны. Быть может, этот «почтенный ученый» захватил в дебрях гилеи неизвестное племя индейцев и подверг их преступным опытам?..

Антуан лежал на спине и смотрел в небо. Новая мысль пришла ему в голову: если эту дыру в крыше пробила гамбарра, тогда фазенда не может быть ее базой! Да и не похожа фазенда на научно-исследовательский центр. Скорее — склад оружия для тайного фашистского путча. Но тогда остается предположить, что экипаж летающего ковчега — действительно представители иных миров. Инопланетники, обладающие удивительным способом передвижения... Тогда ясно,

что гамбарра вырвалась отсюда именно через эту дыру, разворотив крышу!

И тут Антуан увидел на бетонном полу черное тупое копьё. Он подполз ближе, потянулся к нему скованными руками.

Наступал вечер, небо над пробойной в крыше быстро темнело.

Антуан сжал копьё руками, повертел его, разглядывая, и с досадой стукнул концом копья об пол. И вдруг копьё ощутимо рванулось вверх, но Антуан

не выпустил его из рук, с трудом удержал. И тут его осенило, — он снова сильно ударил концом копья об пол. Оно снова рванулось вверх и подняло Антуана с пола. Он вцепился в копьё изо всех сил и его потянуло через дыру в крыше вверх, к темнеющему небу...

Вспышка яркого света ударила в конце траектории. Антуан невольно прижался лицом к копьё. Его завертело в вихре и швырнуло оземь.

В. Невинский

ГЛАВА 7

Если реальная жизнь полна всяческих неожиданностей и совпадений, может ли обойтись без них фантастическая повесть?

А. Шалимов

Очнувшись, Машадо почувствовал ноющую боль в груди и отвратительную тошноту. Медным звоном гудела голова. Мысли путались. Мучило удушье. Машадо лежал на чем-то теплом и твердом. Глаза были открыты, но он ничего не видел.

Мало-помалу стало легче, сознание прояснилось, и боль затихла. Мулат подогнул иззябшие ноги, оперся руками и сел. Он разглядел фосфоресцирующие стены, на которых смутно угадывались какие-то чудовищные изваяния. Полукруглый свод потолка светился, как лесная гнилушка. Снаружи доносился свист и завывание ураганного ветра. Ветер, снова этот ветер... И тогда Машадо вспомнил... Вспомнил, что опять летит в диковинной гамбарре, летит неизвестно куда, один в окружении странных существ. Очевидно, сознание покинуло его, когда эта громадная колода поднялась слишком высоко и он начал задыхаться от недостатка воздуха. Куда она летит? Какая сила поднимает ее так высоко над Землей? А может, все это колдовство? Или это ужасный сон: он заснул и не может пробудиться...

Мулат поднялся на ноги. Пошатываясь от слабости, побрел к узкой длинной щели в стене. Сквозь щель вместе с полосой света врывались хлесткие струи ледяного ветра. Это была входная щель. Машадо втаскивали через нее внутрь гамбарры, но теперь она почему-то стала уже.

Машадо просунул в щель голову. Далеко внизу расстилалось бескрайнее море облаков. Облака, причудливо громоздящиеся друг на друга, казались неподвижными. Гамбарра со свистом неслась в разреженном воздухе, длинная тень ее скользила по облакам. Земли не было видно. Солнце висело совсем низко, прячась в молочной пелене. Судя по солнцу, гамбарра летела к закату, если это было утро, или к восходу, если сейчас был вечер... Сон это или явь?..

Если все это не сон, то что же произошло?.. Гамбарра улетела с поляны, потому что пестрые испугались вертолета... Потом приземлились на просеке около спрятанной в лесах фазенды... Может, на фазенде

жил хозяин пестрых? Но почему их сразу окружили вооруженные люди? Не успел Машадо вслед за пестрыми выбраться наружу, как их всех согнали в кучу, подталкивая прикладами винтовок и стволами автоматов. Пестрые верещали и даже пытались сопротивляться, но двоих застрелили, а остальные сразу присмирели, сникли и, понукаемые пинками и окриками, потащили гамбарру к большому сараю во дворе фазенды. Машадо, ошеломленный случившимся, бежал вместе со всеми. Уже у самых ворот фазенды он заметил человека, прятавшегося в зарослях. Какой-то охотник или сборщик каучука... Машадо крикнул ему несколько слов, умоляя разыскать сеньора да Пальха... Тотчас его сбили с ног, поволокли куда-то. Потом бросили на холодный бетонный пол. С грохотом захлопнулась тяжелая дверь и наступила темнота.

...Вдруг появилось свечение... Гамбарра оказалась рядом. Пестрые жались возле нее. Это гамбарра светилась в темноте, как глаз огромной кошки. Бледный зеленоватый свет едва достигал покрытых известкой стен, низкого потолка и серого бетонного пола с черными разводами масляных пятен. Сарай был длинный, как траншея. В одном конце, среди наполненных солляркой металлических бочек, почти вплотную к гамбарре, стоял бульдозер. Сбоку в воротах Машадо разглядел небольшую металлическую дверь, она была заперта. За дверью изредка слышались шаги и голоса людей, говоривших на незнакомом языке...

Вскоре Машадо потерял счет времени. В призрачном свечении гамбарры монотонно тянулись бесконечные сумерки. Мулат ничего не понимал. Кто его схватил? Почему держат взаперти вместе с пестрыми? Когда выпустят и выпустят ли вообще? Он барабанил в дверь. Кричал. Несколько раз пытался объяснить сторожам, бросавшим пищу через дверцу в воротах, что он человек, что он не такой, как остальные. Сторожа хохотали, перешептывались... Машадо попытался схватить одного из них за полу куртки, но тот щелкнул мулата по носу и рывкнул, коверкая португальские слова:

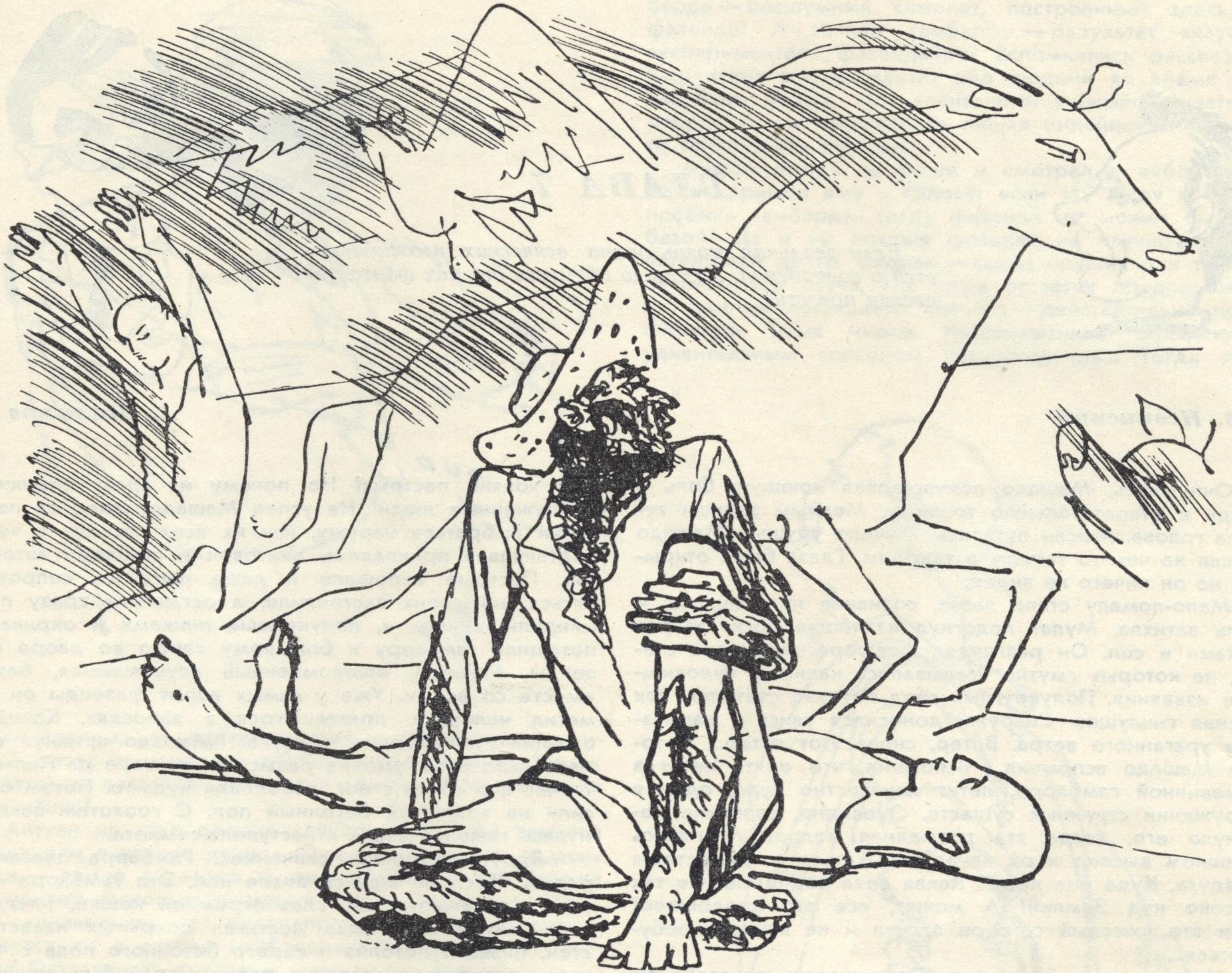
— Заткнись, волосатая обезьяна!

Машадо вскипел. Да, он оброс волосами с головы до самых ступней, но ведь не перестал быть человеком! Он нанес обидчику стремительный удар, когда тот заглянул в дверь. И тогда Машадо швырнули на бетонный пол, жестоко избили ногами.

Пестрые и серокожие уже давно заползли в гамбарру и лежали там в странном оцепенении. Машадо время от времени заглядывал к ним. Они не шевелились и словно не замечали мулата.

те, вообще, лежали как покойники. Машадо брал еду для себя про запас. Кто знает, что ждет впереди...

Подобрав последние початки маиса, Машадо насторожился. Дверь в воротах снова открыли. Он торопливо скользнул внутрь гамбарры, прилег в зеленоватом полумраке возле одного из серых. Откинув длинные, жесткие волосы, падавшие на глаза, приник к прохладному краю щели. Шероховатый жесткий край вдруг показался ему податливым, почти эластичным: словно под ладонями было что-то живое...

Машадо недоумевал. За свою жизнь он успел повидать всякое. Судьба сталкивала его с разными людьми, он видел немало диких племен и удивительных обычаев, но о чем-либо подобном ему не приходилось и слышать... Все чаще ему приходил в голову нелепый и страшный вопрос — люди ли это? А если не люди, то кто?.. Впрочем, кто бы ни были, пожалуй, они лучше тех, что загнали его сюда. Ему они не причинили зла, только заставляли толкать гамбарру, когда надо было взлететь. А те, за дверью, убьют сразу, если он попытается выбраться наружу.

Раскрылась дверца в воротах, и очередную порцию еды швырнули прямо на бетонный пол. Машадо подождал, когда сторожа удалились, и стал перетаскивать все в гамбарру. Пищи было много. Ее, конечно, оставляли для всех: и для него, и для пестрых, и для серых. Но пестрые ни к чему не притрагивались, а серые —

Дверца в воротах распахнулась. Ярko блеснули электрические фонари. Вошел высокий седой человек в белом костюме, с властным лицом и резким голосом. За ним толпой ввалились коренастые светловолосые парни в коротких зеленых штанах и зеленых безрукавках. Некоторые держали палки. Отрывистые слова, которые бросал человек в белом, были непонятны Машадо. Парни с фонарями и палками рассыпались по сараю, освещая темные углы, заглядывали за бочки, под бульдозер. Не найдя никого, они снова окружили человека в белом. Тот повысил голос, парни в безрукавках слушали его, опустив головы.

Вдруг человек в белом резким движением руки указал на щель в боку гамбарры. Один из парней подошел, попытался заглянуть внутрь. Машадо увидел совсем близко выпуклые бесцветные глаза. Он отпрянул в глубину, в спасительный зеленоватый полумрак.

Залег между неподвижными телами пестрых. Парень услышал движение внутри гамбарры; мгновение он прислушивался, потом крикнул на ломаном португальском языке:

— Эй, там!.. Всем выходить по одному да поживей!..

Машадо лежал не шевелясь. Впервые чрево гамбарры показалось ему спасительным убежищем. Эти снаружи — они опаснее самых диких дикарей.

— Выходить! — снова донеслось через щель. — Что вы там, подошли?

В щели появилась палка с острым наконечником, и в этот момент случилось что-то непонятное. Щель беззвучно сомкнулась, крепко стиснув палку.

Снаружи донеслись крики, брань, потом послышался треск, вероятно палка, которую пытались выдернуть, сломалась.

Дальний край щели сомкнулся неплотно. Там снаружи проникал свет. Машадо подполз туда. Приподнялся. Ему удалось разглядеть раскрытые настежь ворота сарая, часть двора, залитого ярким солнцем. Человек в белом стоял совсем близко и что-то говорил окружающим его светловолосым парням. Те снова засуетились, притащили длинный трос.

«Хотят вытащить гамбарру наружу», — сообразил Машадо.

Послышался гулкий топот. Откуда-то из глубины двора прибежал еще один парень в коротких штанах. Принялся что-то взволнованно объяснять человеку в белом. Тот слушал, недовольно скривив лицо. Покачал головой, подумал. Потом бросил несколько отрывочных слов, повернулся и быстро вышел из сарая. Парни толпой последовали за ним. Тяжелые ворота захлопнулись, послышался стук засовов, и наступила тишина. И тотчас щель в боку гамбарры приоткрылась во всю длину и снова приобрела прежние размеры. Машадо осторожно высунул голову. В сарае никого не было.

«Надо что-то делать», — решил Машадо.

Он принялся трясти одного из пестрых. Тот не отзывался; Машадо принялся за второго, третьего. Безрезультатно. Некоторые приоткрывали глаза и тотчас смыкали их, словно были не в силах проснуться. Машадо не удалось разбудить ни одного.

Один из серых лежал возле входной щели. Машадо добрался до него, шагая через лежащих вповалку пестрых. Что-то в положении тела серого поразило мулата. Серый лежал неподвижно, странно вытянутый, словно погруженный в зеленоватое светящееся вещество, из которого состояла гамбарра. Машадо попытался приподнять его и... не смог. Серый словно сросся с полом гамбарры и не подавал никаких признаков жизни.

Машадо отпрянул, потом присмотрелся внимательнее... Неужели то, что он вначале принял за грубые изваяния на стенах, на полу и на потолке во внутренней полости гамбарры, все это некогда было живыми существами?.. Ну, конечно... Вот очертание еще одного серого, почти исчезнувшего в ноздреватом веществе стены, вот контуры большой свиньи, там антилопа, а это птицы, которых ловили пестрые на последней стоянке. Как он сразу не догадался: эта гамбарра — она незаметно пожирала тех, кого возила в своем чреве. Значит, она...

Одним прыжком Машадо выскочил наружу на бетонный пол сарая. Что же делать? Гамбарра — это смерть. Но там, за бетонными стенами сарая, тоже смерть. А может, гамбарра пожирает не всех? Ведь среди путаницы тел, погруженных в пол и стены гамбарры, не было пестрых. И его самого гамбарра пока пощадила.

Где-то во дворе послышались знакомые голоса. Кто это? Неужели здесь Мариано да Пальха?

Машадо прижался к горячему дереву ворот, напрягая слух. С трудом он уловил несколько фраз. Теперь он уже не сомневался. Да, это был он! Голоса звучали глухо, словно постепенно удалялись. Машадо налег на ворота, застучал в них ногами, крича изо всех сил:

— Синьоры! Слышите, синьоры, это я, Машадо! Синьоры!

Где-то вдаль послышался шум автомобильного мотора и отрывистый сигнал клаксона. Машадо понял: они уехали. В отчаянии отступил от ворот, поскользнулся в луже пролитого автотоплива и упал на бетонный пол. Несколько минут лежал неподвижно, потеряв последнюю надежду. Но запах машинного масла и продолжавший звучать в голове шум работающего двигателя разбудил в нем неясные ассоциации. Машадо вскочил на ноги.

— Сейчас, сейчас я вам... — твердил он про себя, продираясь боком между гамбаррой и стеной в конец сарая.

Он торопливо залез в бульдозер, раскрутил стартер. Застрекотали частые хлопки пускового движка, потом мощно заговорил дизель. Машадо включил передачу. Гусеницы заскребли о бетон, и нож бульдозера лязгнул о корму гамбарры. Чихая и кашляя от едкого дыма, Машадо бросился к входной щели. Какое-то мгновение он колебался. Входить ли? Впрочем, выбора нет... Машадо юркнул в щель.

Бульдозер, гулко рыча, сильно напирал сзади. Гамбарра дрогнула, тронулась с места, заскользила по гладкому полу, неудержимо пошла вперед и с хода вломилась в низкий скат крыши. Крыша треснула, будто в нее ударил тяжело нагруженный товарный состав. Гамбарра выплыла наружу, скользнула между кронами деревьев и, задрав тупой нос, стремительно пошла ввысь...

* * *

Нет, все это, конечно, не сон.. Так все и было. И вот он снова летит, неведомо где и куда...

Машадо проглотил комок, подступивший к горлу, и снова заглянул в щель. Облака внизу редели. Под ними было что-то темное. Он присмотрелся и понял — море. Бесконечное море... Земли нигде не было видно. Солнце поднималось все выше. Они летели к западу... Неужели там, внизу, Тихий океан?..

Прошел день, затем ночь. Снова забрезжил рассвет. Заснуть Машадо боялся. Превозмогая усталость, всю ночь слонялся внутри гамбарры, переступая через неподвижные тела пестрых. Наконец рассвело. Внизу в просветах облаков по-прежнему темнел океан. Еще сутки прошли без всяких приключений. На третий день полета пестрые постепенно очнулись от своего мертвого оцепенения. Они задвигались, заверещали, стали перебегать с места на место. Некоторые принялись отколупывать цепкими пальцами ноздреватое вещество со стен гамбарры в промежутках между «изваяниями». То, что им удавалось отколупнуть, они тотчас пожирали. На Машадо они, казалось, не обращали никакого внимания.

Вдруг что-то произошло... Машадо заметил, как забеспокоились обитатели ковчега. Они встревоженно забегали, начали выглядывать в щель. Пестрая окраска их тел сделалась еще более яркой и быстро менялась. Тревога пестрых передалась и Машадо. Он заглянул вниз и поразился. Гамбарра приближалась к поверхности океана...

На большой скорости она врезалась в волны. Через входное отверстие хлынули потоки соленой воды.

Вместе с водой внутрь попало несколько рыб. Вода тут же исчезла, словно впитавшись в ноздреватые стены. Вместе с ней исчезли и рыбы. Гамбарра тихо покачивалась на волнах...

* * *

Потянулись монотонные и мучительные часы. Машадо страдал от жажды. Скучный запас пресной воды погиб, когда океанские волны проникли внутрь гамбарры. Теперь Машадо стоял у щели, до рези в глазах вглядываясь в горизонт, надеясь увидеть судно, которое положит конец его мукам. Кругом простирался голубоватый водный простор, искрящийся солнечными бликами. Только раз вдали появился слабый дымок; появился и исчез. Корабль прошел мимо, не заметив гамбарру.

У Машадо начались галлюцинации. Ему чудились высокие пальмы над прозрачными ручьями, наполненными холодной, журчащей водой, реки, необъятные, как Амазонка. Он приходил в себя, видел чужие странные лица пестрых и снова впадал в забытие. Сколько это длилось, он не знал. Он думал, что умирает.

Но вот, очнувшись, он увидел в темной раме входной щели зеленые султаны пальм на фоне голубого неба. Мираж? С трудом приподнявшись, Машадо выбрался из ковчега. Гамбарра стояла невдалеке от низкого берега, упершись носом в коралловые рифы. Превозмогая страшную слабость, Машадо пополз на поиски воды. Ему посчастливилось найти небольшой ручеек и, припав губами к воде, он пил, пил, пил; пил до тех пор, пока не потемнело в глазах. Оторвавшись от воды, заполз в тень пальмы и тотчас уснул.

Сколько он спал, Машадо не знал. Проснувшись на рассвете, решил обследовать берег.

Увы, земля оказалась совсем маленьким необитаемым островком. Вокруг простирался необъятный океан. Бежать отсюда было некуда. Пестрые разбрелись по всему островку, несколько уцелевших серокожих, которые лежали в глубине гамбарры и во время полета казались безжизненными, также ожили и покинули ковчег. Машадо видел вдали на берегу их высокие фигуры.

Машадо задумался... Теперь, когда гамбарра стояла у твердой земли, ее можно было снова разогнать и лететь дальше... Куда направятся пестрые? Едва ли они захотят остаться тут надолго. Помня о недавней жажде, Машадо решил запастись питьевой водой. Он разыскал ведро, вероятно, похищенное где-то пестрокожими, и направился к ручью. Он успел сходить за водой дважды. Вылезая из гамбарры в третий раз, с ужасом увидел, что с океана на остров надвигается огромная волна. Приближаясь к берегу, волна стремительно росла, изгибалась, становилась дыбом и грозно одевалась пеной. Машадо весь сжался, почувствовав неотвратимую опасность. На Амазонке ему однажды довелось видеть, как течение реки, столкнувшись с океанским приливом, родило гигантскую волну, уничтожившую все на своем пути. Машадо бросился в глубину гамбарры и, повалившись на пол, закрыл голову руками...

Многотонная масса воды приподняла ковчег и швырнула куда-то вперед. Машадо пролетел через всю внутреннюю полость гамбарры, больно ударился о стенку. Он ждал еще более сильного удара о землю, куда волна должна была неминуемо выбросить гамбарру. Но второго удара не последовало. Свиристый вал подхватил ковчег, столкнул его с рифа и бросил вперед. Получив толчок, гамбарра оторвалась от воды.

Набирая скорость, она устремилась вверх. Машадо остался один в летящей гамбарре. Бросился к входной

щели... Увидел, как уплывает вдаль горизонт, как проваливается куда-то вниз океан и вместе с ним удаляется одинокий островок с поваленными волной пальмами... Остров был пуст. И пестрых и серых поглотил океан...

Гамбарра продолжала свой одинокий полет высоко над облаками.

Наконец в просвете облаков Машадо разглядел полосу незнакомого берега. Что это? Снова остров или материк? Если материк, то какой? Африка? Азия? Или Америка?.. Ковчег неудержимо мчался неведомым путем, постепенно снижаясь. Сердце Машадо тревожно билось в предчувствии беды. Он не ложился, боясь, что его сожрут стенки гамбарры, дремал сидя, то и дело вскакивал и переходил с места на место.

А гамбарра неслась все вперед и вперед. Наконец облака стали редеть, земля была совсем близко. Под брюхом гамбарры простиралась холмистая, заросшая лесом местность. Это не была гилея с ее непроницаемыми ярко-зелеными кронами. Лес казался редковатым, кое-где его прорезали нити дорог, виднелись дымки селений.

Гамбарра уже опустилась к самым вершинам деревьев. Машадо со страхом глядел вниз. Промелькнула дорога, почти заросшая, наверно, давно заброшенная, затем показалось озеро, окруженное узкой каймой песчаного пляжа. Вдали за лесом поднимался дымок.

Когда гамбарра оказалась над озером, до воды было всего метров пятнадцать-двадцать. И вдруг с необычайной яркостью в памяти Машадо всплыло воспоминание далекого детства: прыжки в море с высокой скалы еще там, в Рио, где богатые белые бездельники бросали на дно мелкие монеты, а он с мальчишками нырял, чтобы достать их. В тот же момент Машадо понял: если он сейчас же не прыгнет, будет поздно. Он рванул к щели, перемахнул через край и, вытянув вперед руки, полетел вниз.

Вода больно ударила, обожгла холодом и выбросила на поверхность. Гамбарра уже исчезла за вершинами деревьев. Отфыркиваясь, Машадо быстро поплыл к берегу.

* * *

Выбравшись на низкий песчаный берег, Машадо отряхнулся и направился через лес в сторону дыма, который заметил в последний момент перед прыжком. Селение должно находиться недалеко. Он успеет добраться туда до наступления темноты.

Его обступила чаща незнакомых кустов и деревьев. Они сплетались ветвями и преграждали путь. Под ногами в густой траве трещали мертвые сучья. Какие-то насекомые кружились над головой, лезли в нос и в глаза, мешали смотреть и жалили без конца. Мокрые волосы, плотно облепившие тело, еще как-то спасали от назойливых насекомых, но уши и нос распухли от укусов и нестерпимо зудели. Тем не менее Машадо настойчиво продирался вперед, стараясь шуметь как можно сильнее, чтобы распугать ядовитых змей, которые, должно быть, скрываются в такой чаще...

Около часу он шагал через буреломы и заросли, перебирался по кочкам через топкие болотца. Наконец, выбившись из сил, повалился на землю. Ребра ходили ходуном, с трудом нагнетая в легкие наполненный неведомыми запахами воздух. Это был незнакомый лес. Он совсем не походил на гилею. Что это за край? Что за страна?

— Миль пять прошел, — сказал сам себе Машадо, закрывая глаза, но чутко прислушиваясь к шорохам леса. — Теперь недалеко... Отдохну немного и пойду...

Несколько минут он лежал неподвижно. Усталость постепенно покидала тело.

Вдруг где-то недалеко гроыхнул выстрел, затем второй. Люди! Машадо вскочил, бросился вперед, отчаянно продираясь сквозь заросли. Он лез напролом, не разбирая дороги, лишь прикрывая глаза от острой хвои и сухих ветвей.

Лес поредел. Впереди была прогалина. Машадо напруг последние силы, выскочил на поляну и застыл

ничего. Одни разговоры да еще эта эпидемия, с которой, как будто, врачи уже справились. Бразильцам больше повезло. Одного «пришельца» они поймали, только толку от него добиться не могут.

— Некоммуникабелен, — сказал о нем позавчера академик Петров, приехавший в Лепишки.

Элгуджа пскачал головой. Слово-то какое... Если

в оцепенении. С десяти шагов прямо ему в лоб смотрели черные зрочки двустволки.

* * *

Элгуджа Кавтарадзе неторопливо шагал по лесу. Двустволку он закинул за плечо, соломенную шляпу сдвинул на затылок. Первый выходной за месяц... Ну и лето выдалось. Втравил их этот волосатый дядька Марков в историю. Вместо того, чтобы выполнять план разведочных работ, прочесывают с радиометрами леса по всей Новгородской области. В Лепишках теперь база специальной правительственной комиссии. Жители Сельцов, возвратившись из клиники в Ленинграде, ходят задрав носы. Вот, мол, мы какие! Помогли двинуть вперед науку. От корреспондентов отбою нет. И все — история с этими летающими космическими гостями. Никто их толком не видел. А только о них теперь и говорят. И в газетах пишут, и по радио выступают.

Элгуджа сплюнул. Найти следы их пребывания!.. А как найдешь, если ничего не осталось? Ну совсем

его к месту вернуть... А старик — хитрец. Своего мнения пока не высказывает. На прямой вопрос Элгуджи сказал: «Дорогой мой, это сложная проблема. Не стоит торопиться. Многие допускают взвездное происхождение этих странных существ, но нельзя исключать и иного решения... Ищите, и от вас теперь зависит очень многое...»

Они-то ищут. А вот врачи Маркову не могут память вернуть. Он пока тоже некоммуникабелен...

И лесник этот как в воду канул...

Солнце поднялось высоко и начало припекать. Элгуджа остановился, снял куртку, сунул ее в рюкзак. Редколесье кончилось, а в чащу ветер не проникал, там свирепствовали комары. Элгуджа наглухо застегнул рукава и ворот рубашки. Он еще мучился с последней пуговицей у ворота, когда из-под кустов с шумом вылетел тетерев. Элгуджа торопливо сорвал двустволку, выпалил почти не целясь из обеих стволов. Опять неудача!

— Чтоб тебя черти выпотрошили! — ругнулся с досады. — Если снова ничего не принесу, засмеют ребята...

Вдруг в чаще что-то затрещало, зашумело, деревца закачались, и среди листвы мелькнуло черное волосатое тело.

«Неужели медведь, — ахнул Элгуджа. — Этого еще не хватало».

Ломая ногти, он выдернул из стволов стреляные гильзы, торопливо перезарядил ружье. Медведь продирался напрямик сквозь кусты орешника.

«Если вылезет на поляну и не остановится, пожалуй, я его хлопну», — решил Элгуджа, поднимая ружье. Он взял на мушку темное тело, уперся ногой в камень для устойчивости... Однако выстрелить не пришлось...

* * *

Они стояли друг против друга на расстоянии нескольких шагов: Элгуджа, сжимающий дрожащими потными ладонями двустволку, и странное двуногое существо, все обросшее густой темной шерстью. В шерсти запуталась хвоя, мелкие ветки, сухие листья.

«Снежный человек? — неслись стремительные мысли в голове Элгуджи. — Горилла? В сорока километрах от Новгорода? Фу ты! Бред какой-то!»

Существо вытянуло руки вперед, словно защищаясь от выстрела, потом подняло их над головой. Человек?

— Кто ты? — спросил Элгуджа, с трудом выговаривая слова, словно в горле была вата.

Страшное существо молчало. На его лице видны были только глаза и нос, в глазах читалась растерянность.

— Кто ты? — снова спросил Кавтарадзе и, ткнув себя в грудь кулаком, добавил: — Я Элгуджа. Понимаешь? Элгуджа...

Существо кивнуло головой и, повторив жест Элгуджи, хрипло пробормотало:

— Машадо...

«Вероятно, имя. Такое имя может носить и космический пришелец... Надо бы спросить что-то еще. А как?»

— Откуда ты? — на всякий случай сказал Элгуджа.

Незнакомец покачал головой.

— Ясно! Не понимаешь! Так и должно быть...

Следующий вопрос Элгуджа на всякий случай задал по-грузински; затем, подумав немного, сам перевел его на немецкий.

Незнакомец продолжал растерянно молчать, настроженно к нему присматривался. Элгуджа, исчерпав свои лингвистические возможности, тоже замолчал.

— Машадо, — снова сказал незнакомец, ударив себя в грудь, потом указал на небо и принялся что-то объяснять.

Не поняв ни слова, Элгуджа тоже указал на небо, слегка подпрыгнул и вопросительно уставился на собеседника. Тот обрадованно затряс головой, сделал рукой широкий жест, который мог изображать только полет и снижение, высоко подпрыгнул и замахал руками, изображая, что летит или плывет.

У Элгуджи исчезли все сомнения. Он сам готов был взлететь в небо от радости.

— Ну вот, все ясно, — сказал он. — Так бы сразу и говорил. Значит, оттуда? Молодец! Земля, — произнес он, указывая на окружающий лес. — Земля... Советский Союз, понимаешь?

— Земья, — повторил незнакомец.

— Как представитель Земли приветствую тебя, пришелец, — торжественно объявил Элгуджа. — Ты не пожалеешь, что прыгнул со своей летающей тарелки именно здесь... Пошли, генацвале.

И они пошли рядом через лес. Глаза незнакомца радостно сверкали. Элгуджа тоже улыбался. Он указывал на деревья, кустарник, пролетающих птиц и говорил:

— Сосна... брусника... дуб... ворона... Понимаешь?

— Дуб... ворона... — растроганно повторял незнакомец. — Понимаешь...

Окончание следует

БОЛЕТ

ВЛКСМ

**ДАЕШЬ
ВОЗДУХ!**

«Комсомолец — на самолет!» Вот наш боевой лозунг. Все без исключения комсомольцы должны пройти военную подготовку. Стальные птицы должны реять над Страной Советов без вы-

нужденных посадок, поломок и катастроф.

Укрепим кадры воздушного флота!

Доведем боевую мощь авиации до уровня лучших достижений современной техники!

Из решений IX съезда ВЛКСМ.

Обложка комсомольского журнала «Смена», 1931 г.

О КОМСОМОЛИ И СТРОЙКИ!

В 1929 году ВЛКСМ провел ленинский набор комсомольцев в ударные бригады. 350 тысяч добровольцев записалось на важнейшие стройки первой пятилетки. Двенадцать тысяч комсомольцев возводили Кузнецкий металлургический комбинат, восемь тысяч — автозавод в Горьком, тридцать шесть тысяч с путевками комсомола пришли на шахты Донбасса.

**ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР
17 СЕНТЯБРЯ 1932 ГОДА**

Своим энтузиазмом и героизмом комсомольцы увлекли за собой весь коллектив. Боевая самоотверженная работа всей молодежи в период весенних паводков, в частности работа штурмовых отрядов, сыграла важнейшую роль в борьбе со стихией.

Ударная комсомольская бригада бетонщиков на строительстве Днепрогэса

Ударные бригады комсомольцев на бетонировке и монтаже показали высокие образцы подлинно социалистического труда, поставив ряд мировых рекордов.

За самоотверженную борьбу на строительстве Днепровской гидроэлектростанции наградить Днепропетровскую комсомольскую организацию орденом Ленина.

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

ПРОТОКОЛ КОМСОМОЛЬСКОГО СОБРАНИЯ.

СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА. ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть.

Выступление командира роты. Я должен внести некоторую ясность в выступление комсорга. Родина требует от нас победы, а не смерти. Да, кое-кто не вернется живой с поля боя, на то и война. Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив.

Ввиду начавшейся двенадцатой за день контратаки немцев докладчик от заключительного слова отказался.

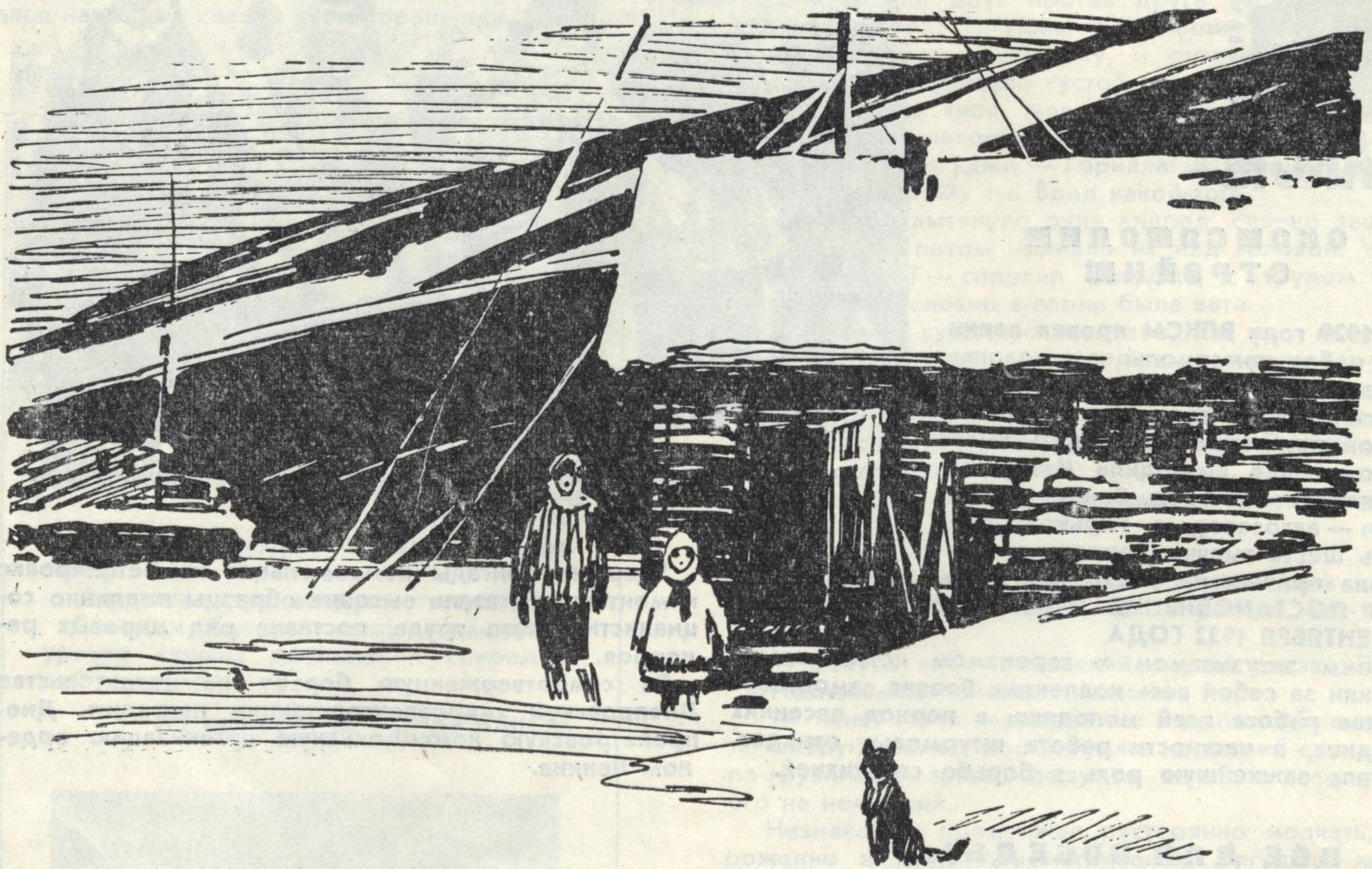
АРХИВ ЦК ВЛКСМ

Родина высоко оценила героизм, проявленный молодежью в дни Великой Отечественной войны. Орденами и медалями было награждено свыше

трех с половиной миллионов воинов-комсомольцев, в том числе 100 тысяч девушек. 7139 комсомольцев и воспитанников комсомола удостоились звания Героя Советского Союза.

«В атаку!». Фото С. Альперта. 1942 г.

ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ „БЕЛЫЙ НОС“

Валерий Воскобойников

Рисунки В. Звонцова

Мы привыкли жить рядом с людьми. Дома, на улице, в трамвае — нас всюду окружают люди.

А как живут те, кто по несколько лет оторваны не только от знакомых, а даже и от незнакомых? Например, метеорологи на Памире или полярники на полярных зимовках?

— Ты повнимательнее там смотри! — советовали мне друзья перед отъездом. — Весь год вместе и не надоедают друг другу — странно.

— К интонациям прислушивайся, — говорили другие, — интонации скажут все.

Так рождался Въедливый во мне человек, который решил сам во всем убедиться.

* * *

Семь мужественных людей. У каждого — могучая борода. На плечах у них шкуры, на ногах — шкуры, в глазах — отвага. Они стоят плотно и молча приветствуют нас поднятыми руками.

Приблизительно так я представлял встречу с полярниками на полярной станции.

А было иначе.

Вездеход остановился у крыльца длинного, обшитого деревом дома. На крыльцо вышла женщина, не прикрыв за собою дверь. Выбежала девочка лет пяти во взрослом ватнике на плечах, выскочила собака на трех ногах. Женщина улыбнулась и по-домашнему сказала:

— Здравствуйте, проходите! И мы пошли.

В тесной палатке системы Шапошникова — такие палатки стоят в музее Арктики — сумрачно. По бокам — четыре спальных места. На них мы и сели. Бородатые полярники затянули мужественную песню. В окно заглянул белый медведь...

Это я опять из воображения.

На деле было не так. В просторной прихожей мы обмели валенки. В просторной гардеробной мы повесили зимнюю свою одежду. В коридор выходило много дверей. Но мы открывать их не стали. Мы пошли в главную комнату — кают-компанию. Здесь мы уж познакомились со всеми,

* * *

На каждой полярной станции есть начальник. Это не всегда самый старый человек, но зато всегда — самый знающий. А главное — характер у начальника должен быть хороший.

На полярной станции Белый Нос начальником — Михаил Васильевич Любченко. Ему за пятьдесят лет. А появился он на Севере еще комсомольцем, молодым радистом.

У начальника много начальнических забот.

Например, при мне составлялся список продуктов. Продукты завозят раз в год, на корабле, в навигацию. В списке были такие цифры: мука белая пшеничная — 500 кг, картошка — 1200 кг, ящиков шампанского — 20 шт., крупа гречневая — 200 кг.

Даже в этом ошибиться нельзя. Нужно учесть, кто станет пить шампанское, а кто его не любит и вместо него поест гречневой каши.

Это еще маленькая забота. А главная забота у начальника, как и у любого начальника, конечно, чтобы все хорошо работало, тепло одевались, правильно отдыхали и вкусно ели.

Чтобы все хорошо работали, начальник должен понимать любую полярную работу. А чтобы правильно отдыхали, начальник должен отдыхать вместе со всеми в кают-компании, со всеми играть в общие игры и слушать по приемнику голоса страны.

* * *

На каждой станции есть и повар. Сначала специальных поваров не было, а готовили пищу по очереди. Например, на одной дрейфующей станции был хороший человек, всемирно известный профессор. Его любили, но поварского его дня ожидали с тоской. Потому что еду он готовил несъедобную. Пересоленную, горелую. Даже

собаки выли в тот день от голода. Поэтому скоро поняли, что лучше отдельного человека назначать поваром, пусть он готовит.

На Белом Носе повар — Мария Ивановна. С раннего утра она громыкает кастрюлями. И поет. Чаще она поет такие слова:

«Ой, мужчины, все вы слабы,
Пропадете вы без бабы».

О вкусных пельменях и о вкусной каше Марии Ивановны знают многие полярники. А про сладкие булочки, которые печет она часто, говорили даже по всесоюзному радио.

Каждый день повару помогает дежурный. Он носит снег в ведрах и ставит его на печь, чтоб таял. Чистит картошку. В тот день, когда мы приехали, дежурным был Василий Дмитриевич.

* * *

Василий Дмитриевич — механик. Механик тоже есть на каждой полярной станции. Это он только так зовется — механик, а на самом деле он много кем еще должен быть. Василий Дмитриевич к тому же — охотник.

Не успели мы с вездехода сойти, поздороваться, познакомиться, не помню даже, успел ли я поужинать, как Василий Дмитриевич меня за руку:

— Пошли, работу свою покажу.

У входа в маленький домик остановились.

— Там котел, — показал он за дверь, — ух, хорошая машина!

И входил он, как раньше верующие люди входили в церковь.

На полярной станции нет печей. Когда-то привозили в навигацию каменный уголь вместе с картошкой и с другими продуктами. А теперь — в комнатах батареи, как у нас в городе. Горит жидкое топливо — солярка, кипятит воду, ходит по трубам тепло.

— Каждые два часа проверяю горелку, — сказал Василий Дмитриевич, — а вообще это автомат. Пошли дальше.

Дальше в гараже стоял трактор.

— Мотор — зверь. А пыли, видишь, нету. На, проведи платком. Лучше моим, мой чище.

Трактор сверкал, отражая электрический свет.

Так мы обошли все хозяйство. Отключили на ночь ветряную станцию, которая дает бесплатный ток, проверили аккумуляторные батареи. Даже по противопожарной цистерне с водой постучали, полная ли. Даже новый дизельный двигатель опробовали.

* * *

А ведь я еще не рассказал, зачем созданы полярные станции. Конечно, не для того, чтобы варить на них вкусный обед, хотя и это необходимо, и не для того, чтоб трактор хранить или задаром из ветра электричество получать.

На полярной станции Белый Нос ведут постоянное наблюдение:

1. За температурой и влажностью воздуха.

2. За направлением и скоростью ветра.

3. За облачностью и видимостью.

4. За уровнем моря, толщиной льда и расположением торов.

5. За активностью солнца.

Свои наблюдения полярники передают по радио через каждые три часа в Амдерму, на радиометеоцентр.

В Амдерме, получив данные со всех полярных станций, могут предсказать погоду, ураганы, пургу и сильный туман.

А потом все наблюдения передаются в Москву, на улицу Павлика Морозова, в Государственное Управление гидрометеорологической службы.

* * *

Въедливый во мне человек не забывал про свое дело.

— Обедать! Всем обедать! — звала веселая Мария Ивановна в кают-компанию.

«Тут-то я выслушаю и вынюхаю, — радовался Въедливый человек, — уж во время еды они выдадут свои искренние чувства. Уж я узнаю, в дружбе они живут или только терпят друг друга».

В кают-компании крепкий

широкий стол. Можно спать на нем — хочешь в длину, хочешь в ширину.

Садится за стол начальник станции Михаил Васильевич, садятся радисты-метеорологи Максаковы, садятся дети: Андрияша Максаков и Вика Новикова, сажусь я с Въедливым во мне человеком, садятся еще люди, а места много за столом, десяток гостей поместился бы. «Ага! — радуется Въедливый во мне человек, — неладное! Галина Семеновна Нови-

кова подозрительно оглядывается по сторонам. Наверное, скажет сейчас обиженно: почему всем мяса большой кусок, а мне — то есть ей, маленький».

— Перец забыли, — говорит Галина Семеновна, — а Валентина Ивановна любит пельмени с перцем.

Она встает, идет к кухонному окну и приносит перец. Валентины Ивановны за столом нет. Она на вахте. Механик Василий Дмитриевич кладет ей полную тарелку пельменей, бе-

50 ЛЕТ

ВЛКСМ

ЦЕЛИНА ЗОВЕТ!

По призыву ЦК ВЛКСМ в районы освоения целинных земель на постоянное жительство отправилось свыше 350 тысяч добровольцев, из них 130 тысяч молодых механизаторов. Они построили 425 новых совхозов и освоили за два года 36 миллионов гектаров целины.

«Нам вручил путевки комсомольский комитет». 1955 г.

ХОЧУ БЫТЬ ТАМ, ГДЕ ТРУДНО

Наша комсомольская тракторная бригада единодушно решила в полном составе поехать в Казахстан поднимать целинные земли. Мы хорошо знаем, что от нас, механизаторов, зависит успех большого дела — освоения новых земель. Там есть где приложить руки

трактористу, там нас ждут. Знаем мы, что, поднимая нетронутые пласты плодородной земли, мы дарим Родине больше хлеба, укрепляем ее могущество.

В Казахстан мы поедем с нашим Красным знаменем. Обязуемся и на новом месте крепко держать его в своих руках.

Александр КАВЕРИН,
бригадир трактористов
Жердевской МТС
Тамбовской области
Архив ЦК ВЛКСМ

Я комсомолка. Биография моя такая же, как у тысяч наших юношей и девушек. Прошу направить меня на одну из новостроек пятилетки. О трудностях, которые могут встретиться, знаю. Будет трудно, но если бы там было легко, тогда и ехать было незачем.

ШУБИНА Г. А.
Лесозавод
«Красный Октябрь».
Архангельск.

рет перец и несёт в радиорубку.

* * *

В небольшой комнате постоянно горит свет над рабочим столом. Это комната радиста-метеоролога. Каждые три часа он «выходит на срок» — передает наблюдения по радио.

На Белом Носе радистов-метеорологов четверо: Чувиковы и Максаковы.

— Сейчас я стою на вахте, — говорит Валя Чувикова, — а за мной муж мой, Алеша.

С Валентиной Ивановной Чувиковой я несколько раз ходил на метеоплощадку. Мы измеряли температуру почвы и воздуха. Даже скорость ветра измерили. Скорость была средней для этих мест — 16 метров в секунду. При таком ветре в Ленинграде говорят: еле до работы дошла, — а здесь привыкли.

Потом мы сходили на море, к футштоку, к проруби. Прорубь метрах в ста от берега. Над прорубью деревянная будка, электрический свет. В будке сачок, длинный измерительный шест. Шестом мы промерили глубину Баренцева моря. Под нами глубина была небольшая — метр семьдесят, зато лед — целых восемьдесят сантиметров.

От станции к проруби на коротких шестах висит трос. За него надо держаться во время пути, чтоб ветром не унесло тебя в тундру или на море.

Валентина Ивановна вернулась в радиорубку и сразу из метеоролога превратилась в радиста. Перевела свои наблюдения в радиосигналы — в тире и точки.

Конечно, Въедливый во мне человек не удержался. Он спросил Валентину Ивановну по дороге к футштоку:

— Неужели так и живете тихо?

— Так и живем.

Въедливый человек поворочался немного и еще спросил:

— Ну, а ссоры какой-нибудь, мелкой хотя бы, не было?

— Как же, конечно, была. С Андреем Максаковым недавно поссорились. Он заболел, а лежать не стал, вышел на дежурство. Мы ему говорим, ты болей спокойно, а он работает. Очень тогда мы с ним поссорились.

* * *

После ужина — кино. Кино смотрят все. Усаживаются на длинном диване, приставляют стулья. На стене напротив — экран. По экрану мчится всадник — красный командир Щорс.

Кино смотрит даже Васька — полярный кот, даже умная собака Мальчиш.

О собаках говорят — четвероногий друг. У Мальчиша — три ноги. Когда-то он был вожак в собачьей упряжке охотника Ивана Филиппова. Водил упряжку через пролив на остров Вайгач. Но однажды он попался в песцовый капкан. Прижало ему накрепко ногу. Хорошо — самого живого подобрали, еще бы час ему просидеть у капкана, и замерз бы он, умер. Как он отгрыз отмороженную свою ногу, как остался жив без лекарственных трав, не заболел заражением крови, другими смертельными болезнями — неизвестно.

А теперь Мальчиш — собака полярников. И все его спасение в дружбе с людьми. Водит детей гулять. Играет в их уличные игры. Провожает людей повсюду. Даже нас провожал к футштоку.

А главное — он не стал подхалимом, подлизой, не сделался жалким, пристающим с ласками, живот свой подставляющим, как комнатные городские собаки. Умный, опытный ветеран.

* * *

Въедливый во мне человек не спал. Да, тут тихо и хорошо, — думал он, — но, может быть, это люди особенные. Вдруг все они герои?

Он отводил то одного полярника, то другого и задавал им въедливые свои вопросы. О героях он спросил самого начальника, Михаила Васильевича.

— Герои? — переспросил Михаил Васильевич и немного зевнул. — Есть у нас герои. Вот — механик наш герой, у нас у каждого выходные бывают, а у него — нет, и все у него всегда в порядке.

«Ну что же это!» — подумал Въедливый человек.

* * *

Но не зря в кают-компании висят на стене «Правила внутреннего распорядка на гидрометеорологических станциях, расположенных в особо трудных физико-географических условиях». И не зря говорится в правилах, что для направления на работу подбираются только физически здоровые и морально устойчивые люди.

Бывает пурга, страшный, сбивающий с ног ветер и никакой видимости, не видно даже пальцев вытянутой руки.

Во время такой пурги случилось недавно несчастье с вездеходом у Георгия Николаевича Кривицкого. Сломался двигатель. Вездеход стал, застыл. Кругом бешеный ветер, тьма.

Двое голодных людей в вездеходе достали паяльную лампу и отогревались около нее больше трех суток.

А в это время их искали все охотники побережья от Белого Носа до Амдермы.

Первым узнал о несчастье охотник Иван Филиппов. Его избушку хорошо видно из окон станции Белый Нос, если, конечно, солнце. Иван только что с трудом добрался с Вайгача, едва стоял на ногах от усталости, а собаки его и вовсе вставать не хотели. Но, узнав о том, что вездеход не вернулся на базу, что радисты сутки уже дежурят в своих рубках, он поднял измученных собак и погнался

по побережью к другим охотничьим избам. Несколько дней в непрекращающейся пурге охотники искали затерянный вездеход.

Когда пурга чуть поутихла, Георгий Николаевич и спутник вышли из кабины и, шатаясь, держась друг за друга, пошли по компасу к Югорскому Шару. В шести километрах от станции их подобрал Иван Филиппов.

* * *

Только тут я понял полный смысл фразы, когда говорят ее дикторы по радио: «Они не одни, с ними Родина».

Есть станции, на которые вообще не ходят вездеходы. И тогда раз в месяц пролетает над ними самолет. Это называется «почта на выброс». Из самолета, летящего на бреющем полете, падают бумажные мешки. В мешках газеты и письма, иногда даже посылки. Я видел одно такое письмо. На конверте было написано: «Выбросить над полярной станцией «Пурга» Сумарокову».

Позже, на другой станции я увидел фильм. Этот кинофильм был снят в Сухуми. Его прислали родственники. Они сняли про себя сами кино и отправили «почтой на выброс».

Бывает, что мешок, ударившись о торос, рвется. Письма подхватывает ветер и уносит

навсегда во льды. Так случилось с полярником Валерием Образцовым. Он ждал письмо от любимой своей девушки. А когда самолет, помахав крыльями, сбросил почту в бумажном мешке, унесло дорогое письмо ветром в море.

Ежедневно полярники получают радиобюллетень. В нем рассказывается о всех новостях в мире. А при мне была принята радиограмма о сотруднике Амдерминского метеоцентра. Сотруднику исполнилось шестьдесят лет, и об этом сообщили всем полярникам.

* * *

Однажды мне рассказывали про опыт, который провели в какой-то стране. Шесть здоровых людей посадили в комнату без окон. В комнате было тепло, людей сытно кормили. Но им не давали читать, не давали работы, вообще ничего не давали делать. А пищу просовывали в узенькую щель. Через некоторое время эти люди перессорились, а еще через несколько дней четверо из них были на грани помешательства. Время, проведенное в комнате, стало самым страшным воспоминанием в их жизни. А ведь, казалось бы, отдыхали, ничего не делали...

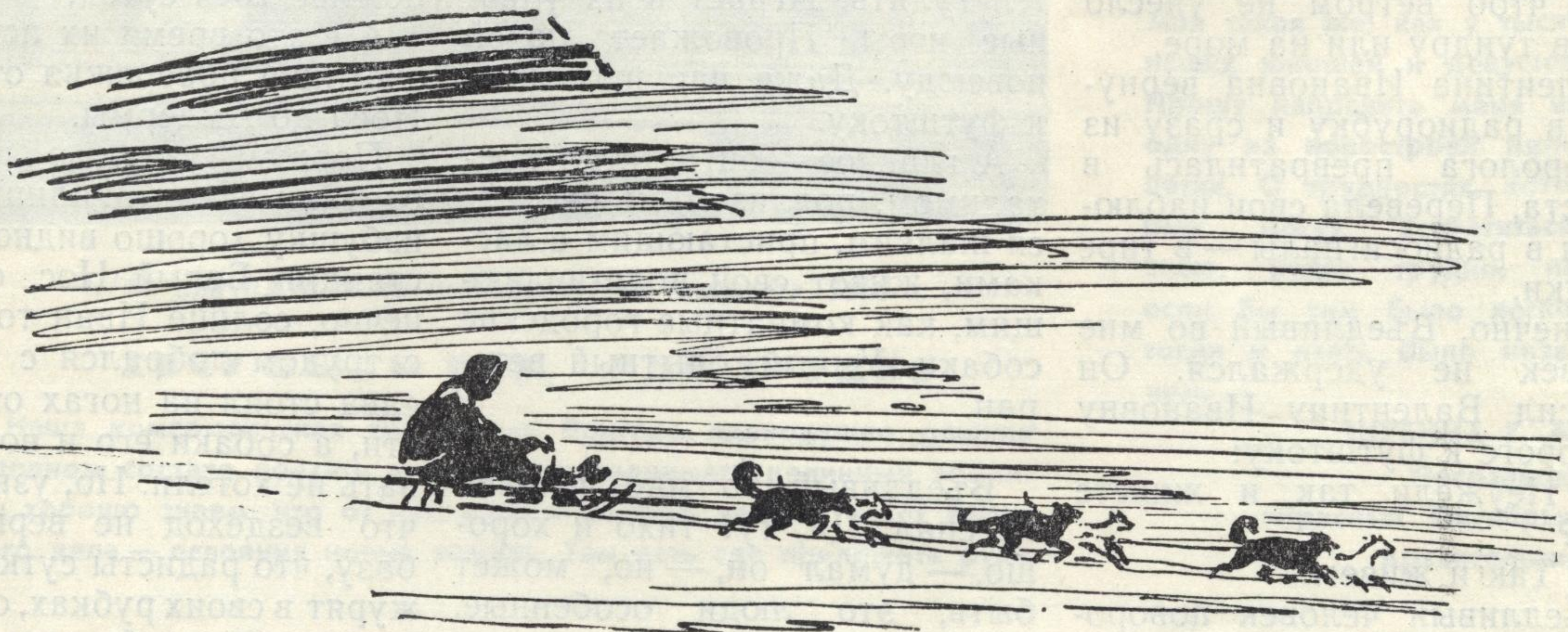
На полярной станции всегда

достаточно дела. Даже чтобы помыться в бане, надо сначала напилить снега. Да, да, снег здесь такой плотный, что его нужно пилить ножовкой. Многие, попав на полярную станцию, начинают усиленно учиться. Кто учится на радиста, кто на механика, кто просто учит иностранный язык, а один человек, говорят, даже научился петь оперные арии и рисовать маслом.

* * *

Некоторые, прочтя мой рассказ о полярниках, разочаруются. «Ну вот, — скажут они, — ни палаток, ни белых медведей. Хотя бы обморозил кто-нибудь руку там или ногу».

Честно говоря, в первый день я тоже был разочарованным. А потом подумал: это же здорово. Это же очень хорошо, что полярникам не надо теперь тесниться в палатках. Хорошо, что на складе у них стоит гора из банок с консервированными фруктами и поэтому нет цинги, не портятся зубы. Хорошо, что у них есть мощные вездеходы и что вечером они могут посмотреть кино про свою дочь или брата. Это значит, о них заботится наша страна, заботимся все мы. Это значит, что и они для нас смогут сделать намного больше работы. И они делают.

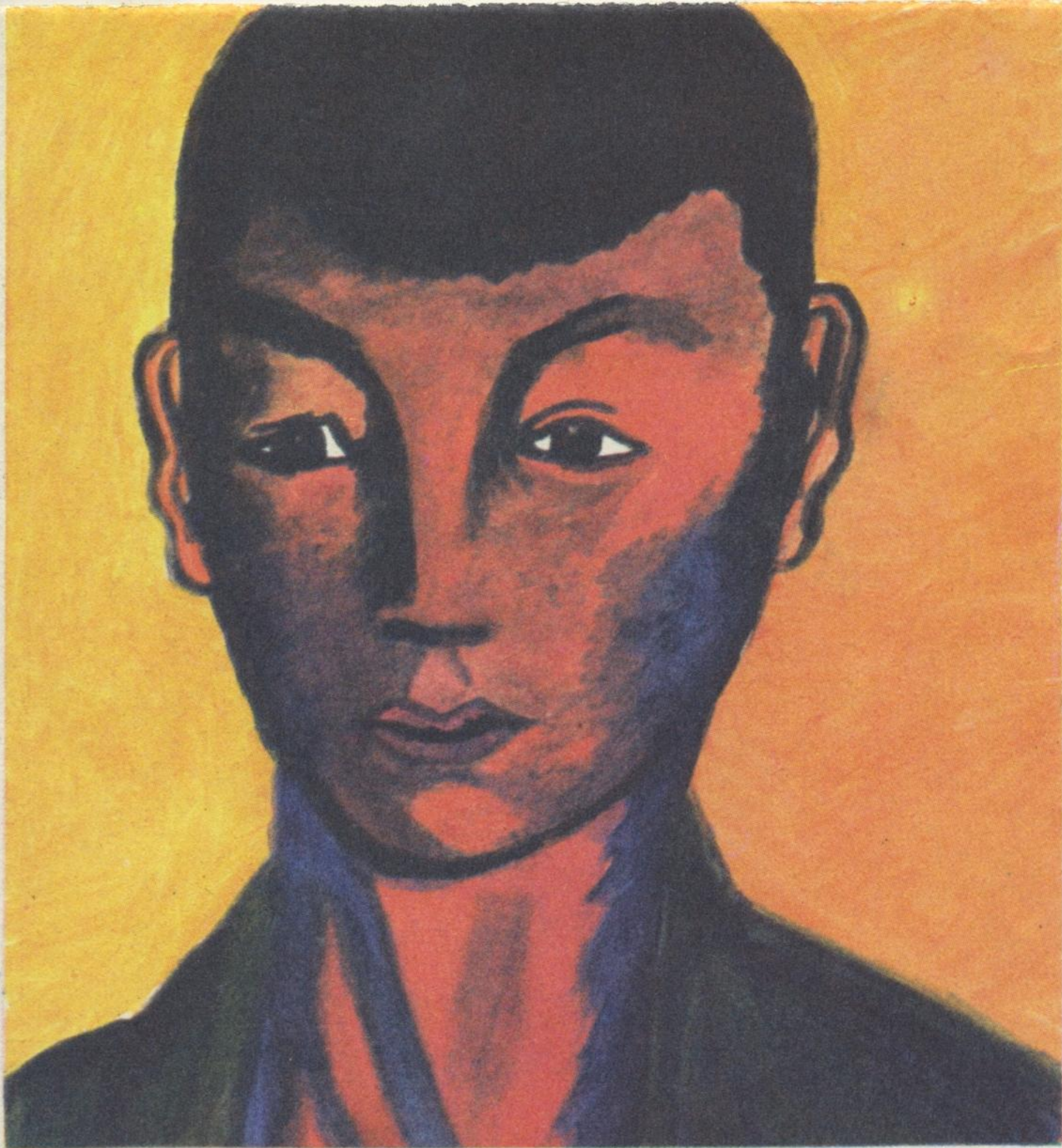

Рисунок Абдысадыра Исраилова, 15 лет. Киргизия

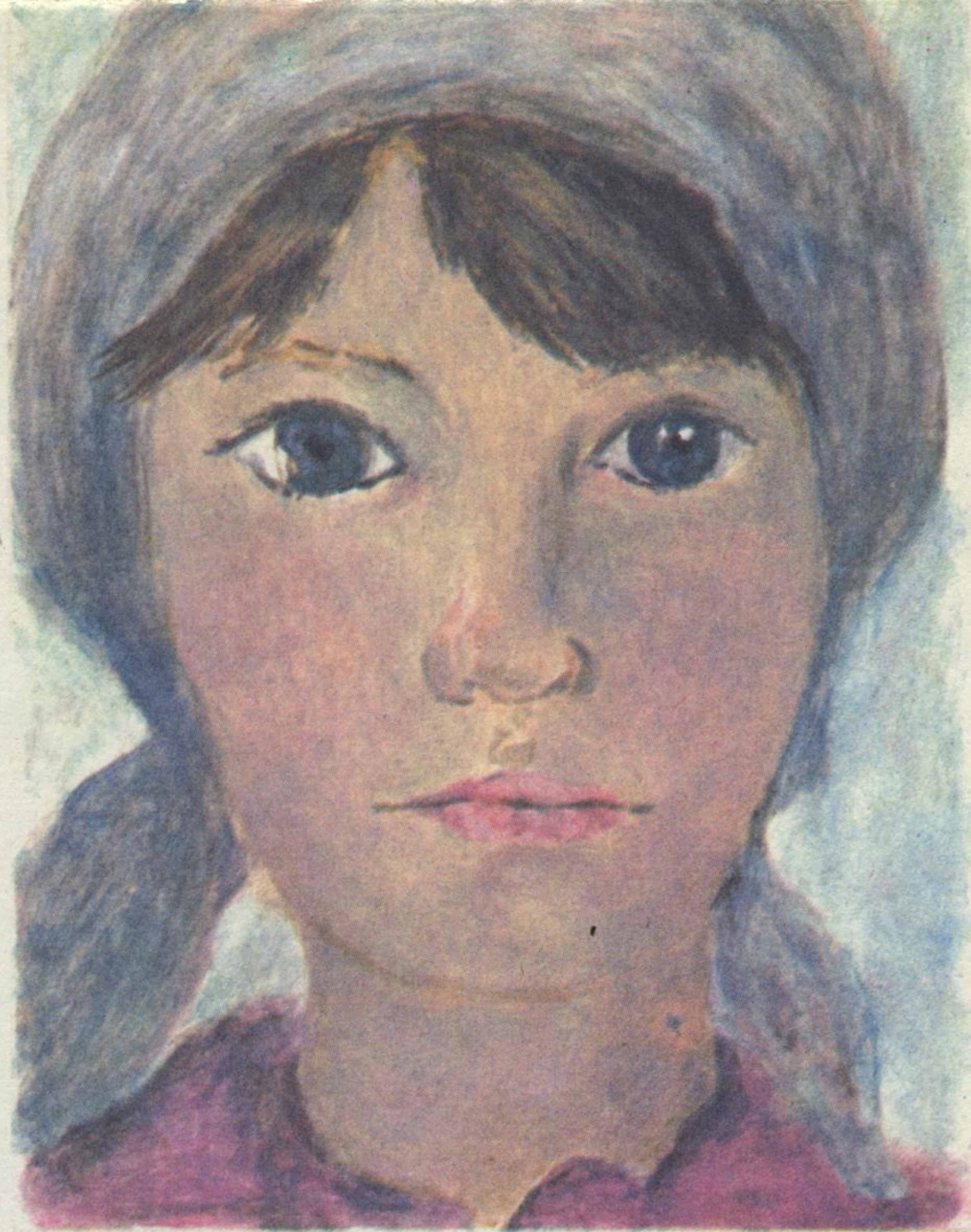

Рисунок Вали Голубенко, 14 лет

Рисунок Вити Мотозова. Липецкая область

Рисунок Гали Бравчук, 13 лет. Оренбургская область

На четвертом этаже здания ЦК ВЛКСМ в музее героических дел советской молодежи хранится Книга почета ЦК ВЛКСМ. В ней фамилии людей, прославивших нашу страну: космонавт, знаменитый поэт, олимпийская чемпионка, известный артист...

В начале марта 1968 года в Книге почета появилась еще одна запись: комсомолец Владимир Белоусов.

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНЬКИ

Ступенька первая. „КОЧКА“

Спросите во Всеволожске, что под Ленинградом, любого карапуза, что такое «кочка». И вам, если на дворе зима, тут же покажут наипростейший трамплин для прыжков на лыжах — «кочку», которая подбрасывает лыжника вверх.

Вовка в этом деле чуть отстал от своих сверстников. Ему уже минуло пять, когда дедушка Тимофей Андреевич привел внука к одной из многочисленных всеволожских «кочек».

— Ну что, внучек, давай?

Деловито сопя, перебирая лыжами, Вовка довольно быстро очутился наверху. Отдышался, поглядел вниз:

— Не могу, дедушка!

— А ты попробуй через «не могу».

Так и не рискнул попробовать в тот день Белоусов-младший.

Зато на следующее утро уже сам, без подначки ринулся вниз. Здорово перекувырнулся. Повторил. Еще раз повторил. Падал все меньше...

Спустя два года, первоклассником, Вовка снова чуть не опростоволосился. Уже не перед дедом — перед ребятами.

Гурьбой отправились на трамплин. На настоящий, деревянный, двадцатиметровый. Один за другим прыгнули трое. Пришла Вовкина очередь. Взобрался, глянул вниз и, как тогда, захотелось крикнуть: «Не могу!» Вместо этого — ступил вперед, стремительно понесся, взлетел и... довольно удачно приземлился. Даже не упал.

Возмутителем Вовкиного спокойствия стал его лучший друг Колька Грибанов. Пристал: пойдём запишемся в секцию «Локомотива», там, говорят, отличный тренер.

Тренер, действительно, оказался стоящим. Вовка с интересом слушал пояснения, любовался прыжками Аркадия Федоровича. Но минул месяц —

другой, и... надоел трамплин. То есть не совсем надоел, а просто перестало тянуть на тренировку и потянуло на ледяную площадку, где ребята с неумным азартом гоняли шайбу.

— Сегодня, Коль, не пойду на трамплин, — произнес он однажды. — Переключаюсь на хоккей.

Ступенька вторая. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Нет, все было не так, как в знаменитой картине художника Рембрандта «Возвращение блудного сына». Не было потупленных очей, покаянных объятий с домочадцами. Да и само возвращение произошло вроде бы случайно. Однажды — прошло уже два года с момента переквалификации в хоккеисты — бросилось в глаза объявление, висевшее в школьном вестибюле: «Всем желающим принять участие в районных соревнованиях по прыжкам с трамплина прибыть в Кавголово».

А что, если попробовать?

«Ну, сейчас начнется обычное в биографиях чемпионов: пришел, увидел, победил», — думает, очевидно, кое-кто из читателей.

Да, действительно, пришел. Не победил.

Потому что соперники оказались по-настоящему тренированными.

Но что оказалось главным: он увидел великолепный Боль-

шой кавголовский трамплин, с которого так здорово прыгали настоящие «летающие лыжники». И в этот-то момент окончательно решила спортивная судьба уже шестнадцатилетнего Володи Белоусова.

Увидеть — увидел, но еще долгих три года прошло, прежде чем взлетел с Большого кавголовского трамплина. Теперь, уже успешно закончив десятилетку, он трудился в ленинградском метро в бригаде путейцев-ремонтников. А свободное время, почти все, проводил в Кавголове. Тренировался прямо-таки самозабвенно. Крепко запомнил слова, услышанные от Аркадия Федоровича еще в дни своих первых тренировок в секции:

— С кондачка трамплин не возьмешь. Тут одной смелости мало.

Он, правда, никогда не собирался «брать с кондачка». Только не думал, что так много должен знать и уметь отличный прыгун, ну, такой, скажем,

как Николай Каменский или Коба Цакадзе. Все пришлось постепенно испытать на себе: и неудачи на тренировках, и срывы на соревнованиях.

Володя покорял трамплин, а трамплин — Володю. Раньше ведь было: захочу — не приду сегодня на тренировку, захочу — вмиг поменяю трамплин на клюшку.

Трамплин заставлял: упал, прыгнул неудачно — стисни зубы, поднимись, прыгни снова.

Трамплин учил: прыжок получился некрасивым — повтори его десять, пятьдесят, сто раз, пока не получится.

— Вот бери пример с Белоусова — настоящий характер бойца.

Когда Володя впервые услышал это, он не сразу понял, что говорят о нем. Он привык слышать о себе совсем другое: не собранный, нецелеустремленный, невыдержанный... А тут... И он подумал: «Спасибо трамплину».

Ступенька третья. ПРОРЫВ В ОЛИМПИЙЦЫ

Ох, и удивлял же он специалистов и знатоков! В 1965 году Владимир выиграл все соревнования в Ленинграде, городе,

славящемся прыгунами. Абсолютно все!

Но наступил год 1966-й, и фамилия Белоусова не значи-

лась даже в десятке сильнейших мастеров трамплина страны.

— В кого ты такой неудач-

ник? — удивился однажды вообще-то невозмутимый тренер.

И вдруг — победа в пред-олимпийском отборочном турнире в Кировске, на семидесятиметровом трамплине. Случай? Пожалуйста — второй тур этих соревнований в городе Горьком, и снова впереди Белоусов (он уже солдат Советской Армии). Значит, действительно, свершился, наконец,

долгожданный скачок в мастерстве смелого парня, числившегося среди самых нестабильных прыгунов.

Однако, все это — пока дома, где, как известно, и стены помогают. Как-то этот новоявленный кандидат в олимпийцы будет выглядеть на зарубежных состязаниях? Чехословакия, ГДР... Знаменитое «Турне трех трамплинов». И два под-

ряд успеха почти безвестного в большом спорте молодого ленинградского спортсмена.

Все-таки немало еще было переживаний, прежде чем в одно прекрасное утро Владимир узнал, что окончательно включен в состав олимпийской команды. А еще пятью днями раньше в жизни Владимира произошло другое важное событие: приняли в комсомол.

Четвертая ступенька

— Трамплин средний — неудача большая, — невесело шутили наши прыгуны после первых олимпийских соревнований.

Да, дебют в Гренобле выдался, мягко выражаясь, неудачным. Лишь Анатолий Жегланов попал в шестерку призеров. Остальные, в том числе Белоусов, проиграли что называется по всем статьям. И мало кто, прямо скажем, рассчитывал, что отыграться неудачники смогут в последний день Олимпиады на девяностометровом трамплине Сент-Низье.

А победа нужна была, как воздух!

Трижды до Гренобля спортсмены с эмблемой СССР принимали участие в зимних олимпийских играх и трижды побеждали по всем показателям: и по количеству медалей, и в неофициальном командном зачете. А в Гренобле дела обстояли далеко не блестяще: к последнему дню Олимпиады у наших олимпийцев было всего четыре золотых медали. Великолепные победы Людмилы Титовой, Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, команд хоккеи-

стов и биатлонистов не могли, конечно, полностью компенсировать досадные поражения лыжников, конькобежцев. Успех же в таком эффектном виде программы, как прыжки с трамплина, да еще под занавес Олимпиады, мог стать столь необходимой концовкой.

Историческая справка не внушала надежд: никогда еще советские прыгуны с трамплина не восходили на высшую ступень олимпийского пьедестала почета.

...Яркое олимпийское солнце. Семьдесят тысяч зрителей. Один за другим поднимаются на трамплин соискатели высших олимпийских наград, съехавшие сюда со всего света. Особое внимание привлекает главный фаворит — замечательный чехословацкий прыгун Иржи Рашка, завоевавший золотую медаль на среднем трамплине. Он и сегодня великолепен: приземлился на отметке «101 метр». Такое мало кому дано!

Но что это? Белоусов прыгает еще на полметра дальше. Гудят-шумят толпы зрителей. Пахнет сенсацией!

А виновник же переполоха как ни в чем не бывало греется на солнышке в небольшой рощице, ожидая следующей попытки.

Рашка — 98 метров. И весьма высокая оценка за стиль.

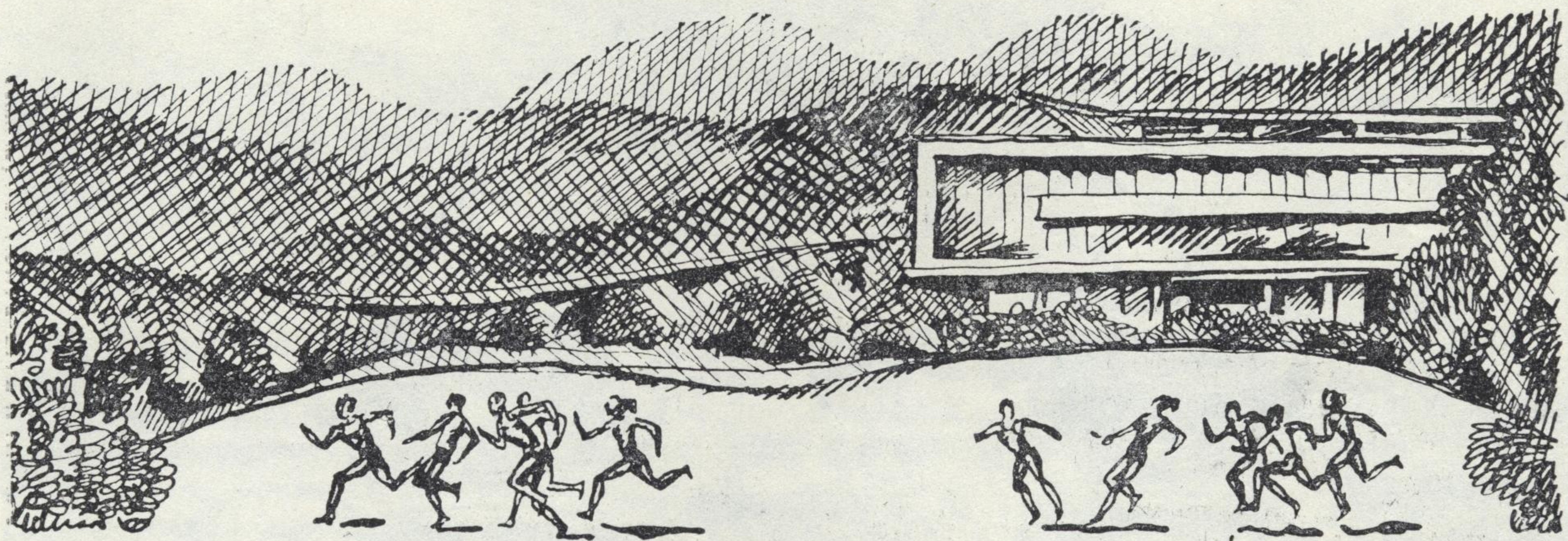
Что скажешь ты, Володя?

Я смотрю на стоящего там, на вершине эстакады, паренька в советской олимпийской форме с нагрудным номером 55 и думаю: «Волнуется, наверное, как никогда в жизни».

А когда минут пять спустя журналисты, прорвавшиеся к обладателю последней из разыгранных в Гренобле золотых медалей, спросили, что он чувствовал во время соревнований и что сейчас чувствует, Владимир ответил: «Все как во сне...»

Зато на огромных, во всю первую полосу снимках, появившихся уже в тот же вечер, 18 февраля, в крупнейших французских газетах выражение лица у «этого неудачника Вовки» было такое безмятежно-счастливое, что становилось ясно: здорово это — в первый раз в жизни стать героем Олимпиады.

М. Эстерлис
Фото В. Галактионова

ФИНИШ — У МОРЯ

Шеренга протянулась на добрых сто метров. Плечом к плечу стоят восемнадцать ребячьих команд. Майки всех цветов радуги. Гремит оркестр.

— Состязания посвящаются 50-летию Ленинского комсомола! — объявляет главный судья.

Спринтерская эстафета на приз «Костра». К ней готовились юные бегуны во всех уголках нашей страны. Лучшие — делегаты Третьего всесоюзного слета — вышли на старт в «Орленке».

Две недели шли совместные тренировки и предварительные соревнования, отбирались самые быстрые и выносливые. И вот настал час разыграть переходящий кубок. Трасса пролегла по территории четырех лагерей, по бетонной приморской эспланаде, по тропинкам парка.

Самый ответственный этап — первый. Важно сразу захватить инициативу — потом попробуй догони! Вперед вырывается Миша Смирнов из первого отряда. А вот уже эстафета у его товарища по команде суворовца Сережи Афонина. Темп бега возрастает: стремительно несутся Наташа Вдовина и Валя Назарова. В борьбу вступает Витя Гудукин. Он мечтает играть в хоккейной команде мастеров, а для этого нужна скорость. И Витя пулей мчится к зоне передачи.

— Нажимай, ребята! — кричит вдогонку тренер первого отряда Виктор Федорович Васильев. Он только что получил радостное известие с чемпионата страны по легкой атлетике. Там его воспитанник Юрий Блинов про-

бежал стометровку за 10,2 секунды и стал мастером спорта международного класса. В школьные годы, когда Юра только пришел в секцию, он бегал, пожалуй, не быстрее участников орлятской эстафеты. Видно, и среди этих ребят есть завтрашние мастера бега и чемпионы.

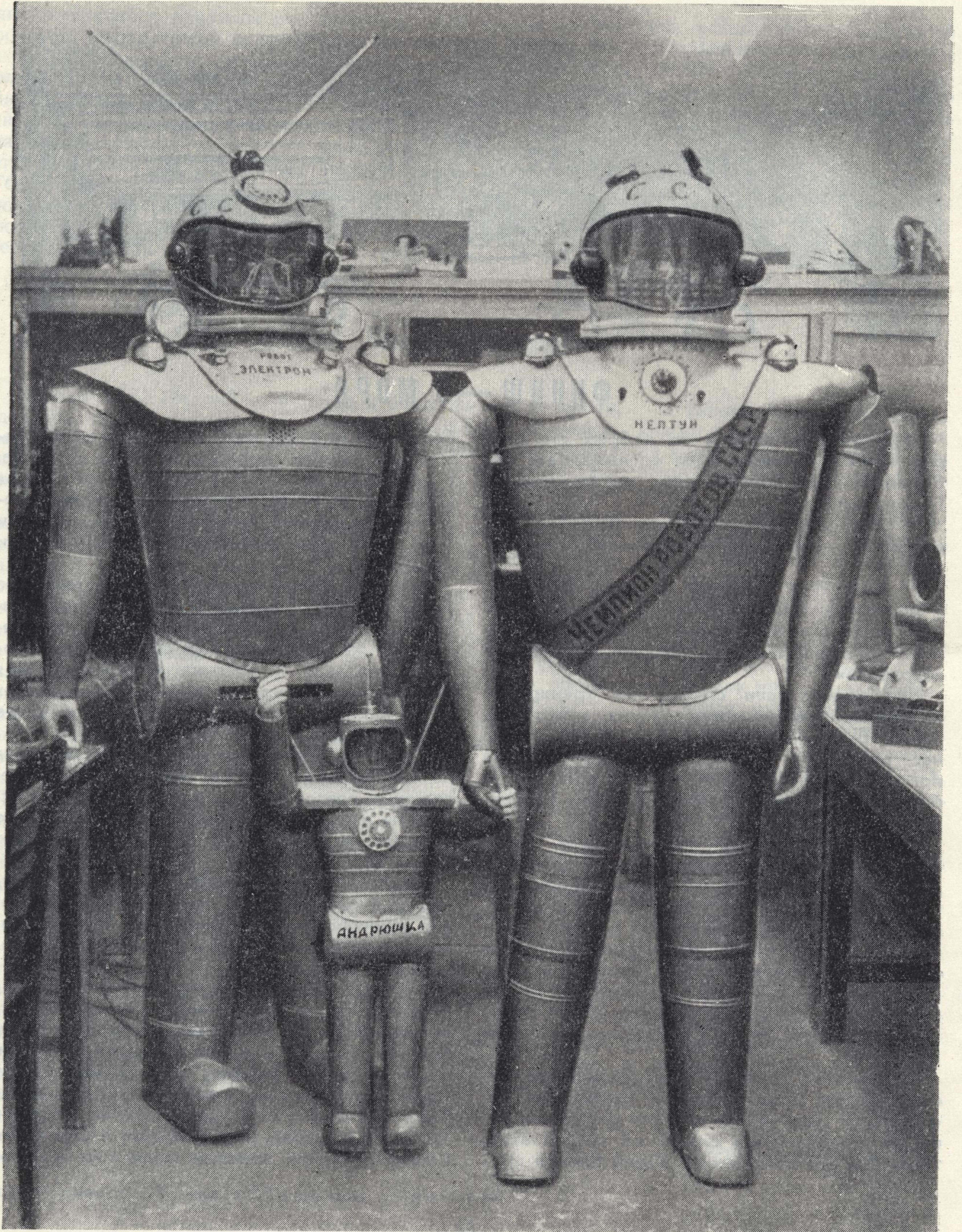
Седьмой, самый трудный этап — в гору. Его доверили Наде Фокиной. И не случайно. У Нади настоящий спортивный характер. На маленькой железнодорожной станции Соло-Тюбе, затерянной в пустыне Кызылкум, Надя организовала одну из лучших спринтерских ячеек, да и сама тренировалась так, что вошла в сборную команду республики.

Палочка у «ветерана» — Андрея Комшилова из Соликамска. Он участник всех трех Всесоюзных слетов юных спринтеров. Трасса эстафеты ему знакома лучше, чем кому бы то ни было. И Андрей еще больше увеличивает отрыв от соперников.

Теперь уже сомнений быть не может — никто не в силах догнать «синих». Коля Водолазов, многоборец из Тамбова, под приветственные крики болельщиков и звуки туша приближается к финишу.

Победа! Капитан команды-победительницы получает из рук заведующего спортивным отделом «Костра» А. Лосева переходящий кубок редакции. А все, кто первыми пронесли палочку: Миша, Сережа, Наташа, Валя, Витя, Надя, Андрей, Коля, а также Люба Копылова, Коля Морозюк, Зоя Зайкина, Вова Пелевин, Люба Мельникова, Витя Лебедев и Света Мигилева получили золотые орлятские медали.

Витя Горбунов, участник III Всесоюзного слета юных бегунов

Мои знакомые РОБОТЫ

Николай Внуков

Фото автора

— Я реагирую на радиоактивность и предупреждаю людей о радиоактивной опасности, хотя сам ее не боюсь. Даже сверхмощные дозы облучения не производят на меня никакого впечатления. Кроме того, я реагирую на звук, свет и радиоволны. Я могу работать в таких местах, где людям находиться нельзя. Я не знаю усталости, не сплю с момента рождения, мне не нужно платить зарплату, я не нуждаюсь в пище, не боюсь холода, жары, дождя и ветра — у меня очень прочный и надежный скафандр...

Он произносит это ровным, бесстрастным голосом. Пристально смотрят на меня глаза — фотоэлементы. На широких плечах в такт биению электронного сердца вспыхивают и гаснут сигнальные лампочки.

Наше знакомство произошло несколько минут назад в радиолaborатории Калининградской станции юных техников. Железный человек протянул мне руку и представился:

— Меня зовут Нептун.

Потом, помедлив, начал рассказывать о себе.

Он не хвастался.

Он действительно не любил темноты и включал собственные прожектора, если в лаборатории гасили свет.

Если его окликали по имени, он поворачивался в ту сторону, откуда приходил звук.

Двигаясь по лаборатории, он ни разу не натолкнулся на стул или на человека.

Странно было видеть двухсоткилограммового металлического гиганта вальсирующим. Но это было так. Он умел танцевать!

Итак, у меня появился знакомый робот.

Вернее — роботы. Потому что через полчаса я познакомился еще с тремя его родственниками — Электроном, Юпитером и маленьким роботенком Андрюшкой.

У Андрюшки был вздернутый нос-лампочка и раскосые глаза — фотосопротивления. Он молча стоял на лабораторном столе, прислонившись спиной к доске, на которой была начерчена его электрическая схема.

— Лентяй он у нас, — сказал Толя Подгаев, — то команды не слушает, то ходить от-

казывается. Сейчас вот перебираем схему. Совершенствуем.

О роботах в лаборатории говорят, как о живых существах. В них влюблены страстно и безоглядки. Особенно «папа» — Борис Николаевич Василенко, главный конструктор.

Борис Николаевич преподает радиотехнику в Калининградском мореходном училище. Он же заведует лабораториями и классами программированного обучения. Он же председатель общества изобретателей и рационализаторов училища и ученый секретарь научно-технического общества. Остальное время (просто удивительно, где он его находит!) отдается роботам.

— Увлёкся я ими пять лет назад. — Борис Николаевич похлопывает по плечу двухметрового Электрона. — Первого построили в школе киномехаников в городе Советске. Ребята так его полюбили, что Первого мая взяли с собой на демонстрацию. Робот шагал впереди колонны и, перекрывая своим голосом звуки оркестра, выкрикивал лозунги и приветствия.

Второго построили в мореходном училище. Остальные родились здесь, на станции юных техников. Сколько всего? Могу сказать точно: десять. Три из них награждены дипломами I степени, а один, вот этот самый Нептун, стал чемпионом роботов СССР. Он вместе с Андрюшкой ездил в Москву на конкурс. Нет, нет, не в багажном, в пассажирском вагоне. В отдельном купе, вместе с нами. Мы купили ему билет, как человеку. Увидел его проводник и обмер. «Батюшки, — говорит, — сколько лет на железной дороге служу, а пассажира такого впервые вижу! Он у вас как, ничего? Вагон-то не разнесет?» «Нет, — говорим, — он у нас смирный парень. Правила роботехники соблюдает строго. Никакого вреда человеку не причинит». Проводник все-таки не поверил, заглядывал в наше купе с опаской...

Где мы сейчас используем наших роботов? Как видите, все они еще в стадии усовершенствования. Могут пока немного. Но постепенно набираются опыта.

Нептун, например, выступал в качестве концерансье на концертах самодеятельности.

Публика всегда принимала его с восторгом и подолгу не отпускала со сцены.

Однажды он провел занятие по радиотехнике в училище и произвел на курсантов такое впечатление, что все усвоили материал на «отлично».

Электрона пробовали в качестве экскурсовода на областной выставке детского технического творчества. Он подъезжал к экспонатам, рассказывал их историю, принцип действия и даже пел. Эффект получился необычайный. От посетителей отбоя не было. Кстати, хотите прокатиться?

Борис Николаевич придвигает к Нептуну стул и садится верхом на плечо робота.

— Не бойтесь, на ногах он держится более устойчиво, чем человек. У него очень низкий центр тяжести.

Я оседываю другое плечо. Нептун стоит каменной глыбой. За стеклом шлема равнодушным зеленым огнем горят глаза индикаторов.

Борис Николаевич нагибается к черному пластмассовому уху и отдает короткую, как выстрел, команду:

— Вперед!

Нептун едва заметно вздрагивает и, глухо рокоча моторами, везет нас по лаборатории. Не заметно, чтобы он особенно напрягся. В прежнем ритме вспыхивают и гаснут сигнальные лампы в такт ударам электронного сердца...

А теперь я должен открыть главный секрет. Дело в том, что почти все роботы построены ребятами не старше шестнадцати лет.

Их четверо.

Толя Подгаев и Сережа Тищенко из девятого класса шестнадцатой школы. Таня Тарабаш тоже из девятого класса сорок пятой школы. Жора Чижиков — учащийся судостроительного техникума.

Толя и Жора начали знакомиться с радиотехникой в кружке автоматики при станции юных техников. Сергей увлекался карманными приемниками. Таня в то время еще ничем не увлекалась.

Потом на станции появился Борис Николаевич Василенко. И с этого момента началось повальное увлечение роботехникой.

Директор станции Александр Николаевич Гетманенко пошел навстречу — ребятам выделили комнату в небольшом домике во дворе.

У водолазов добыли списанные по старости медные шлемы с манишками — для голов.

Аэродромные техники подарили несколько топливных баков — они отлично подходили для корпусов.

Над схемами и расчетами засиживались до

глубокой ночи. Никаких руководств и пособий по роботостроению не было.

Дома родители качали головами: совсем ребята отбились от рук. Экзамены на носу, а они быстренько перелистают учебники, решат несколько задачек — и на станцию.

Зато главный конструктор за своих помощников не опасался, сборка робота — прекрасная школа. Да какая там школа — политехнический институт! Замечательный сплав физики, математики, электроники, электротехники и мечты.

Заглянула как-то в лабораторию Таня Тарабаш. Просто из любопытства: чем там занимаются? Уж очень много разговоров об этих роботах на станции. Заглянула на минутку да так там и осталась.

Через неделю она уже уверенно держала в руках электрический паяльник, а через месяц ей доверили монтаж самого ответственного узла — электронного мозга. Сейчас Таня, наверное, единственная в Советском Союзе девушка-роботостроитель.

Приятно смотреть, как она работает. Пайки из ее рук выходят прочные, чистые, не придерешься. И в лаборатории с ее приходом стало чище. Все уже по домам разойдется, а она останется, вычистит монтажные столы, вымоет пол. «Хозяйка лаборатории» — называют ее ребята.

Осенью 1967 года у четырех друзей была большая радость: их приняли в комсомол.

В уютной лаборатории роботостроителей на одном из столов стоит водолазный шлем. Толя Подгаев щелкает по нему пальцем. Шлем отзывается медным звоном.

— Знаете, что это будет? Робот-водолаз. Сверху поставим мощный прожектор, внутри шлема разместим телекамеру и механизмы управления. С боков — руки-манипуляторы... Симпатичный получится паучок. Полезный. Будет осматривать днища кораблей, искать затонувшие якоря, производить мелкий ремонт. Приезжайте к нам летом, в мае, например. Мы его будем на реке Прегель испытывать. Не верите? Думаете, не успеем построить?..

Верю.

Потому что слышал историю, которую на станции юных техников передают как сказку. Историю о том, как электрическая схема робота Электрона была смонтирована Толей Подгаевым и Жорой Чижиковым за одну ночь.

В лаборатории идет работа.

Жора Чижиков советуется о чем-то с Борисом Николаевичем Василенко, Толя Подгаев колдует над электронным мозгом металлического гиганта, а за столом трудятся Сергей Тищенко и Таня Тарабаш.

Новая Ладога. Ленинградский областной Клуб юных моряков.
Помощник капитана Юрий Иванович Петров доверил Коле Луканину вести корабль

Фото Г. Сафонова

— Помню, маленьким был — слово искал, такое, чтобы все слова заменяло.

— Не нашел?

— Нет.

— А на корабле такое есть. Слово «идти». Корабль пошел, трос пошел, мотор пошел, прилив идет, волна подошла, циклон подходит, туман нашел, снег или дождь идет. Даже рыба, когда она стала попадаться в сети, — пошла!

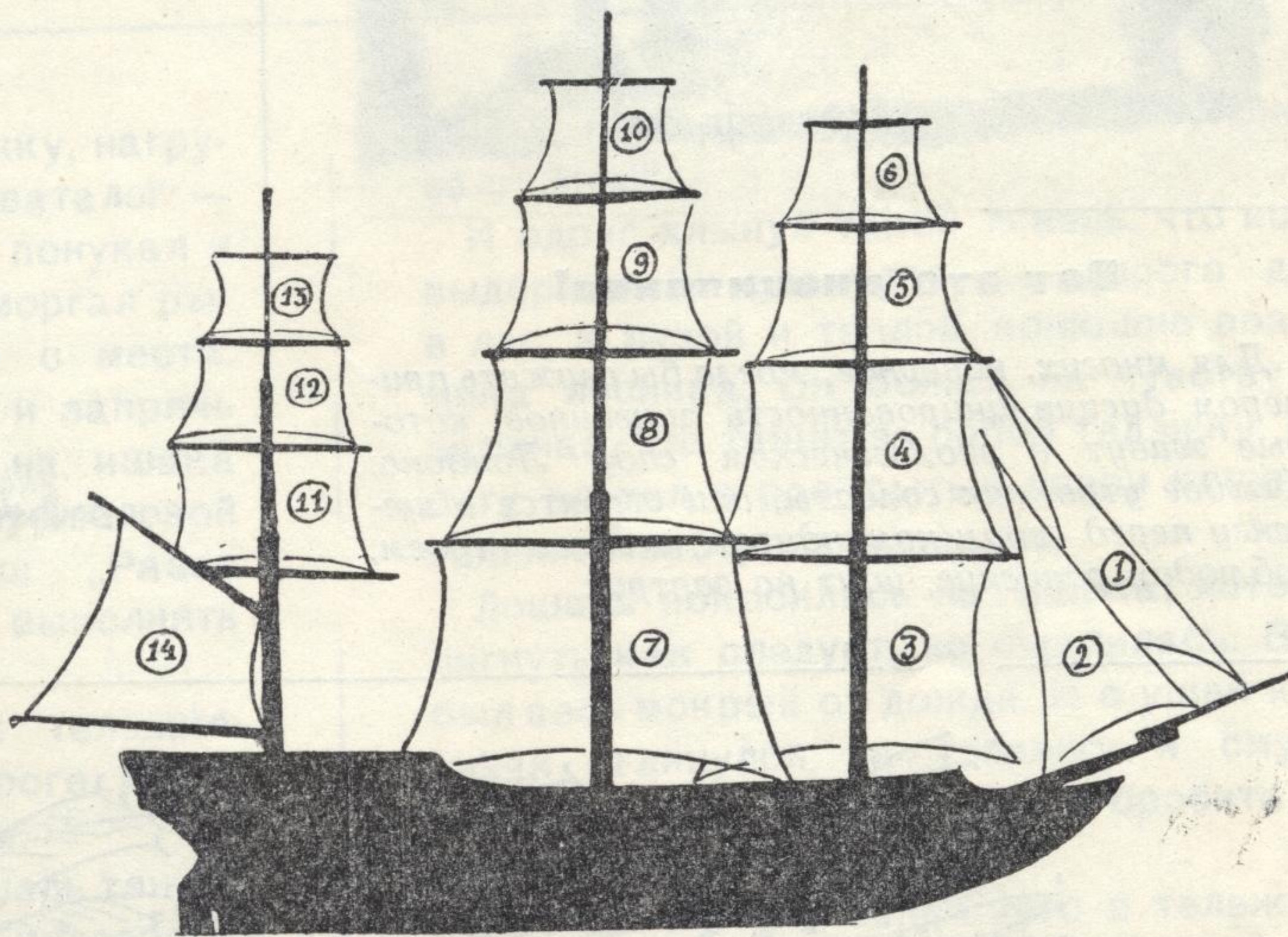

Капитан Быстроходов и боцман Румпель встретили в морском музее группу комсомольцев. Ребята рассматривали модель парусника и табличку с названиями парусов.

— Жаль, что художник не закончил табличку, — сказал боцман. — Давно я не был на паруснике, разве вспомнишь названия?

— А для того, чтобы запомнить ее, достаточно и тех названий, которые есть, — возразил ему капитан. — Справитесь, ребята?

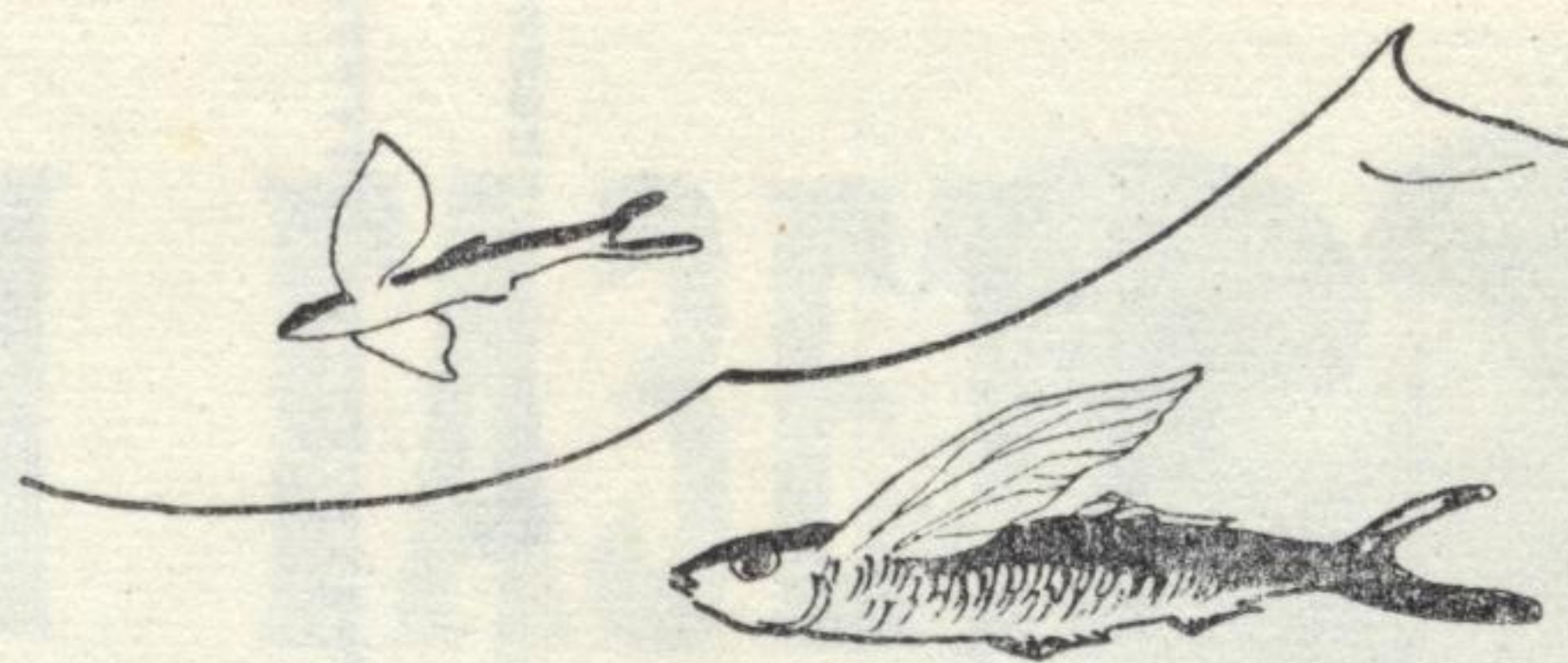
Комсомольцы справились. Они заполнили всю табличку.
А как морские знатоки?

① Бом-кливер	⑥	⑪ Фурюис-марсель
② Фливер	⑦ Рот	⑫ Фурюис-грамсель
③ Фок	⑧	⑬
④	⑨	⑭ Бизань
⑤ Бор-грамсель	⑩ Рот-бом-грамсель	

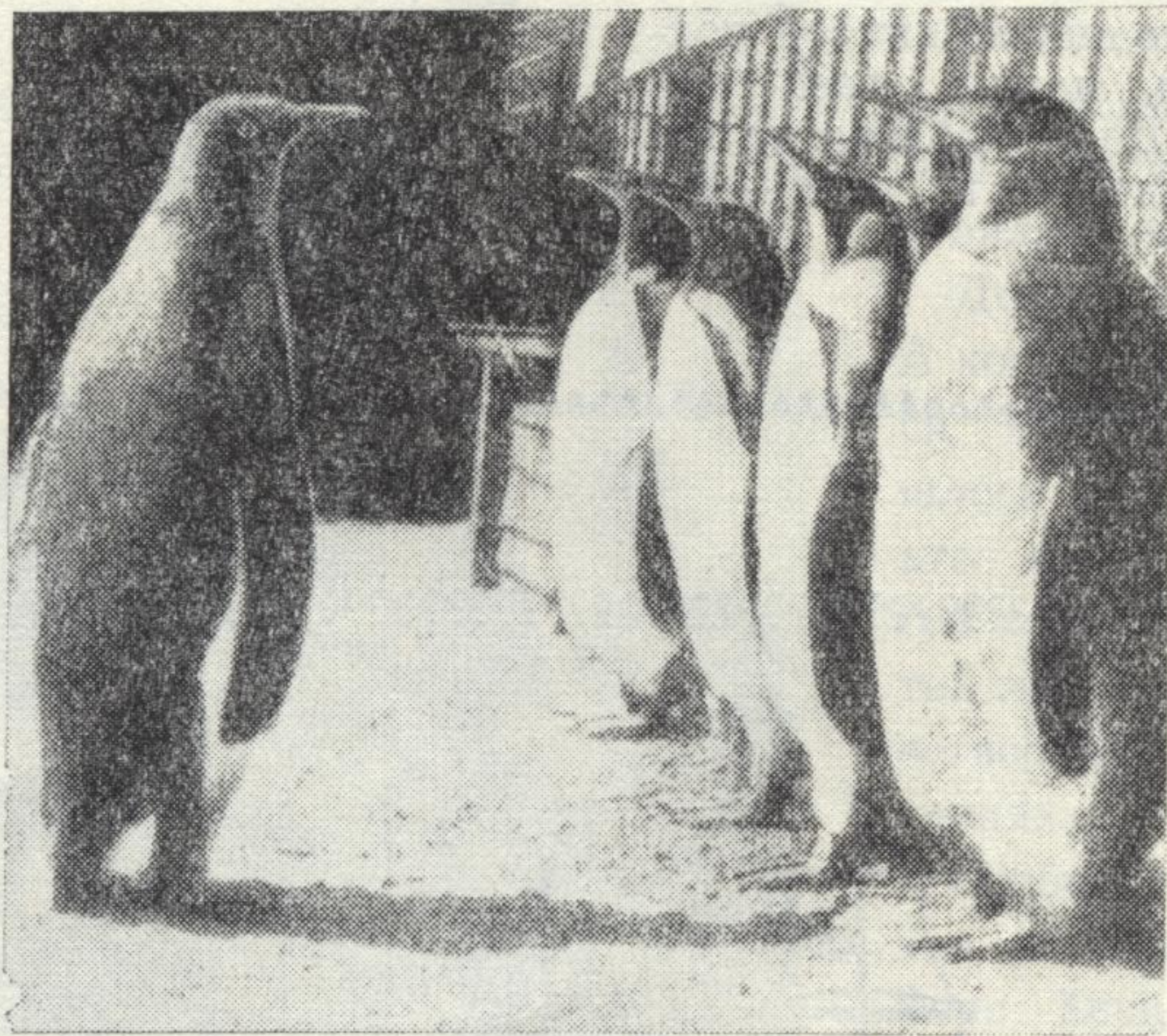
Золото из речной воды

Советский ученый Д. Биленко подсчитал: в одном кубическом метре речной воды содержится четверть миллиграмма золота. Это совсем немного. Но... такая река, как Волга, которая за год вливает в Каспийское море 250 куб. километров воды, переносит в море до 600 тонн драгоценного металла. А это уже очень много золота, примерно раз в двадцать больше годовой добычи его в России в конце прошлого века.

Полет рыбы

Бросок летающей рыбы начинается еще в воде. Но вот передняя часть ее тела уже в воздухе. Теперь начинает работать ее хвост, подобно винту гидросамолета. Скорость полета рыбы нарастает, вот она достигла уже 80 км в час. Удержаться в воздухе помогают плавники-крылья. Полет окончен, и рыба опускается к воде, ее движение в это время напоминает снижение планирующего самолета.

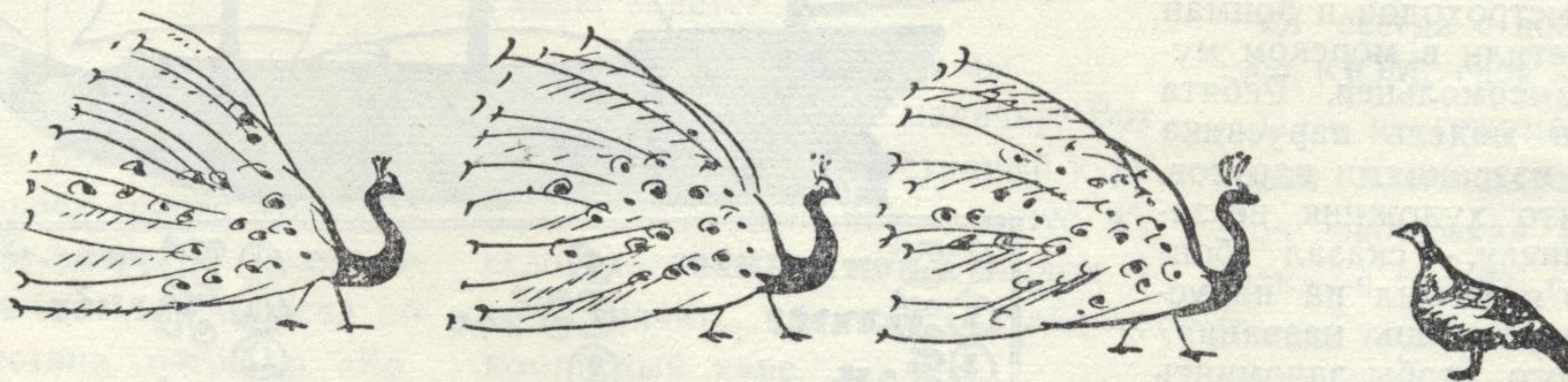

Вот это дисциплина!

Для многих, наверное, могла бы служить примером дисциплинированность пингвинов, которые живут в зоологическом саду Лондона. Каждое утро, как солдаты, они строятся в шеренгу перед своим командиром, а затем строем, соблюдая равнение, идут на завтрак.

Горы по-голландски

Горы в Голландии?.. Ведь сама страна носит название Нидерланды, что значит «низменная земля», вся она — сплошная равнина, местами опускающаяся даже ниже уровня моря. Да! Именно поэтому с особой любовью относятся голландцы к единственной у них «вершине» — холму, высотой в сорок восемь метров. Они окрестили этот холм «Мини-Альпы» (маленькие Альпы).

Ферма для... „райской птицы“

Павлины — декоративные птицы. Издавна они служили украшением садов и парков. Весной этого года впервые в нашей стране на Кубани организована ферма для выращивания павлинов. Птичницы проходили курсы, чтобы научиться

ухаживать за редкой птицей, а первыми «мамами», высижившими птенцов, были индейки. Индейкам было «поручено» это задание, потому что они считаются самыми аккуратными наседками.

БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

— Почему ты опоздал на час? — спрашивает учительница.

— Да потому, что мыл руки и шею. Я больше не буду.

КТО САМЫЙ ЛЕНИВЫЙ

— Петя, кто самый ленивый в вашем классе? — спрашивает отец.

— Не знаю, папа.

— Ну, например, когда все пишут, кто сидит и смотрит, как другие работают?

— Наш учитель, папа.

Рисунки С. Острова

В АЭРОПОРТУ

В шумном аэропорту
Дворник смотрит в высоту,
И качает головой,
И вздыхает: Ой-ё-ёй!

И вот лесник запряг его в тележку, нагруженную орехами. „Еще чего не хватало!“ — подумал ишак. Лесник долго его понукал и хлестал прутом, но ишак только моргал рыжими ресницами и не трогался с места. Пришлось вывести из конюшни и запрячь старую лошадь. Она покосилась на ишака и заржала презрительно, а он мотнул головой и сказал: „И-а!“ — что означало: „Разве станет уважающий себя ишак выполнять такую тяжелую работу?“

Лесник привязал его сзади к тележке, и они двинулись по каменистой дороге. Ишак скалил зубы и помахивал хвостом.

На обратном пути из города лошадь тянула за собой уже пустую тележку. На полдороге, в лесу, лесник выпряг лошадь и снова запряг ишака. Но тот опять уперся копытами в землю. Лесник рассердился вконец:

— Будешь тут стоять запряженный, пока не одумаешься!

Ушел, увел лошадь, а ишака оставил стоять на дороге. Ишак опустил длинные уши и задремал.

Наступили сумерки, начал накрапывать дождь. Ишак переступил с ноги на ногу,

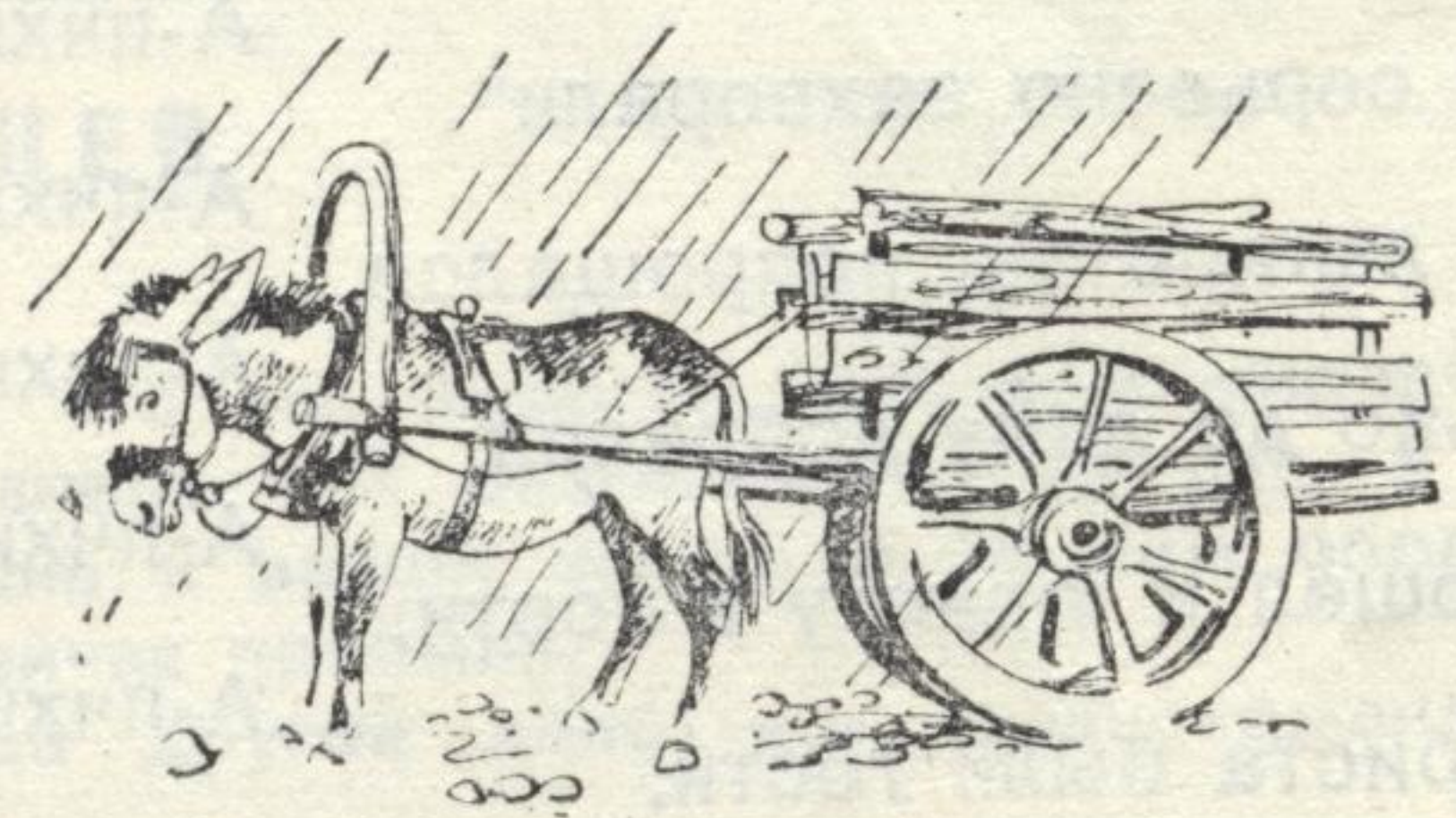
уши у него дрогнули, и он недовольно сказал: „И-а!“

И вдруг хлынул такой ливень, что ишак не выдержал и рванулся по дороге дальше в лес, к сухой и теплой конюшне возле домика лесника. Он бежал, не чувствуя и не замечая, что тащит за собой тележку. С разбегу влетел в раскрытые двери конюшни, и тележка застряла в дверях.

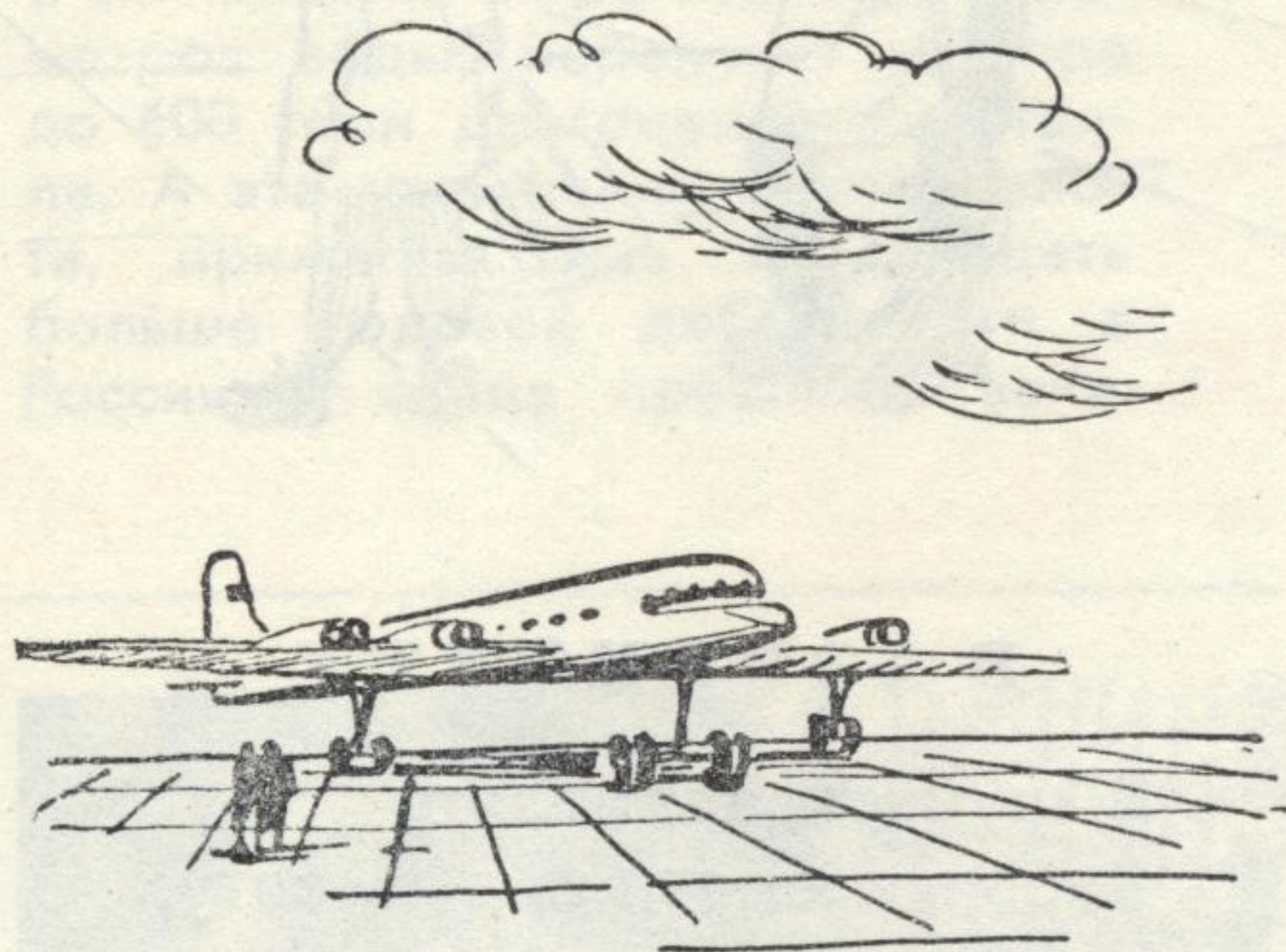
Лошадь покосилась на ишака, хотела его лягнуть как следует, но сжалилась. Ведь он был весь мокрый от дождя. И с ушей капало. Ишак оглянулся на тележку и смущенно сказал: „И-а! Не мог же я бросить ее на произвол судьбы!“

Наутро лесник запряг его в тележку, нагруженную орехами, и на этот раз ишак послушно побежал по дороге.

С. Тхоржевский
Рисунки К. Савкевич

Небо чистым быть должно!
 Что-то хмурится оно!
 Туча там, и туча здесь...
 Самолет не сможет сесты!
 Надо, надо на углу
 Поскорее взять метлу,
 Стоэтажный дом найти,
 Небо с крыши подмести!

Е. Руженцев
 Рисунки К. Савкевич

На столе и суп, и мясо. А-пчхи!
 А юрист в тарелку басом: А-пчхи!
 Как юриста услышали А-пчхи!
 Гости сразу зачихали: А-пчхи!
 От гостей друзья, родные: А-пчхи!
 Все чихают, как шальные: А-пчхи!
 А к двенадцатому часу А-пчхи!
 Целый город мучал насморк. А-пчхи!
 Не хватило аспирина. А-пчхи!
 Виновата Катерина. А-пчхи!
 А-пчхи!

Перевела с польского Э. Шустерович
 Рисунки С. Острова

НАСМОРК

Я. Бжехва

Встретил насморк Катерину: А-пчхи!
 Катерина — на перину: А-пчхи!
 Тут к ней доктора позвали. А-пчхи!
 „Вы серьезно захворали“. А-пчхи!
 Дал лекарства, попрощался. А-пчхи!
 Только до дому добрался, А-пчхи!
 И пошел к юристу в гости. А-пчхи!
 У юриста были гости. А-пчхи!
 А-пчхи!

СКАЗКА ПРО ИШАКА

На Кавказе, в лесу на склоне горы, жил лесник. Осенью он собирал грецкие орехи с ореховых деревьев, отвозил в город. Лошадь его была уже старая, трудно становилось ей таскать тележку по дороге в горах. И лесник привел в лес, к своему домику, молодого ишака.

Ишак был мал ростом, зато бока его были гладкими, ноги — крепкими. Но он еще никогда в жизни ничего не делал. Только пощипывал толстыми губами траву или спал. Его глаза всегда были заспанными (ведь он никогда не умывался), и он вечно зевал, скаля желтые зубы (совсем желтые зубы, потому что о зубной щетке он и понятия не имел).

ВОЛЬТЕР И ПРИДВОРНЫЕ

Вольтер, гениальный писатель Франции и первый остроумец восемнадцатого столетия, некоторое время жил при дворе прусского короля Фридриха I.

Фридрих мнил себя великим полководцем, однако славы на полях брани не снискал.

Тогда он решил попытаться счастья на литературном поприще.

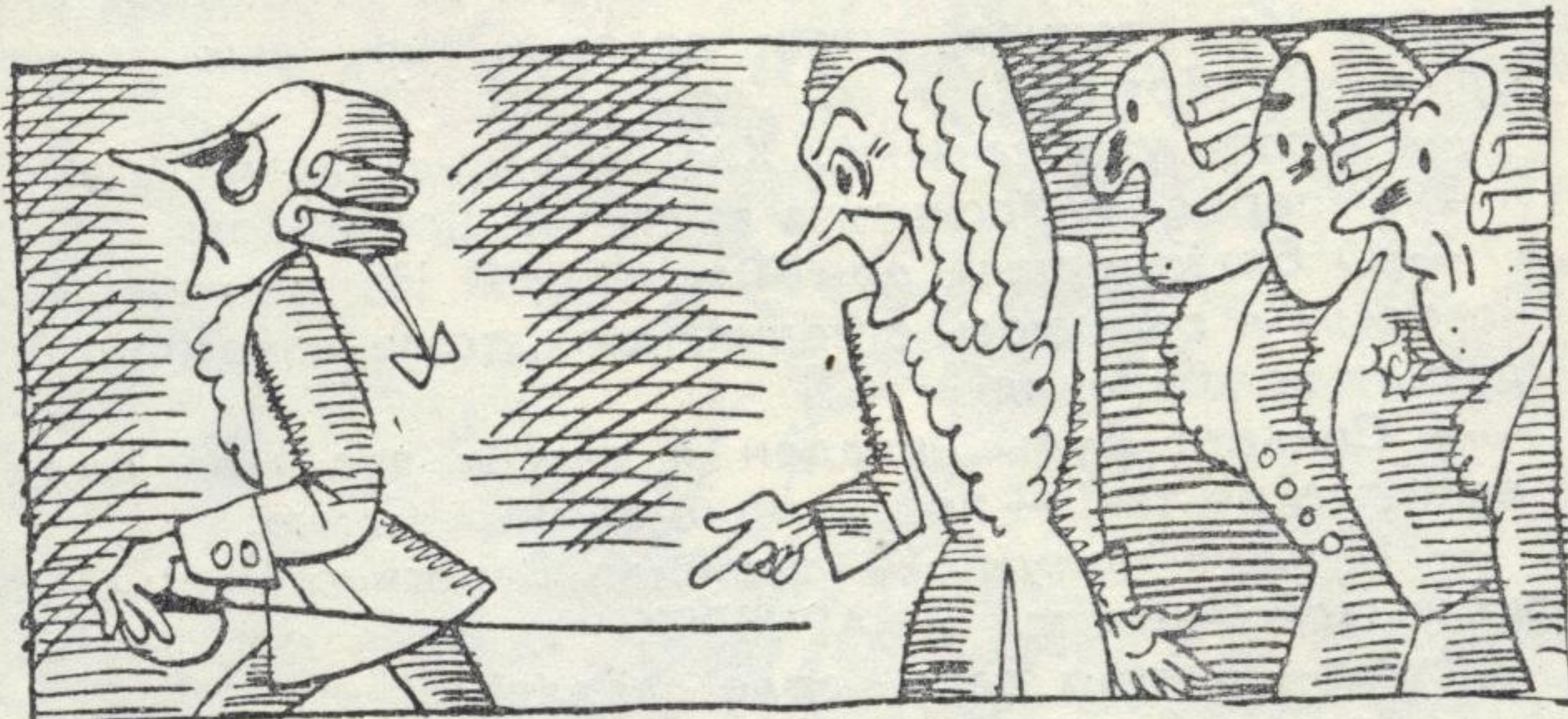
Льстивые придворные наперебой расхваливали философское сочинение своего властелина.

Слыша эти разговоры, Вольтер заметил:

— Книга короля подобна его шпаге.

— Как метко сказано! — зашушукались придворные. — Вы хотите сказать вашим сравнением, герр Вольтер, что книга его величества такая же острая и блестящая, как его шпага?

— Нет, — бросил на ходу Вольтер, — такая же длинная и плоская.

ПЕВИЦА И ГРАДОНАЧАЛЬНИК

Тот же Вольтер сказал как-то: «Дурак может отмочить такое, что никакому умнику и в голову не придет».

Это замечание вспоминали образованные петербуржцы в дни гастролей замечательной певицы Генриетты Зоннтаг. Все люди, хоть сколько-нибудь чуткие к искусству, восхищались мастерством Зоннтаг, только тупой и упрямый петербургский градоначальник пожимал плечами:

— И чего только находят в этой Зоннтаг! Если бы у моей жены был такой голос, она пела бы не хуже!

Впрочем, и среди поклонников Зоннтаг находились чудаки, к которым с наименьшим основанием можно было отнести замечание Вольтера.

Как-то два театрала заспорили о том, красива ли знаменитая певица.

— Не понимаю, сударь, как вы можете называть ее красавицей, — кипятился один, — если у нее один глаз меньше другого.

Его собеседник с достоинством возражал:

— Что вы! У нее один глаз значительно больше другого!

АРЧЕБЕК НА МАРШЕ СЕМЬ НОВЫХ АРЧЕБЕКОВЦЕВ

— Э, да нас встречают! — удивился Ферзьбери, когда мы бросили якорь. — Но какая наглость! Как этот тип с трубкой разглядывает меня?!

— Что вы, что вы, дорогой шахмат-адмирал! — воскликнул Паганель. — Я разглядываю не вас, а пылинки, приставшие к вашей обуви, и по ним определяю, откуда вы сейчас прибыли.

— А! Тогда другое дело! — и главнокомандующий

выслал к встречающим Витю Бедлинского, Володю Брюквина и Мишу Бержанера.

— Все они просят принять их в АРЧЕБЕК, — вскоре доложил Витя.

— В АРЧЕБЕК? Но ведь там не с ветряными мельницами воюют! И не на ядрах лета...

— А что на ядрах? — перебил барон Мюнхаузен. — Я скажу, не хвастая: и на ядре летая, решил около миллиона задач!

— Сколько?? — даже подпрыгнул Ферзьбери — Сколько??

— Гм... Гм... Около десяти тысяч!

— Что вы, барон, всё «около» да «около»! А сколько точно?

— А надо точно? Ну... если надо... то извольте... около ста. Или, точнее, почти десять... Или, еще точнее, одну... Да. Вот эту!

— Теперь уже так-сяк... Хотя это и не задача, а этюд.

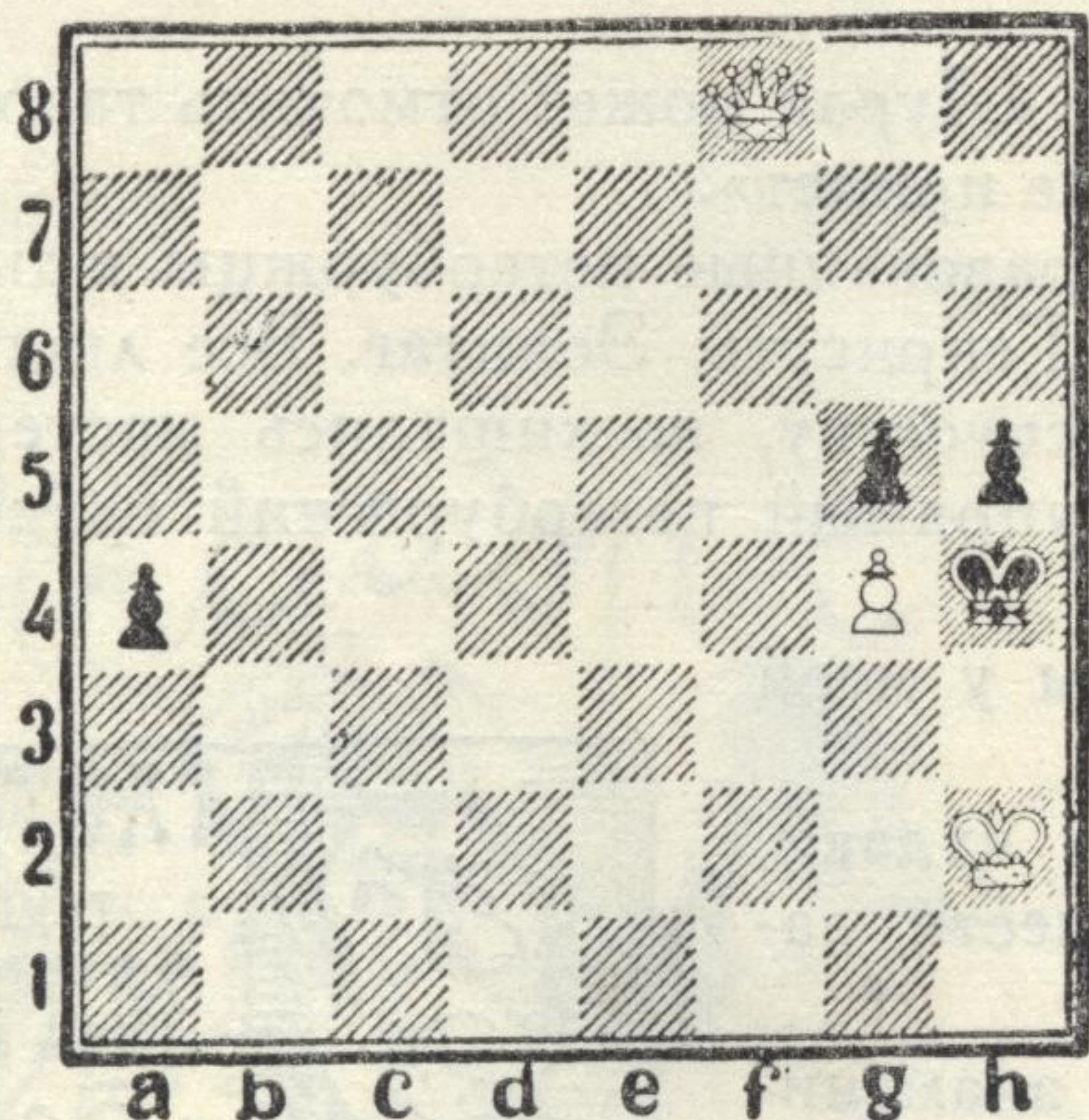
Тут вперед на Росинанте выступил Дон-Кихот:

— О благородный дон Ферзьбери! На знамени, псд которым я сражаюсь с великанами, тоже начертана чудесная комбинация!

— Сеньор! Будь неладен я сам и вся моя родня, если это не так! — подтвердил верный Санчо.

— И меня примите! — запищал Буратино. — Мне ужжжжасно хочется в АРЧЕБЕК! У меня есть четыре фигуры — мне их папа Карло сделал!

В Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток попросились также Паганель, Иванушка-дурачок и Робинзон Крузо. А затем — жуть! — кто-то невидимый отрывисто засмеялся, словно залаял, и, бросив свернутую в трубку диаграмму, злым голосом произнес:

— Может быть, вы, Ферзьбери, скажете, как тут дать мат в два хода, если вы такой всезнающий, каким считаете себя! Ха-ха-ха-ха!

— Считаю себя?! Ваше счастье, Невидимка, что я вас не вижу! — вспылил главнокомандующий. Но,

остыв, объявил, что все семеро в АРЧЕБЕК приняты, и закончил так:

— Доблестные арчебековцы! Хотя наш поход за волшебной доской окончен, но — увы! — мы ее не нашли! Однако нужна ли она нам, рыцари? Нужна ли теперь, когда вы так закалились, что и без нее решаете почти любую задачу?

— Не нуж-на!!! — дружно ответили рыцари и рыцарята. А Рита Тихомирова спросила: — Поход закончен, а что же дальше?

— А дальше... — Ферзьбери таинственно улыбнулся. — Дальше подождем «Костер» № 11 и № 12 и все узнаем!

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Решить! Этюд барона Мюнхаузена, задачи Невидимки и Паганеля — шахматным рыцарям! Комбинации Дон-Кихота, Иванушки-дурачка и Робинзона Крузо — шашечным рыцарям! Задачу Буратино — рыцарятам!

§ 2. Вместе с решениями выслать мне все почетные знаки для подсчета очков и присуждения призов и спортивных разрядов!

§ 3. Срок присылки решений — один месяц.

ШАХМАТ-АДМИРАЛ ФЕРЗЬБЕРИ

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Так ли вы решили задачи на планете Катуре?

Пройти по канату. 1. Le1+Lb1 2. Lc1! Задача Шахроба. 1. Фа1! c3 2. Фа2+c4 3. Фа5+. Если 1... e3, то 2. Фh1+e4 3. Фh5+. Если 1... d3, то 2. Фc3 e3 3. ed. Задача Коли (белые заставляют черных объявить мат белому королю). 1. e8K! Kph4 2. Kg7 Kph3 3. Kf5, и черным приходится пойти g2—g1X.

Выключить молнию. 1. Фе6 Кра4 2. Фа6X.

Ключ к замку. 1. cl—b2! g7 : al 2. h4—g5X. Скользящая горка. 1. a3—b4!! c5 : cl 2. h4—g5! f2 : d4 3. g5—h6 cl : e3 (лучшее) 4. h6 : d2 a7—b6. Белые еще должны играть точно — 5. g1—f2! b6—a5 6. d2—h6! d4—c3 7. f2—e3! c3—b2 8. h6—g7! X. Прыжок на утес. 1. b4—c5! 2. cl : g5 3. a3—b4 4. e1—d2X.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За отличное и быстрое выполнение приказа № 6 представлены к награде:

Олег Ларионов (Певск), Виталий Муха (с. Красновка), Ольга Ли (с. Ново-Баженово), Саша Тетерин (ст. Кулой), Валерий Томницкий (с. Сусловка), Леня Степин (Первомайский), Марина Селезнева (Ленинград), Толя Гречухин (Мукачево).

Обложка Ю. Мезерницкого

На второй странице обложки и титуле рисунки М. Беломлинского

На третьей странице обложки рисунок Ю. Лобачева

На четвертой странице обложки рисунки Н. Муратова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погдин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юрган (зам. редактора)

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-36987.

Подписано к печати 10/IX 1968 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1387.

Печ. л. 8+1.

6,72 усл., 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1.

КОМБИНАЦИЯ

а1 с1 с5 d6 g1 h2 а3 а7 d2 e3 f8 g5
к о м б и н а ц и я

d2, e1, f2, f4, g3
d4, d6, f6, f8, h4

МАТ
В
ДВА
ХОДА

Кр а8, Лс3

Кр h8, Cd1
пн. d2, d6
Яничья

МАТ В ТРИ ХОДА

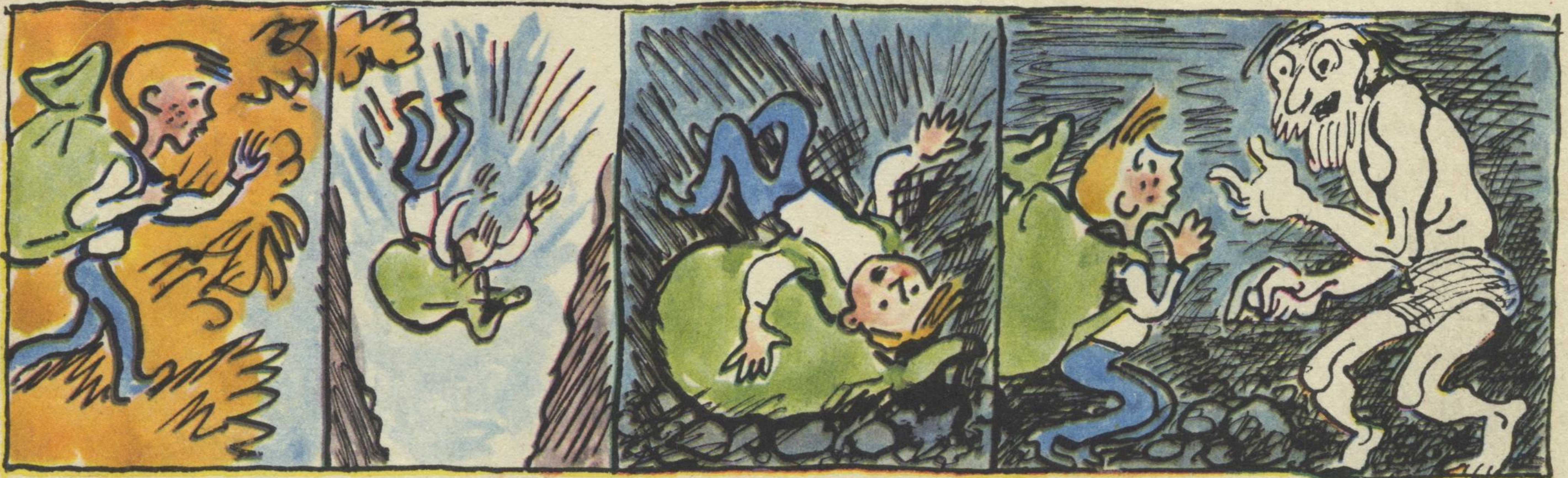
МАТ В ТРИ ХОДА

**КОСТЯ ТЁРКИН
В ПРОПАСТИ**

*Земляков проесть
8-4
Зодичи*

День был чудесный. Солнце в лесу светило ярко. Листья на деревьях переливались сентябрьским золотом. К тому же это был День здоровья, когда обычные пять уроков заменены одним длинным, но увлекательным, — походом в лес.

В поисках приключений Костя углубился в чашу.

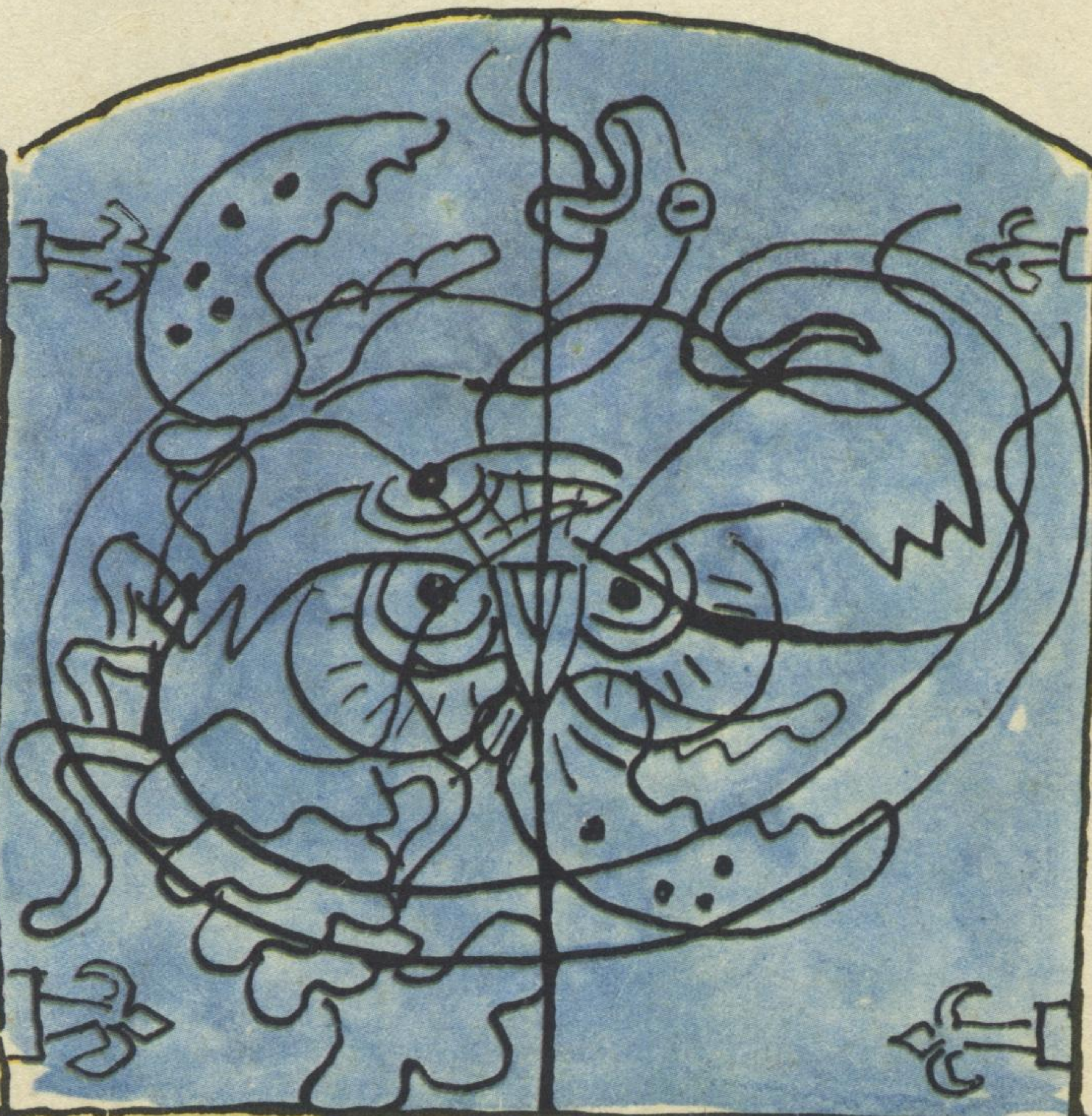
Коварная пропасть подстерегала нашего героя.

От неминуемой гибели Костю спас рюкзак.

Но как выбраться из пропасти? Выхода нет! И тут появился он.

— Здравствуйте, дедушка, — неуверенно обратился Костя к дикому на вид обитателю пропасти. — Где тут у вас выход?

— Здорово, пацан — хриплым голосом ответил старец. И добавил зловеще: — Выхода нет. Я его уже сорок лет ищу, этот выход. Вообще-то я Сенька Оплошкин, ученик пятого класса двадцать третьей школы. Мы ходили в поход, и я провалился в эту дыру. Есть тут одна штуковина... — и он показал Косте крепко запертые ворота. — Но я там чего-то не пойму...

Сбоку от ворот на скале красовалась надпись:

**ХАТОРОВ АН ХЫН-
НЕЖАРБОЗИ ХЕСВ
ТЕАНЗУ ОТК МЕТ
ДЕРЕП ЯСТЮОРКТО
ХРЕВАН АЦИНТСЕЛ
ЯСТИАТ ИМЫРОТОК
АЗ АТОРОВ
ДОХЫВ**

— Прекрасно, — сказал Костя бородатому Сеньке, — надпись я уже прочел, а выбраться нам помогут читатели.